

Pro et Contra

№ 3-4 (46), май — август 2009

Том 13

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Издается с августа 1996 г.

Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталия Марголис

**Ответственный
секретарь**

Татьяна Барабанова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ольга Иванова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги
за Международный Мир
(Carnegie Endowment
for International Peace)

Издание осуществляется
при материальной
поддержке
Фонда Макартуров

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 13.10.2009 года. Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д. 25/33, Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ №

© Carnegie Endowment for International Peace, 2009

Исторический нарратив, будь то учебник или популярная литература по истории, — продукт неизбежной редукции. Подобное «невинное» упрощение связано с нуждами широкой аудитории: спрямляется изложение, уходят лишние детали, нюансы, неясности, противоречия. Хуже когда редукция продиктована исключительно политическими

причинами. Еще хуже, когда отсечение «лишних» фактов становится прерогативой государства с его мощными и разнообразными ресурсами. Государственное препарирование прошлого представлено в знаменитом романе «1984»: одним

из важнейших элементов оруэлловской антиутопии является непрерывное переписывание происшедших событий в соответствии с политической правдой момента. Впрочем, не в меньшей степени историю корежили и в реальном СССР — для тоталитарного режима идеологическая безупречность куда ценнее исторической достоверности.

В сегодняшней России государство уже не проявляет амбиций построить единый государственный нарратив для истории всех времен и всех народов. Но некоторые эпизоды истории, в частности, Вторая мировая война, находятся под пристальным вниманием властей, и попытки государства декретировать единственно верный взгляд на эти сюжеты, становятся все настоящим. К таким попыткам относятся и создание комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России, и агрессивная кампания в государственных СМИ в преддверии 70-й годовщины начала Второй мировой войны, и публикация огромным тиражом — на порядок превосходящим тиражи аналогичных пособий — учебника по истории XX века, идеологически выверенного и поддержанного государственными структурами.

Проблема использования истории в политических целях актуальна во всех посткоммунистических странах Европы, которые после распада коммунистической системы занялись формированием новой идентичности. Крах коммунизма стал освобождением от внешней враждебной силы, каким виделся им Советский Союз. Ощущение себя жертвой советского империализма помогало национальному сплочению и облегчало тяготы посткоммунистического периода, который таким образом обретал ясный смысл: восстановление преемственности с довоенным национальным выбором, для одних стран реальным, хотя и сильно идеализированным, для других — воображаемым. История стала важнейшим политическим инструментом, а спекуляция на национальной трагедии неизбежно порождала примитивный националистический дискурс, поклонников которого, увы, легко завербовать практически в любом обществе.

В России поиск новой идентичности — задача куда более сложная, чем в посткоммунистических странах Европы. В нашей стране и близко нет согласия по поводу «золотого века», преемственность с которым российский народ хотел бы восстановить. На эту роль не годятся — по разным причинам — ни царская Россия, ни большевистский СССР. То чувство освобождения, которое значительная часть россиян испытала, отринув в 1991 году коммунизм, не закрепилось в национальной памяти. В отличие от тех стран Европы, которые новым национальным праздником сделали освобождение от коммунизма и восстановление независимости, россияне отвергли введенное было празднование 12 июня. Мы не в состоянии сформулировать, откуда берет начало нынешняя российская — постимперская? национальная? — государственность. Отсутствие этого важнейшего элемента национального самосознания позволяет понять, почему Россия относительно поздно взялась за использование истории в политических целях. В нашей стране — это не попытка построить новую идентичность, а скорее ответ на те, неприемлемые для россиян,

националистические версии истории, которые активно отстаивают в странах Восточной и Центральной Европы.

Единственная идеологема, которую разделяет подавляющее большинство российских граждан, это победа России (Советского Союза) над гитлеровской Германией — поистине грандиозное, великое событие. Но при этом именно история Второй мировой войны является в современной России объектом грубой редукции: в государственном дискурсе и в общественном сознании, которые в данном случае находятся в полном взаимном согласии, представление о войне урезано до вероломного нападения нацистов и последующей победы России. Предшествующие и последующие события — в частности, раздел Польши между Германией и СССР, массовые расстрелы польских офицеров, оккупация Прибалтики, наконец, установление репрессивных промосковских режимов в Восточной Европе — то, на чем во многом зиждется сегодняшняя национальная идентичность соответствующих народов, в российском государственном дискурсе практически отсутствуют. Злоупотребление историей в политических целях равно неприглядно — как в форме поощрения национализма на антироссийской основе, так и в форме отказа от обсуждения трагедий коммунистического прошлого. При этом, защищая от «фальсификаций» государственную правду о войне и победе и замалчивая преступления советского режима, политическое руководство России восстанавливает — пусть, частично — преемственность с коммунистическим государством и тем создает еще большие препятствия для формирования новой российской нации.

Российский историк **Алексей Миллер**, который активно внедряет концепцию исторической политики в отечественную науку, внес значительный вклад в составление данного номера *Pro et*

Contra, посвященного особенностям этой политики в разных странах. Он также является автором главного материала, в котором подробно разъяснено содержание самого понятия исторической политики и описана российская ситуация в данной сфере. «Используя административные и финансовые ресурсы государства, — пишет Миллер, — те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти... Для понимания феномена исторической политики важен не только, и даже не столько вопрос, что именно пропагандируется. Важнее то, как это делается, какие методы используются в этой пропагандистской работе». Анализируя украинский опыт, **Георгий Касьянов** заключает, что «президент Ющенко использовал историческую политику как идеологическое основание строительства нации, а в центр исторической политики поместил проблему голода 1932—1933 годов». Статья **Роберта Трабы** — о ситуации в Польше. На рубеже 2004—2005 годов, считает автор, здесь произошло возвращение к неоконсервативной национальной идеологии, которая опирается на «ценности этнического патриотизма XIX века». **Ольга Борох** и **Александр Ломанов** знакомят читателей с особенностями исторических дискуссий в Китае. **Ютта Шеррер** сравнивает то, как происходит общественная и политическая работа над прошлым в Германии и Франции. **Александр Астров** на примере Эстонии рассматривает то, как меняется взгляд на недавнюю историю в этой стране. За пределами главной темы мы публикуем материал **Ирины Бусыгиной** и **Михаила Филиппова** о связи между демократизацией и федерализмом, а также статью **Томаса Карозерса** о том, как реализуется принцип верховенства закона в авторитарных и полувластительных режимах.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

6 Россия: власть и история

АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР

«Все ключевые элементы исторической политики без труда обнаруживаются в российской практике последних двух лет. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций».

24 Голодомор и строительство нации

ГЕОРГИЙ КАСЬЯНОВ

«Президент Ющенко использовал историческую политику как идеологическое основание строительства нации, а в центр исторической политики поместил проблему голода 1932–1933 годов. Обращение Ющенко к этой теме совпадает по времени с активизацией борьбы за перераспределение власти (2006–2008). Еще одной причиной интенсификации исторической политики при Ющенко был расчет на то, что национально ориентированная гуманитарная политика и историческая политика как ее элемент поможет восстановить морально-политическое единство Украины».

43 Польские споры об истории в XXI веке

РОБЕРТ ТРАБА

«На рубеже 2004–2005 годов был запущен еще один механизм публичного создания новой версии истории, который я называю “новой исторической политикой”. Ее главным лозунгом стал отказ от “критического патриотизма” и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом “патриотизм завтрашнего дня”. Парадоксальным образом “патриотизм завтраш-

него дня” истолковывался со “вчерашней” точки зрения. Суть его, как и прежде, сводилась к созданию общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма XIX века».

65 Китай: возвращение Небесного повеления

ОЛЬГА БОРОХ, АЛЕКСАНДР ЛОМАНОВ

«В наши дни в центре китайских дискуссий находятся события, которые разворачивались начиная с середины XIX века: они связаны с вторжением в Китай иностранных держав, с поиском путей преодоления экономической бедности и военного бессилия, с революционным движением и переходом к социализму. Сохраняется официальный исторический дискурс, в котором переплетаются история государства и правящей партии. Вместе с тем за три десятилетия реформ в Китае появилось пространство для выражения различных точек зрения».

89 Германия и Франция: проработка прошлого

ЮТТА ШЕРРЕР

«Национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики. Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое без надрыва и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора, подобного Гитлеру, человечным, как в фильме “Крушение” режиссера Оливера Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме “Мой фюрер” режиссера Дани Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете».

109 Эстония: политическая борьба за место в истории

АЛЕКСАНДР АСТРОВ

«Эстонских политиков, вполне сознательно переписывающих историю, меньше всего интересует

при этом Россия. Как и в экономике, основные интересы эстонской “исторической политики” находятся на Западе, где разворачивается весьма своеобразное противостояние, определенное Глюксманом как “Запад против Запада”. Для Эстонии, помимо всего прочего, это означает выход за рамки другого, более раннего историко-политического дискурса “спора историков”, в свое время во многом определившего параметры восстановления независимости».

СТАТЬИ

125 Проблема вынужденной федерализации

ИРИНА БУСЫГИНА, МИХАИЛ ФИЛИПОВ

«Без полноценной демократии, в особенности на региональном уровне, невозможно обеспечить стабильность, а значит, и эффективность федерации. Более того, в отсутствие развитого демократического процесса и партийной системы федерализм как конституционная форма приводит к росту анархии, которая либо заканчивается распадом федерации, либо провоцирует переход к жесткой централизации, то есть фактический отказ от федерализма. Такой теоретический вывод подтверждается как опытом последних лет Советского Союза, так и политической динамикой Российской Федерации».

139 Искушение верховенством закона

ТОМАС КАРОЗЕРС

«В последнее десятилетие тенденция к расширенной трактовке верховенства закона столкнулась с контртенденцией. Авторитарные и полуавторитарные режимы все чаще публично приветствуют сам этот принцип, но настаивают на редуцированной, “процедуралистской” его трактовке. Они обещают своим гражданам справедливость и эффективность, но при этом выносят права человека за рамки концепции верховенства закона. Особенно наглядно это демонстрируют два крупнейших государства, бросающих вызов демократии западного образца, — Россия и Китай».

РЕЦЕНЗИИ

151 *Александр Яковлев*. Перестройка: 1985—1991. Неизданное, малоизвестное, забытое / Сост. А.А. Яковлев

ИЛЬЯ КУКУЛИН

160 *Татьяна Соловей, Валерий Соловей*.

Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма

ДМИТРИЙ ФУРМАН

165 Наши авторы

166 Contents and Summaries

Россия: власть и история

Историческая политика последовательно разрушает пространство для общественной дискуссии внутри страны и в отношениях с соседями | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Для обозначения связи профессиональной историографии и коллективной памяти с политикой используется целый ряд понятий. Их ассортимент варьирует от страны к стране¹, и это может быть предметом отдельного исследования. В России мы, главным образом, имеем дело с такими терминами, как «политизация истории» и «политика памяти». В последнее время все чаще используется термин «историческая политика». Отправной точкой для этой статьи, во второй части которой речь пойдет о ситуации в России, будет попытка определить различия в содержании этих понятий. Разумеется, такое разграничение — дело конвенции, и то, что следует далее, это именно попытка такую конвенцию предложить.

Политизация истории — по сути дела неизбежная и неизбывная вещь. Она начинается уже на индивидуальном уровне: в своих исследованиях всякий историк в большей или меньшей степени находится под влиянием современной ему общественной ситуации, собственных политических взглядов, а также национальной, религиозной, социальной идентификации. В определенном смысле эта связь является источником постоянного развития и обновления истории², потому что новое время и ситуация, равно как и личный опыт, каждый раз подталкивают историков

к постановке новых вопросов. В той мере, в которой различные группы историков подвержены сходным воздействиям политических факторов, мы можем говорить о том, как политизация истории функционирует не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Речь идет, например, о контексте национальных историографий, который был определяющим для историков со времен Леопольда фон Ранке, и во многом остается определяющим сегодня. Мы часто говорим также о делении историков по их политическим предпочтениям, которые оказывают влияние и на методологические подходы, — отсюда такие термины, как «либеральные историки», «консервативные историки», «историки-марксисты» и т. д.

Вместе с тем признание того факта, что историк в своем творчестве испытывает влияние современных обстоятельств и собственных политических пристрастий, является исходной точкой для выработки определенных механизмов, которые позволяют снижать это влияние — через рефлексию и самоконтроль, внятное изложение альтернативных точек зрения, внимательное отношение к профессиональной критике. В сфере изучения причинно-следственных связей, оценок событий и деятелей прошлого история не может претендовать на статус объективной науки и способность устано-

вить «истину». Нормой признается *стремление* к объективности и исследовательский *поиск*, неотъемлемыми элементами которого являются дискуссия, плюрализм мнений, причем не только внутри сугубо профессиональной сферы историков, но и в представлении результатов работы историков обществу. Профессиональные нормы предполагают такое построение аргумента, которое открыто для верификации, то есть проверки источников и критики тех логических ходов и ценностных установок, которые использует автор. Выработка этих принципов далась цеху историков непросто, тем больше мы должны их ценить.

Политизация истории не ограничивается влиянием политической злобы дня на профессиональных историков. Ее можно видеть и в привычке читателей искать в сочинениях историков мнения по актуальным вопросам. Эта привычка еще больше закрепляется оттого, что некоторые ученые, порой в ущерб профессиональной этике, стараются соответствовать подобным ожиданиям аудитории.

О политизации истории можно говорить и в том случае, когда политики используют «исторические» аргументы в своих выступлениях. Это явление также распространено повсеместно и, по всей видимости, неистребимо. В то же время в демократических обществах уже накоплен опыт, когда использование исторических аргументов делает политиков легкой добычей критики как со стороны соперников по политической борьбе, так и со стороны профессиональных историков.

О *политике памяти* мы говорим тогда, когда дело касается различных общественных практик и норм, связанных с регулированием коллективной памяти. Речь идет о коммеморации (то есть о сооружении памятников и музеев, об отмечании на государственном или местном уровне как особо значимых определенных событий

прошлого), об акцентировании внимания на одних сюжетах истории и замалчивании или маргинализации других, о выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других.

Государство также влияет на политику памяти и исторические исследования через регулирование доступа к архивам, через определение стандартов исторического образования (то есть того минимального набора тем и фактов, которые учащийся обязан знать), а также через приоритетное финансирование исследований и изданий о тех или иных проблемах истории и т. д. Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, — нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. Наличие парламентской оппозиции, а также независимых общественных и профессиональных объединений³, отстаивающих представления, отличные от позиции той партии или группы, которая в данный момент находится у власти, как правило, способствует сохранению плюрализма в политике памяти.

«Места памяти»⁴, создаваемые в рамках политики памяти, могут быть «закрытыми», то есть фиксирующими строго определенную интерпретацию исторического события или персонажа, а могут быть «открытыми», создающими пространство для диалога и различных трактовок⁵.

Неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания могут служить первые 15–20 лет отношения к теме нацистского прошлого в ФРГ, отношение во Франции того же периода к теме коллаборационизма и Виши или отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима. Как пра-

вило, такое забывание через определенное время сменяется повышенным интересом историков и общества к «забытым» темам.

Забывание может быть также «отрицающим», когда ключевые общественные силы избегают признания и обсуждения определенных постыдных или преступных событий прошлого. Отрицающее забывание демонстрирует Япония, до сих пор избегающая разговора о преступлениях, совершенных японцами во время Второй мировой войны, или современная Россия, — например, в том, что касается поведения советских солдат в оккупированной Германии.

Бывает и «понимающее» забывание, когда фокус общественного внимания смещается в сторону от какого-либо события или процесса *после* того, как предприняты усилия по обсуждению, в том числе обсуждению вины и ответственности. В современной Германии, где нацистское прошлое осознано, не отрицается и не замалчивается, с некоторых пор признание ответственности уже не исключает, как когда-то, обращения к прежде «закрытой» теме страдания немецкого гражданского населения во время и после Второй мировой войны. Это тот случай, когда освоение народом темы вины и ответственности за трагедию Второй мировой войны открывает возможность обратиться и к теме его собственных страданий в ходе этой войны.

Таким образом, политика памяти может быть более или менее открытой для влияния и диалога различных общественных сил и историков, более или менее продуктивной в деле врачевания ран прошлого, преодоления внутринациональных и межнациональных конфликтов. Но она может также порождать новые конфликты, создавать сознательно искаженные образы прошлого.

Проблематика политизации истории и коллективной памяти уже давно является предметом изучения. Литература предмета поистине огромна. Появляются даже ста-

ти, предсказывающие спад интереса к этой теме⁶. Но сегодня мы скорее наблюдаем новый этап активизации политики памяти и политизации истории. Более того, в этой сфере происходят некоторые принципиально новые процессы, которые требуют описания, анализа и, на мой взгляд, особого термина для их обозначения. За неимением лучшего я предлагаю использовать термин «историческая политика». Он заимствован мною у польских сторонников этого нового подхода к проблемам истории и памяти, что, конечно, порождает определенные проблемы. Мое понимание природы исторической политики принципиально отличается от представлений ее сторонников, как явных, так и «стыдливых». С моей точки зрения, у этого термина есть важное достоинство: он верно определяет те отношения, которые возникают между политикой, выступающей здесь как существительное, и историей, которая служит лишь прилагательным. Термин подчеркивает, что речь идет именно о *политическом* феномене, который должен изучаться, прежде всего, как часть политики, и тем отличается от политизации истории и политики памяти в той трактовке, которая дана выше.

Происхождение понятия «историческая политика»

В 2004 году группа польских историков заявила о том, что Польше необходимо разработать и проводить собственную версию исторической политики. (Подробнее см. статью Роберта Трабы в этом номере *Pro et Contra* на с. 34–64.) Они не скрывали, что заимствуют термин (*polityka historyczna*) из немецкого *Geschichtspolitik*. В ФРГ понятие *Geschichtspolitik* возникло в начале 1980-х годов. Тогда новоизбранный христианско-демократический канцлер Гельмут Коль, сам имеющий ученую степень историка, решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха. Он назначил профес-

сионального историка Михаэля Штюрмера политическим советником и заговорил о необходимости «морально-политического поворота» в Германии. Важный элемент этого «поворота» состоял в том, чтобы утвердить более позитивный характер немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности за преступления нацизма, который сформировался в 1960–1970-е годы, когда у власти в ФРГ были

Польские сторонники исторической политики тоже говорили о необходимости утверждения здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Можно сказать, что они поступили честно, когда решили заимствовать понятие «историческая политика» для обозначения своей программы, — она вполне отвечала приведенному выше определению. В Польше это понятие прочно укоренилось и с 2004 года является не просто предметом ожесточенной поле-

“Те явления, которые получили имя «историческая политика», существенно отличаются от политизации истории и политики памяти”.

социал-демократы, и прочно ассоциировался с ними в политическом плане. Выдержанные в этом духе выступления историков Эрнста Нольте, самого Штюрмера и ряда их союзников привели в 1986–1987 годах к знаменитому *Historikerstreit* — «спору историков» о причинах возникновения нацизма и мере его ответственности за Вторую мировую войну (более подробно о «споре историков» см. в материале Ютты Шеррер на с. 89–107). В ходе этой дискуссии Коль и его союзники из числа немецких историков получили столь жесткий отпор, что *Geschichtspolitik* была свернута, не успев толком набрать обороты. Жесткость реакции — порой даже излишняя — подавляющего большинства немецких историков на выступления Нольте во многом была связана именно с тем, что они воспринимались как часть исторической политики. Понятие *Geschichtspolitik* прочно вошло в немецкий лексикон как обозначение «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации».

мики, но и объектом анализа, на результаты которого я во многом опираюсь в собственных попытках понять этот феномен. Действия в духе исторической политики в последние десять лет типичны практически для всех стран Восточной Европы; часто заимствуются и конкретные формы ее реализации, хотя далеко не везде сторонники исторической политики готовы сами характеризовать свою деятельность подобным образом⁷. Стремясь легитимировать историческую политику, ее сторонники любят утверждать, что в ней нет ничего принципиально нового, что все и всегда так поступали и поступают и «ненормальной» является, наоборот, ситуация, в которой у государства нет ясной и энергичной исторической политики. Мое принципиальное расхождение со сторонниками исторической политики состоит как раз в том, что я считаю те явления, которые получили имя «историческая политика», во многом новыми и существенно отличающимися от политизации истории и политики памяти, как они были описаны выше.

Природа и механизмы исторической политики

Как это обычно бывает с относительно новыми явлениями, историческую политику не так просто «ухватить» и четко описать, тем более что ее механизмы и задачи, как правило, сознательно скрываются. Феномен исторической политики особенно сильно проявляется в посткоммунистических обществах, но это лишь отчасти объясняется повышенным общественным интересом к истории и ее «белым пятнам», оставленным в наследство коммунистической цензурой. Наследие прежнего режима также важно на уровне интеллектуальных привычек и рефлексов, а также доступного историографического багажа.

Но суть вопроса как раз в том, что мы имеем дело с обществами *посткоммунистическими*, то есть освободившимися от прежних жестких форм авторитарного идеологического контроля. Об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов, партий и точек зрения. В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии.

В обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы меняются. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, груп-

па или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на контроль над ней, тем более репрессивный. Плюралистической становится школа, в который учитель истории, соблюдая образовательный стандарт, должен обладать свободой в выборе учебника и трактовок изучаемых событий и процессов. Историк в его научной деятельности должна быть обеспечена независимость и интеллектуальная свобода. Доступ к архивам должен быть равным для всех и регулироваться законом, а не административными решениями. Государственное финансирование школы и исследований не предполагает права той группы или партии, которая в данный момент стоит у власти, диктовать содержание преподавания и исследований, поскольку это не деньги данной партии, а бюджет страны, сформированный из налогов граждан; политическая сила, стоящая у власти, не может претендовать на идеологическую монополию.

Именно в этих новых условиях — в той или иной степени соблюдаемых (или имитирующих соблюдение) — возникает набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Иными словами, используя административные и финансовые ресурсы государства, те политические силы, которые находятся у власти, осуществляют идеологическую индоктринацию общества в сфере исторического сознания и коллективной памяти. (Речь идет о таких исторических событиях и процессах, по которым в обществе нет консенсуса, которые являются предметом дискуссии.)

Полагаю, что для понимания феномена исторической политики важен не только, и даже не столько вопрос, что именно про-

пагандируется. Важнее то, как это делается, какие методы используются в этой пропагандистской работе.

Современная историческая политика не может в полном объеме вернуться к прежним, советским методам и навязать единственно верный взгляд, даже если предположить, что в некоторых случаях ее организаторы хотели бы этого, и вынуждена изобретать новые способы вмешательства в историю и политику памяти, а также новые стратегии легитимации такого вмешательства.

Каковы же эти новые механизмы? В институциональном плане, прежде всего, бросается в глаза появление институтов национальной памяти в Польше (см. подверстку на с. 12) и Украине и учреждений, схожих с ними по функциям и принципам организации, которые существуют во многих других странах.

Другой пример институционального изменения исторической политики — создание музеев под прямым патронатом определенных политических сил; позиции политических оппонентов при этом полностью игнорируются. Так, под патронатом братьев Качиньских был создан Музей Варшавского восстания, под патронатом венгерских правых — «Дом террора» в Будапеште, под патронатом президента Ющенко — «Музей советской оккупации» и стандартная экспозиция о Голодоморе для региональных музеев и т. д. В центре исторического нарратива вообще и музейных экспозиций, в частности, оказывается мартирология и образ врага, который, как правило, отчетливо ассоциируется с современными политическими силами и вне страны, и внутри нее⁸.

Историческая политика проявляется и на законодательном уровне, когда парламенты принимают законы, закрепляющие ту или иную трактовку исторических событий как единственно верную. Иногда в проектах этих законов и даже в утвержденных

парламентами актах предусматриваются уголовные наказания для тех, кто оспаривает такую трактовку. Эта практика характерна не только для Восточной Европы (о примере Украины см. статью Георгия Касьянова в этом номере *Pro et Contra* на с. 24–41), но и для Западной (о Франции см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–107)⁹.

Идеологические основания

Идеологическое обеспечение исторической политики основано на четырех главных постулатах. Во-первых, история и память представляются, прежде всего, как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником. Отсюда делается вывод, что история «слишком важна, чтобы оставить ее историкам»¹⁰. Это, среди прочего, означает, что историки уже не считают принципы профессиональной этики обязательной нормой, а при этом самих историков, как рядовых бойцов идеологического фронта, пытаются поставить под надзор более «искушенных» и «патриотичных» людей¹¹.

Во-вторых, утверждается, что «все так делают», чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе, принятых в демократических условиях. Это выражается и в прямом ограничении свободы высказывания, и в вытеснении неудобных взглядов на обочину медийного поля, и в изменении принципов финансирования. Например, вместо системы распределения грантов на исследования, которая контролируется самим научным сообществом, выделяются деньги на проекты, осуществляемые по прямому политическому заказу.

В-третьих, считается очевидным, что внешний противник неустанно стремится утвердить такую интерпретацию событий прошлого, которая вредит нашему отечеству. А потому долг историков — солидарно про-

Польский Институт национальной памяти

В польском ИНП работают более 1 200 человек.

В нем есть исследовательское и издательское подразделения, а также особая прокурорская служба. Институт контролирует архивы служб безопасности бывшей ПНР, в том числе решает, кто и какие материалы получает из этих архивов, а кто не может их получить. Таким образом, те историки, которые работают в ИНП, получают преимущества. К тому же благодаря работе в ИНП они имеют статус государственных служащих с соответствующими привилегиями и дисциплинарной ответственностью. Их зарплата в разы превышает зарплату историков в национальной Академии наук и университетах. Исследовательский бюджет Института больше, чем сумма бюджетов всех других центров по изучению истории Польши XX века. Руководящий состав и, прежде всего, директор — это политическая номенклатура, назначаемая политическим руководством страны.

С утверждением политического влияния в ИНП партии «Право и справедливость» братьев Качиньских все структурные и правовые проблемы ИНП проявились с особой остротой. Вот как об этом говорит уважаемый польский историк Ежи Едлицкий: «Не в том зло, что появился институт, который призван интенсифицировать работу над проблемами новейшей истории, а в том, что с момента своего основания он отягощен исторической политикой. Политикой, в результате которой в одних руках оказалась сосредоточена прокурорская

власть, власть над документами, издательская власть и материальные средства, каких ни один другой институт, исследующий прошлое, никогда в своем распоряжении не имел. Эту власть отдали одной группировке и превратили Институт национальной памяти в трибунал, который имеет право безапелляционно осуждать и бесчестить и отдельных людей, и целые сообщества». Коллега Едлицкого Дариуш Стола добавляет, пожалуй, самое важное: «Профессор Едлицкий, справедливо критикуя Институт национальной памяти, не заметил тесной связи между недостатками этого института и его государственным характером. ИНП — не исследовательское учреждение, а министерство памяти, мои коллеги историки, которые там работают, являются государственными чиновниками, а их шеф — политиком. Научные институты — университеты, исследовательские центры и т. д. функционируют по другим принципам, имеют другие критерии оценки, механизмы защиты независимости...» См.: *Co ma państwo do historii // Gazeta Wyborcza*. 2008. Jun. 14. (http://wyborcza.pl/1,76498,5311937,Co_ma_panstwo_do_historii_.html).

Новизна такого учреждения, во-первых, в том, что оно объединяет прежде раздельные функции. Контроль над архивами дает историкам института не просто право «первой ночи», но и возможность блокировать доступ к документам для других исследователей. А значит,

открывает широкие возможности для манипуляций и даже фальсификаций. Сотрудники украинского Института национальной памяти также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ), а заместитель директора Института Володымир Вятрович, «прославившийся» книжкой о том, как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны, является также советником директора СБУ.

Во-вторых, совмещение исследовательских подразделений и органов следствия превращает ИНП в мощное политическое оружие, как при реализации законов о люстрации, если таковые в стране имеются, так и за счет контролируемых вбросов информации, дискредитирующей политических противников. И примеров такого рода накопилось уже много как в польской политической практике, так и в других странах.

В-третьих, издательские возможности таких учреждений далеко превосходят потенциал академических и частных научных и даже научно-популярных издательств.

Наконец, привилегированный статус сотрудников одновременно означает, что их научная и публикаторская деятельность находится под контролем. Если им вдруг случается отклониться от «генеральной линии», которую навязывает политическое руководство страны, их легко можно призвать к порядку. Таких эпизодов в деятельности польского ИНП более чем достаточно.

тивостоять опасности, как правило, через отстаивание противоположного аргумента: на всякое их «да» мы скажем «нет», и наоборот. Как следствие, разрушается пространство для диалога внутри страны, поскольку все обязаны присягнуть заявленным постулатам.

То же происходит и в отношениях с внешним миром: сторонники исторической политики по обе стороны границы вступают друг с другом в жаркие перепалки. Поскольку ни та, ни другая сторона не стремится ни убедить, ни понять оппонента, то подобные «дискуссии» только нагнетают конфликт.

В-четвертых, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях — ради того, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи».

В действительности общественные интересы — только прикрытие, а истинные цели носят политический, партийный характер. «Истинно патриотическая» версия истории неизменно оказывается выгодной определенной политической силе. Так, сторонники исторической политики в Польше с ее помощью сражаются с политическими конкурентами за право братьев Качиньских считаться единственными наследниками движения «Солидарность». В Украине насаждаемые Ющенко трактовки истории Украинской повстанческой армии и голода 1932–1933 годов служат подспорьем в его борьбе с оппозицией и помогают утвердить такую концепцию украинской нации, которая соответствует представлениям президента и его политических союзников. С помощью исторической политики борются за голоса избирателей, устраняют конкурентов в рамках и за рамками процедур законов о люстрации¹². Как правило, роль исторической политики во внешнеполитической

сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное.

Как это делается в России

В этой части статьи я не буду подробно реконструировать развитие исторической политики в России, тем более что многие шаги в этой сфере носят закулисный характер и пока недоступны для анализа. Я лишь постараюсь показать, как соотносятся некоторые события последних двух-трех лет с той интерпретацией феномена исторической политики, которая предложена выше.

В апреле 2008 года в публичной лекции об исторической политике в Польше, Украине и России я попытался сформулировать ее специфику и привлечь к этому феномену общественное внимание¹³. Говоря о том, что в России историческая политика проявляется менее интенсивно, чем у соседей, я высказал опасение, что это лишь потому, что мы, как всегда, медленно запрягаем. Я утверждал тогда, что последствия от активизации исторической политики, если таковая последует, у нас будут крайне разрушительны из-за особенностей нашей политической конструкции. Как ни горько это признавать, опасения подтвердились.

В действительности первые серьезные признаки активизации исторической политики появились в России уже несколько лет назад. Судя по всему, команда, которая работала над так называемым учебником Филиппова — на самом деле речь идет о целом комплекте учебников и пособий по истории XX века, — была собрана и получила соответствующее задание еще в 2006 году. Во всяком случае, в 2007-м в свет вышел первый продукт этой группы — пособие для учителей по новейшей истории России¹⁴. Вскоре появился учебник «История России, 1945–2007», а также методическое пособие по периоду 1900–

1945 годов¹⁵. Учебник по этому периоду выйдет в ближайшее время.

Вопрос о том, убедительна ли трактовка событий в этом учебнике, для нашей темы не главный¹⁶. При наличии широкого выбора учебников право на существование имеет и такой. (О реальных возможностях выбора см. подверстку на этой странице.) Если отправной точкой для Филиппова — Данилова является отказ от концепции тоталитаризма, то ряд других пособий используют эту концепцию¹⁷.

Заявление авторов учебника о том, что главной задачей преподавания истории является воспитание гражданина, ничем в учебнике не подкреплено. В действительности труд Филиппова и его соавторов воспитывает патриотизм, понимаемый как преданность даже не государству, а власти. Грехи последней по преимуществу объясняются трудной международной ситуацией и необходимостью мобилизации. По сути дела — это обращенный в прошлое дискурс сегодняш-

Выбор учебников: видимость плюрализма

Взгляд на прилавки московских магазинов с учебной литературой создает превратное впечатление о преподавании истории в стране. Выбор учебников по истории действительно довольно широк (сами учебники пусть и не вызывают восторга, но, как правило, возмущения не вызывают тоже), но это лишь видимость плюрализма.

Учебник Данилова издан тиражом в 250 тыс. экземпляров. (На некоторых учебниках указан тираж 100 тыс., а на других — 150 тыс.; это соответствует двум типографским «заводам», то есть суммарно отпечатано 250 тыс. экземпляров.) Для сравнения — другие учебники издаются сегодня тиражом в 10, максимум — 15, некоторые — в 5 тысяч. Школы не покупают учебники в книжных магазинах. Их снабжают учебниками через специальные распределители, которые рассылают в школы списки наличествующей литературы, а школьная администрация заказывает из того, что имеется. Учебник Данилова присутствует в этом списке неукоснительно, другие — далеко не все и не всегда. Даже заказав другие

пособия, школы никак не гарантированы от того, что вместо заказанного им не придет учебник Данилова. Снабжение учебниками происходит на бесплатной основе. Если школа хочет купить в магазине тот учебник, который считает нужным, она может сделать это только из своего скромного бюджета, из которого производятся в том числе и хозяйственные работы. Мало кто из директоров согласится тратить деньги на учебники вместо ремонта. Можно собрать деньги на учебник с родителей. Многие так и делают. Но это возможно лишь в том случае, если все родители как один согласны заплатить. Стоит одному воспротивиться — и от учебника Данилова никуда не деться. Если кому-то из родителей покажется, что, требуя заплатить за «лишний» учебник, на него оказывают давление, школе грозят очень серьезные последствия. Это может быть квалифицировано как вымогательство, то есть школа рискует оказаться под статьей УК. В Москве, других крупных городах, где материальное положение родителей лучше, принцип свободы выбора учебника еще можно осуществить,

но в целом по стране система уже исправно закачивает в школы колоссальный тираж учебника Данилова. Кроме того, по имеющимся у автора данным, РОНО не забывают дать по шапке методистам, у которых подопечные школы не спешат заказывать «учебники нового поколения». А если тесты ЕГЭ будут разрабатываться в опоре на набор учебников Данилова — Филиппова, в чем трудно сомневаться, то окончательную победу этого «учебника нового поколения» можно считать гарантированной.

Двести пятьдесят тысяч тиража — это политическое решение, ни одно издательство не напечатало бы столько на свой страх и риск, если бы руководствовало сугубо коммерческими соображениями. «Просвещение», очевидно, должно было получить и авансовые деньги на такой заказ, и заверения, что спрос на учебник будет обеспечен. Предоставление авансовых средств и использование административных рычагов для успешного «внедрения» учебника как «правильного» — это и есть историческая политика в чистом виде.

ней правящей элиты, который поразительно похож на советский постсталинский нарратив за вычетом коммунистической риторики: дескать, перегибы и преступления были, но они были неизбежны во вражеском окружении и в условиях мобилизации, они искупаются успехами в модернизации страны, без которых была бы невозможна победа в Великой Отечественной войне. Решительно ничего нового. Там, где им не хватает аргументов, авторы нового учебника истории неизменно ссылаются на «мнение народа», который так «помнит», делая вид, будто им

характерное для исторической политики, тоже не обошло Россию стороной. Первым о необходимости принять закон, грозящий уголовным преследованием за «неправильные» высказывания об истории Второй мировой войны и роли в ней СССР, заговорил зимой 2009 года министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу, по совместительству один из лидеров «Единой России». Сегодня в Думу внесено уже два законопроекта, развивающих эти идеи²⁰.

Другой пример исторической политики в российском варианте — указ президен-

“Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь характерное для исторической политики, не обошло Россию стороной”.

не известно, что эта коллективная память сформирована десятилетиями целенаправленных усилий советской пропаганды.

Последняя глава пособия Филиппова называется «Суверенная демократия» (в книге без кавычек). Это понятие преподносится не как элемент идеологии одной из российских политических партий, каковым оно является на самом деле. «Суверенная демократия» используется как объективное описание современного политического режима в России, который и обеспечил, как объясняется в пособии, успешное развитие страны в последние 10 лет. То же самое делается и в учебнике Данилова¹⁸. Вот как о схожей ситуации в Польше говорит историк Анджей Фришке: «Если мы имеем дело с монолитным повествованием, которое редактирует центр со своими собственными идейно-политическими интересами, то перед нами индоктринация. ...Сегодня в Польше происходит индоктринация, причем наглая. Идет настоящая война за память»¹⁹.

Стремление регулировать вопросы истории с помощью законодательства, столь

та Медведева, изданный в мае 2009 года, о создании при Президенте Российской Федерации комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Указ вызвал волну негативных откликов как профессиональных историков, так и общественности. Вскоре, однако, число таких негативных суждений в публичной сфере резко уменьшилось. Возможно, к событию просто упал интерес, но нельзя исключить и то, что критическая реакция была притушена административным путем. Плохо и то и другое. Если СМИ было велено приглушить оппонентов, значит, власти не желают прислушиваться к критике и решительно настроены перевести сферу исторического сознания под политический контроль. Если общественность постепенно теряет интерес к теме, решив, что указ не будет иметь серьезных последствий, то это весьма наивно²¹. Указ имеет законную силу, и меры по его реализации неизбежно последуют. О том, каковы будут эти меры, можно догадаться по тем «сигналам», которые до нас доходят преднамеренно или случайно.

Летом 2009 года достоянием гласности — судя по всему, непреднамеренно — стал циркуляр академика Валерия Тишкова, заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН²². В нем руководителям академических институтов предлагалось составить аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций с указанием «лиц и организаций, формирующих и распространяющих фальсификацию». Никаких оговорок, что речь идет о зарубежных «фальсификаторах», в циркуляре нет. Информацию надлежало представить в течение трех дней. Нетрудно предположить, какой ящик

козлиными бороденками, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»²⁴.

Текст Данилина о комиссии хочется цитировать щедро: идеи активистов исторической политики автор излагает с подкупающей откровенностью, а его стилистика тоже заслуживает внимания²⁵. Автор честно признаёт: «Все это, безусловно, должно было стать раздражителем профессионального сообщества, и стало, безусловная реакция была получена»; «реакция в профессиональном сообществе историков была резко негативной». Впрочем, сам Данилин объясняет такую реакцию, главным образом,

“Руководителям академических институтов предлагалось составить перечень историко-культурных фальсификаций с указанием тех, кто их формирует и распространяет”.

Пандоры открывает этот циркуляр, какие, казалось, уже забытые навыки по доносительству и сведению личных счетов он способен возродить²³.

Интересные выводы можно сделать из тех публикаций, авторы которых встали на защиту указа о комиссии по фальсификациям. Проанализируем подробнее тексты двух заслуженных активистов исторической политики — Павла Данилина и Александра Дюкова. Заодно и представим себе типичный портрет такого активиста.

Данилин является автором текстов о «суверенной демократии», которые вошли в пособие Филиппова и учебник Данилова. Вот что этот хунвейбин российского разлива заявил оппонентам учебника Филиппова в своем интернет-блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцах головешках с

беспомощностью профессиональных историков и их ревностью к успешным бойцам исторической политики: «Именно любители пробили издателей и массово издают книги, в которых на уровне много выше, чем могут позволить себе профессионалы, рассматриваются те или иные события эпохи Сталина, Великой Отечественной, конца царского времени. Эти любители и энтузиасты — вот главное достояние России. Вот те, кто, своего живота не жалея, занимаются тем, что называется отстаиванием исторической памяти. Борьбой с фальсификациями. Как вы думаете, чем на это отвечают официальные историки? Чаще всего жуткой ревностью в бытовом плане, а в академическом — смещением на позиции, которые занимают как раз ревизионисты». Данилин недоволен включением в комиссию даже тех двух представителей Академии, которые там оказались, — директоров академических институтов А.Н. Сахарова и А.О. Чубарьяна, ну и, разумеется, «либерала Сванидзе»²⁶.

Статья Данилина не оставляет сомнений в том, что искать главных «фальсификаторов» нужно внутри страны и борьба с ними должна быть безжалостной. «Ревизионисты подняли головы и выступают в центральных СМИ, как будто при Геббельсе». На взгляд Данилина, новосозданный орган по борьбе с фальсификаторами истории — «это не научная и не академическая комиссия, а политический орган, целью которого будет именно политическая, а не научная работа».

Данилин сожалеет об отсутствии в комиссии «Исаева с Дюковым»²⁷. Александр Дюков, молодой человек с историческим образованием, не так давно создал фонд «Историческая память» и стал выпускать одну за другой книжки на острые исторические темы. Из тех двух, с которыми я успел ознакомиться, одна посвящена отношению УПА к евреям и в целом кажется вполне пристойной²⁸. Единственное, что удивляет, так это большой набор материалов из архива ФСБ, впервые введенный, как отмечается в книге, в научный оборот. Профессиональным историкам известно, как трудно попасть в архив ФСБ и получить там новые материалы²⁹. Во второй книге, где Дюков выступает как составитель и редактор вместе с Игорем Пыхаловым, заголовки говорит сам за себя: «Великая обогнанная война — 2. Нам не за что каяться!»³⁰. Приведу лишь несколько цитат из введения, которые показывают, что наши активисты вполне успешно освоили стилистику худших образцов «историко-политического» жанра в исполнении наших соседей. «Наши враги — и внешние, и внутренние — покушаются на самое святое — на народную память о Великой Отечественной войне. Нас пытаются лишить Великой Победы. Вторя геббельсовской пропаганде, псевдоисторики внушают нам, что Победа-де была достигнута “слишком дорогой ценой”, что она якобы

обернулась “порабощением Восточной Европы”, что солдаты Красной Армии будто бы “изнасиловали Германию”, а советских граждан, переживших немецкую оккупацию, чуть ли не поголовно сослали в Сибирь. Эта книга — отповедь клеветникам, опровержение самых грязных, самых лживых мифов о Великой Отечественной войне, распространяемых врагами России». Или вот это: «Еще один аспект, связанный с советскими репрессиями времен войны, рассматривает историк Александр Дюков. Документы Центрального архива ФСБ, впервые введенные им в научный оборот, свидетельствуют, что советская власть проводила по отношению к сотрудничавшим с нацистами коллаборационистам крайне умеренную и милосердную политику».

Дюков и его фонд, об источниках финансирования которого можно только догадываться, как раз и являются представителями тех «любителей-патриотов», которым, согласно Данилину, пришлось «пробивать издателей» (например, издательства «Европа», «Регнум», «Эксмо») и спасти от поругания нашу историю, вопреки беспомощности или прямому предательству историков-профессионалов. Им предстоит сыграть важную роль в проведении исторической политики, и к этому вопросу мы еще вернемся.

Высказывания Дюкова о комиссии³¹ умнее и сдержаннее, чем речи Данилина, но и он выражает сожаление, «что без представительства “либералов” в Комиссии обойтись было нельзя». Впрочем, Дюков надеется, что это «не повлияет принципиально на эффективность работы». В приведенных цитатах из обоих активистов исторической политики хорошо виден ее важнейший элемент: разрушение пространства для диалога в обществе по проблемам истории. Такой диалог является способом эффективного существования истории в общественном

пространстве, но он последовательно заменяется спором «патриотов и предателей», в котором «предатели», в идеале, должны быть лишены права голоса.

В цитируемом интервью Дюков выражает надежду на то, что сотрудники центра «Историческая память» войдут в состав рабочих групп, создаваемых комиссией. Конечно, циркуляр Тишкова показывает, что руководство РАН тоже готово включиться в работу. Но такие фонды, как «Историческая память» Дюкова, демонстрируют желание и готовность перехватить ведущую роль в обслуживании исторической политики, а с ней и те потоки финансирования, которые будут обеспечивать выполнение заказа³².

Это еще одно свидетельство того, как историческая политика меняет сами принципы взаимоотношений власти и науки. Деньги, выделяемые государством на исследование, в том числе исторические, до сих пор распределялись через фонды, которые работали на основании экспертных оценок самого научного сообщества. Так оно, собственно, и должно быть. Но теперь исследование по истории становятся своего рода политтехнологическим подрядом, и решения о финансировании и об оценке работы будет принимать политическая власть, а не научное сообщество.

Особенно примечателен ответ Дюкова на вопрос о зарубежных проектах, аналогичных комиссии по борьбе с фальсификациями, и о том, накоплен ли за границей опыт, который следует перенять в России. Пространственный ответ я приведу целиком, потому что из него становится вполне ясно, какой опыт Дюков и его соратники считают нужным перенять у нас:

«Прежде всего, назову Комиссию историков при президенте Латвии, созданную в 1998 году. Ключевыми задачами данной структуры являются обеспечение официальных лиц тези-

сами для “оккупационной” риторики и презентация на международной арене тематики “преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупаций (1940–1991)”, при этом акцент делается на “преступления советского тоталитаризма”. Одновременно в Латвии действует правительственная Комиссия “по установлению числа жертв тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР и мест их массового захоронения, обобщению информации о репрессиях и массовых депортациях и подсчету причиненного латвийскому государству и его жителям ущерба”, готовящая обоснования для официального выдвижения финансовых претензий к России. <...>

В Эстонии в 1993 году парламент создал государственную комиссию по расследованию репрессивной политики оккупационных сил, перед которой была поставлена задача подготовить “Белую книгу о потерях, нанесенных народу Эстонии оккупациями”. “Белая книга” была издана в 2003 году и послужила основой для масштабной антироссийской пропагандистской кампании, а также для требований к России “возместить ущерб, нанесенный оккупацией”. Кроме того, при президенте Эстонии была создана еще одна комиссия – Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при президенте республики. После завершения ее деятельности в начале 2009 года появилась информация о возможности создания на ее основе эстонского Института национальной памяти.

“Институты национальной памяти” – это очень специфические историко-идеологические учреждения, функционирующие в странах Восточной Европы за счет госбюджета. Первым из них стал созданный решением парламента в 1998 году польский Институт национальной памяти <...>.

Аналогичная польскому ИНП структура создана в 90-х годах и в Литве; она носит название

“Центр геноцида и резистенции”. Юридически центр является департаментом при кабинете министров страны, а директор его утверждает Сеймом по представлению премьер-министра страны. Точно так же, как и в польском Институте национальной памяти, в составе литовского центра функционирует департамент специальных расследований.

На Украине ИНП создан в мае 2006 года; в деле переписывания истории он активно взаимодействует со “специсториками” из Службы безопасности Украины и фондом “Украина–3000”, возглавляемый супругой украинского президента Екатериной Ющенко. Характерно, что недавно украинский ИНП публично заявил о невозможности сотрудничества с российскими историками по идеологическим причинам. Недовольство руководства украинского ИНП вызвал тот факт, что российские историки рассматривают голод 30-х годов как общую трагедию, а не трагедию исключительно украинского народа.

...Все [эти организации] финансируются из госбюджета, обладают серьезным потенциалом».

По сути, Дюков сказал правду — Комиссия по борьбе с фальсификациями является таким же инструментом исторической политики, как те учреждения у наших соседей, которые он описал в своем ответе. Остается указать на некоторые явные структурные и функциональные отличия комиссии от, например, польского ИНП и объяснить их причины. Во-первых, в отличие от Польши, современные службы безопасности России сохраняют преемственность со службами безопасности советского режима. Как следствие, в России не произошло изъятия архивов КГБ из-под контроля служб безопасности. Отчасти это похоже на ситуацию в Украине, где местный ИНП находится под патронатом СБУ и снабжается нужными документами из архива СБУ. В результате

ни в России, ни в Украине невозможно (в пределах здравого смысла) принять закон о люстрации.

Опыт Польши и других стран, где существуют такие законы, показывает, что люстрация дает массу возможностей для расправы с политическими оппонентами со стороны тех, кто в данный момент контролирует власть. Причем этой практике вовсе не мешает то, что архивы служб безопасности были изъяты из-под их контроля сразу после краха коммунистических режимов. Российские и украинские архивы СБ не могут служить основанием для проведения люстрации, поскольку невозможно рассчитывать на аутентичность и полноту используемых архивных материалов.

Состав российской комиссии по борьбе с фальсификациями, куда вошли несколько представителей спецслужб, ясно говорит о том, что в вопросе доступа к архивам спецслужб ставка сделана на сохранение нынешнего положения дел, когда закон РФ о рассекречивании документов после истечения тридцатилетнего срока попросту не выполняется. Согласно этому закону, все документы соответствующей давности должны быть автоматически рассекречены, и исследователи должны получить к ним доступ. Лишь специальными решениями можно сохранить гриф секретности на отдельных документах. Вместо этого у нас действует практика, согласно которой каждый документ рассекречивается специальными ведомственными комиссиями. Это будет происходить и далее, а доступ к документам будет открываться избранным исследователям, работающим «на заказ». Не исключено, что ведомственные архивисты будут просто делать для этих привилегированных пользователей подборки документов или даже выдержки из них по соответствующим темам. Все это полностью противо-

речит нормам научного подхода, поскольку исключает возможность независимого поиска в архивах и верификации используемых документов с точки зрения их аутентичности и полноты. Примеры такого рода мы находим, разумеется, в деятельности украинского и даже польского ИНП.

Во-вторых, в российском варианте явно принято решение о том, что собственно и исследовательские, и издательские функции будут рассредоточены по ряду учреждений и центров. И в том, и в другом случае ставка делается не на академические, а, скорее, на политехнологические структуры³³.

Таким образом, все ключевые элементы исторической политики без труда обнаруживаются в российской практике последних двух лет. Во-первых, налицо попытка насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории. Во-вторых, создаются специальные политически ангажированные структуры, совмещающие задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью. В-третьих, осуществляется попытка законодательного регулирования исторических интерпретаций. Наконец, имеют место типичные для исторической политики методы легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик. Как и в большинстве соседних стран, острое исторической политики направлено внутрь страны. Ведь если в России историческая политика соседей вызывает — вполне оправданное — презрение и возмущение, едва ли вдохновители и организаторы нашей собственной исторической политики всерьез надеются, что к плодам их трудов за рубежом будут относиться иначе!

Вступив, по примеру соседей, на путь исторической политики, Россия только способствует закреплению атмосферы «диалога глухих», которая чем дальше, тем

больше сопровождает обсуждение вопросов недавнего прошлого. «Зеркальный» ответ, когда на каждое «да» одной стороны другая неизменно говорит «нет», далеко не всегда эффективен для борьбы с исторической политикой других государств. Во всех соседних странах есть немало историков и общественных деятелей, которые решительно критикуют историческую политику собственных властей. (Многочисленные свидетельства этого можно найти в материалах данного номера *Pro et Contra*.) Разумный и достойный путь сопротивления исторической политике соседей состоит не в том, чтобы ответить им той же монетой, а в развитии диалога с противниками исторической политики во всех этих странах. В России есть люди, которые этим занимались и будут продолжать свою работу³⁴. Но отечественная историческая политика никак не делает их задачу легкой.

Кроме того, разрушительные последствия исторической политики внутри России могут быть серьезнее, чем в других странах. Причина в том, что возможности общества и исторического цеха сопротивляться исторической политике тем меньше, чем слабее элементы плюрализма и демократии. Сторонники исторической политики стараются внушить российским гражданам, что ситуация с функционированием истории в обществе требует решительных исправительных мер. Это не так. Историческая наука развивалась в постсоветской России совсем неплохо, особенно если принять во внимание те отчаянные материальные трудности, с которыми приходилось иметь дело, в том числе и историкам — как исследователям, так и преподавателям. Мы во многом преодолели методологическое отставание, наладили контакты с зарубежными учеными. Наличие разных точек зрения в академическом сообществе стало восприниматься как норма; постепенно мы — и профессиональные исто-

рики, и просто любители истории, даже начали привыкать к диалогу с теми, кто придерживался иных взглядов. Все это может сильно пострадать, если вмешательство политики в историю будет развиваться так-

ми темпами и в таком направлении, как в последние два-три года. Россия не раз уже демонстрировала способность доводить до абсурда заимствованные из-за рубежа идеи и методы. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Не удивительно, что самый богатый набор таких терминов существует в Германии. См. некоторые примеры в статье Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra*.

² Здесь и далее под историей понимаются исследование и описание прошлого как особая профессиональная сфера деятельности, а также образы прошлого в общественном сознании.

³ В наших условиях примером такой организации может служить общество «Мемориал», известна существенная роль, которую в этой сфере во Франции играет влиятельное объединение школьных учителей истории.

⁴ В широком смысле это не только памятники, музеи, мемориалы, исторические заповедники, любые другие места, так или иначе связанные с коллективной памятью, но также события и образы исторических персонажей.

⁵ Например, экспозиция музея может отражать лишь одну трактовку событий, которая кажется верной его устроителям, или различные подходы к этим событиям.

⁶ Rosenfeld G. D. A Looming Crash or a Soft Landing? Forecasting the Future of the Memory "Industry" // *The Journal of Modern History*. Vol. 81. No 1. March 2009. P. 122–158.

⁷ Подчеркнем, что некоторые элементы исторической политики характерны не только для Восточной, но и для Западной Европы. Подробнее см. статью Ютты Шеррер в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–107.

⁸ Как показал Евгений Финкель в своей статье «In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe and ex-USSR» (готовится к печати), все посткоммунистические страны, за исключением России, видят политическую задачу в том, чтобы представить свою «титულную» нацию как жертву геноцида в XX веке.

⁹ Отмечу, что часто упоминаемые в этом контексте законы об отрицании Холокоста наказыва-

ют не за интерпретацию, но за отрицание факта и масштабов массового убийства европейских евреев.

¹⁰ Такие рассуждения Марека Чихоцкого, идеолога исторической политики и советника президента Качиньского, см. в: *Stobiecki R. Historians Facing Politics of History. The Case of Poland // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / М. Kopecek (ed.). Budapest: Central European University Press, 2007. P. 182.

¹¹ Вполне естественно, что среди квалифицированных и совестливых историков сторонников исторической политики немного, напротив, именно историки в последнее время предпринимают усилия по противодействию исторической политике, поскольку прекрасно понимают ее разрушительный эффект как для самой профессиональной историографии, так и для ее коммуникации с обществом.

¹² Отчасти историческая политика является следствием выхолащивания подлинно значимой политической повестки дня, когда в борьбе за голоса избирателей политики апеллируют не к реальным проблемам современного развития, а к интерпретации прошлого.

¹³ «Историческая политика» в Восточной Европе: Плоды вовлеченного наблюдения: Лекция Алексея Миллера (<http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html>).

¹⁴ Филиппов А.В. Новейшая история России: 1945–2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

¹⁵ История России: 1945–2007: Учебник для 11 класса / Под ред. А.А. Данилова, А.И. Уткина, А.В. Филиппова. М.: Просвещение, 2007. Второе издание: История России, 1945–2008. М.: Просвещение, 2008; Данилов А.А. История России 1900–1945. Методическое пособие. 11 класс. М.: Просвещение, 2008.

¹⁶ Критический анализ учебника, с которым я в основном согласен, см. *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить (А.В. Филиппов. Новейшая история России. 1945–2006 гг.) // Отечественные записки. 2007. № 4 (36). (<http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1530&numid=38>).

¹⁷ См. неоднократно переиздававшиеся: *Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А.* История России: XX – начало XXI века. М.: Русское слово, 2008 (8-е издание); *Отечественная история XX – начала XXI века* / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2006 (3-е издание); *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В.* История России: XX – начало XXI века. М.: Просвещение, 2009. В мировой историографии понятие «тоталитаризм» уже мало кто ассоциирует с концепциями К. Фридриха и З. Бжезинского, которые действительно были плодом и инструментом холодной войны. Например, с 2000 года издается превосходный журнал *Totalitarian Movements and Political Religions* («Тоталитарные движения и политические религии»). Поэтому заведомо искажают ситуацию заявления Данилова и Филиппова о том, что концепция тоталитаризма «неизменно была оружием холодной войны», «являлась и является не инструментом познания, а орудием идеологической борьбы».

¹⁸ *Филиппов А.В.* Новейшая история России. С. 421–485; *История России: 1945–2007*. Гл. 6, особенно с. 328–329.

¹⁹ Co ma państwo do historii // *Gazeta Wyborcza*. 2008. June 14. (http://wyborcza.pl/1,76498,5311937,Co_ma_panstwo_do_historii_.html).

²⁰ См.: *России гарантировано прошлое* // Коммерсантъ. № 88 (4143). 2009. 20 мая (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1172771>). Там же см. подборку высказываний высших государственных чиновников о необходимости ужесточения контроля за учебниками истории и за историей вообще.

²¹ Примеры такого благодушного отношения можно найти в недавней подборке высказываний уважаемых историков, опубликованной сайтом «Полит.ру» (<http://www.polit.ru/analytics/2009/08/10/istorija.html>).

²² <http://www.svobodanews.ru/content/article/1766749.html>

²³ Авторы письма вполне отдают себе в этом отчет – насколько можно судить из их неуклюжих

публичных объяснений в ответ на публикацию циркуляра. См.: *Об ажиотаже* вокруг письма Отделения историко-филологических наук РАН «о фальсификациях истории»: Письмо заместителя академика-секретаря ОИФН РАН по научно-организационным вопросам А.Е. Петрова (<http://www.polit.ru/dossie/2009/07/03/petrov.html>). Директора академических институтов (с удовольствием отмечу, что не все) поспешили довести инструкцию до подчиненных, иногда сетуя на бессмысленность инструкции, но разводя руками – мол, приказы начальства не обсуждают.

²⁴ Цит. по: *Борисов М.* Мы вас научим Родину любить...

²⁵ *Данилин П.* Как реагировать на комиссию по борьбе с фальсификациями: Без знака вопроса (<http://russ.ru/pole/Kak-reagirivat-na-komissiyu-po-bor-be-s-fal-sifikacijami>). Данилин является шеф-редактором Интернет-сайта www.kreml.org

²⁶ Там же.

²⁷ Алексей Исаев – военный писатель. Известность получил своей книгой «Антисуворов». Опубликовал ряд других «контрпропагандистских» книг. В 2007 году принят на работу в Институт военной истории Министерства обороны РФ, тот самый, сотрудник которого, полковник, кандидат исторических наук С.Н. Ковалёв прославился статьей «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны», возлагающей вину за ее начало на Польшу (см.: Военно-исторический журнал. 2008. № 7). Высказываний Исаева о комиссии мне обнаружить не удалось.

²⁸ *Дюков А.Р.* Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008.

²⁹ О проблемах, связанных с работой в архивах, см., например, публикации историка Никиты Петрова: *Петров Н.* Доступ к госархивам // Мемориал. № 20. Сент.–окт. 2000. С. 14–17; *Он же.* Десятилетие архивных реформ в России // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 18–33; *Архивная контрреволюция* (Интервью Н.В. Петрова редакторам «НЛО») // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 375–387.

³⁰ Великая оболганная война–2: Нам не за что каяться!: Сб. / ред.-сост. А. Дюков. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

³¹ *Александр Дюков.* Бояться деятельности Комиссии по борьбе с фальсификацией истории

могут только те, кто эту историю фальсифицируют (интервью portalу Liberty.ru/Свободный мир) (<http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Boyat-sya-deyatel-nosti-Komissii-po-bor-be-s-fal-sifikaciej-istorii-mogut-tol-ko-te-kto-etu-istoriyu-fal-sificiruyut>).

³² «К настоящему времени наш фонд является одной из ведущих организаций в стране, занимающихся проблемами борьбы с фальсификацией истории», — сообщает Дюков. См: Там же.

³³ Как это часто бывает, нет худа без добра: в этом случае у собственно научных структур появляется больше шансов сохранить лицо и репутацию.

³⁴ **Прим. ред.:** Пример такого рода работы см. в диалогах Алексея Миллера и Георгия Касьянова «Россия—Украина: Как пишется история» на «Полит.ру»: Часть 1. Голодомор (<http://www.polit.ru/analytics/2009/03/10/golodomor.html>); Часть 2. Вторая мировая война (<http://www.polit.ru/analytics/2009/04/02/historia.html>); Часть 3. От Хмельницкого до Мазепы (<http://www.polit.ru/analytics/2009/04/21/ukr.html>); Часть 4. Между Гражданской и Второй мировой (<http://www.polit.ru/analytics/2009/06/18/ukr.html>); Часть 5. Первая мировая (<http://www.polit.ru/analytics/2009/07/02/worldwar.html>).

Голодомор и строительство нации

Целью исторической политики украинского государства было превращение голода 1932—1933 годов в один из основополагающих символов национального исторического мифа | **ГЕОРГИЙ КАСЬЯНОВ**

Со времен перехода от «старого порядка» к эпохе национальных государств история всегда была важнейшей частью формирования идентичности, гражданского воспитания и конечно же индоктринации. В Советском Союзе, хотя он и не был национальным государством, история тоже активно использовалась для установления идеологического однообразия. Поэтому не удивительно, что история играла ключевую роль в ходе идеологических и политических баталий второй половины 1980-х годов. Исходом этой борьбы стала дискредитация официальной версии истории и тех политических структур, которые пытались ее защищать. Затем последовала суверенизация, а потом и «национализация» историй национальных республик. Эти процессы, то есть отделение «своей» истории от общего культурно-исторического пространства, были важным элементом политической суверенизации и культурно-политической эмансипации.

В Украине первые «бои за историю» разворачивались в 1986—1989 годы. Борьба шла между активистами разнообразных демократических движений, оспаривавших право КПСС и КПУ на идеологическую и политическую монополию, с одной стороны, и партийно-государственной номенклату-

рой — с другой. Подобные битвы происходили практически во всех республиках СССР: на первом этапе подвергались критике и осуждению «административно-командная система», «сталинизм», «тоталитаризм» и пр., и в процессе этих дискуссий выяснялось, что собственная история тоже является объектом репрессий. Обсуждались «белые пятна» — те исторические обстоятельства, которые намеренно замалчивались или находились под идеологическим запретом, прежде всего имена и факты, связанные с национальным движением и/или его подавлением, а вслед за этим поднимался вопрос о фактическом отсутствии национальной истории в системе образования и науки.

Действительно, история Украины в виде «Истории Украинской ССР» была лишь составной частью школьного курса «Истории СССР» на правах краеведческой дисциплины. В вузах ее преподавали только на исторических факультетах, причем содержание курса дублировало соответствующие разделы истории СССР и истории КПСС. Таким образом, «белым пятном» оказывалась вся национальная история — не только из-за ее фрагментарности и наличия запрещенных имен и тем, но и вследствие ее второстепенного статуса по отношению к истории общесоюз-

ной. В результате национализация истории в Украине развернулась по двум направлениям: восстановление в правах собственной национальной истории и наполнение ее темами и сюжетами, обсуждение которых еще недавно могло повлечь за собой репрессивные санкции. Профессиональная историография оказалась в роли «догоняющего»; инициативу возглавили литераторы, публицисты, представители технической интеллигенции, активисты неформальных общественных объединений.

В 1987–1991 годах историческая тематика стала занимать все большее место в публичных дебатах и в политике. И если поначалу пересмотр истории считался одним из путей к «социализму с человеческим лицом», то в конце 1980-х—начале 1990-х произошел окончательный поворот к ревизии истории в контексте оформления собственного, отдельного историко-культурного пространства в границах современной территории Украины. Именно на этом этапе состоялся союз «национал-демократических» сил, добившихся суверенизации украинской культуры, истории, языка и территории с «суверен-коммунистами» в КПУ, которые стремились расширить свои полномочия за счет власти союзного центра.

Апогеем стал 1990 год: история вышла на улицы и вошла в кабинеты власти. Среди ярких событий того времени можно назвать летний фестиваль казацкой славы, собравший на острове Хортица сотни тысяч людей со всей Украины, или «войну памятников» в Западной Украине. По решению местных советов в западных регионах Украины начался массовый демонтаж статуй Ленина; вместо них устанавливали монументы и памятные знаки воинам Украинской повстанческой армии (УПА) и деятелям националистического движения. В январе 1990-го в годовщину воссоединения (22 января 1919 года) двух украинских государств — Украинской

Народной Республики и Западноукраинской Народной Республики — была организована живая цепь между Киевом и Львовом. В июле того же года, через неделю после принятия Верховным Советом УССР Декларации о суверенитете, Политбюро ЦК КПУ одобрило программу развития исторических исследований и преподавания истории в Украинской ССР. Фактически она представляла собой «путевую карту» суверенизации республиканской истории.

Национальный нарратив: второе рождение

Собственно в тот период и были сформулированы все основные темы, которые сыграли ключевую роль в процессе национализации истории: генезис украинской нации; история украинской государственности (с особым упором на времена Богдана Хмельницкого и его наследников, а также на государственность 1917–1920 годов); переоценка советского периода; история «сталинизма» (прежде всего репрессии и голод 1932–1933 годов); история Второй мировой войны; история националистического движения и УПА. Эти же сюжеты стали центральными как в исторической политике в Украине, так и политики как таковой. Если до 1991 года перечисленные события были предметом идеологических controversий между партийно-советской номенклатурой и национал-демократами, которых негласно поддерживала часть той же номенклатуры из числа «суверен-коммунистов», то в независимой Украине ситуация стала иной, в чем-то более простой, а в чем-то более сложной.

Национализированная история легла в основу школьного и вузовского курса истории — в виде «миллениума» украинской нации и ее борьбы за выживание и создание государственности. Дидактическая история Украины стала частью системы гражданского воспитания и заняла подобающее

место в государственной политике истории, осуществляемой через министерство образования и, в какой то мере, через центральные ведомства, ведающие культурой и массмедиа. Основы дидактической истории были заложены академическими историками, мало связанными с преподаванием. Авторами первого школьного учебника по истории Украины, написанного по заказу министерства образования, были ученые, сделавшие карьеру на обслуживании идеологических запросов советского государства. Новое государство не формулировало им

В 1990-е правящие украинские элиты придерживались «мягкого» варианта исторической политики: ни внедрение «национального» канона в учебные курсы, ни формирование нового национального пантеона не становилось предметом бурных споров. Набор исторических личностей, украсивших собою введенную в 1996 году национальную валюту (гривна), был принят без возражений и в обществе, и в политикуме, и в среде бюрократии. Региональные различия в понимании и преподавании истории специально не акцентировались.

“Обращение к «урокам истории» в большинстве случаев совпадало с кризисными моментами в политике или избирательными кампаниями”.

идеологический заказ – они сами понимали, чего от них ждут и каково содержание стоявших перед ними задач. Предложенная ими версия национальной истории отвечала всем канонам национального нарратива образца XIX века. Задача облегчалась тем, что на рубеже 1980–1990-х годов состоялась общественная и политическая реабилитация знаковых личностей прошлого, среди которых был и основатель этого нарратива Михаил Грушевский, так что обращение к соответствующим познавательным и пояснительным схемам казалось совершенно естественным. Концепция Грушевского была объявлена единственно правильной и стала своего рода руководством к действию для современных историков. Одновременно в интеллектуальный и образовательный оборот вошли ранее запрещенные труды историков из украинской диаспоры. Их работы, в общем, тоже не выходили за рамки концепции Грушевского, но реабилитация повышала их интеллектуальный статус, отчего они воспринимались как образец «настоящей» истории.

Но хотя в целом «национализация» истории в Украине происходила бесконфликтно, отдельные элементы этого процесса периодически вызывали в обществе разногласия. Речь идет о трех сюжетах. К ним относятся

- пересмотр советского мифа о Великой Отечественной войне, сопровождающийся попытками «реабилитировать»¹ националистическое движение 1930–1940-х годов, а также дополнить национальный исторический миф событиями, личностями и организациями, которые в советское время в официальной политике истории были объектами демонизации и жесткой идеологической травли (ОУН и УПА);
- пересмотр истории советского периода, особенно 1920–1930-х годов и «десоветизация» истории и исторического образования;
- выбор знаковых исторических мифов и символов, которые призваны утвердить в обществе консенсус относительно прошлого и стать историческими маркерами Украины как в общественном сознании, так и на международной арене (наиболее

острые вопросы этого рода — история казачества и Голодомор).

Конфликты возникали в тех случаях, когда исторические события становились предметом политической борьбы. Вплоть до 2000 года количественное преимущество в украинском парламенте было на стороне «левых», и связанные с этим политические дебаты постоянно провоцировали обращение к истории. Представители оппозиционных «национально-демократических» сил педалировали тему «тоталитарного прошлого», представляя нынешних «левых» и часть правящей политической элиты наследниками Ленина — Сталина и возлагая на них ответственность за плачевное состояние Украины как в прошлом, так и в настоящем. Обращение к «урокам истории» в большинстве случаев совпадало с кризисными моментами в политике или избирательными кампаниями. В свою очередь «левые» активно боролись с попытками возложить на них ответственность за преступления тоталитаризма и отчаянно скандалили по поводу «очернения прошлого» и попыток «реабилитации национализма». Впрочем, в 1990-е эти дискуссии по большей части оставались на периферии «большой политики» и скорее служили дополнительным аргументом в борьбе за власть и собственность.

В первое десятилетие 2000-х ситуация изменилась. Во-первых, расширился круг политических сил, которые так или иначе апеллировали к прошлому. Наиболее симптоматичным было участие в дебатах по поводу политики истории Партии регионов (по существу, партии крупного капитала), которая раньше не придавала большого значения идеологии. Во-вторых, политика истории приобрела более отчетливое региональное измерение: юго-восток Украины и Крым оказались в некоей оппозиции официальной линии государства, особенно по вопросам замены советских исторических мифов националистическими.

В-третьих, политика истории стала источником не только внутривнутриполитических, но и внешнеполитических конфликтов.

Первым серьезным сигналом в этом смысле стала острейшая дискуссия по поводу украинско-польского конфликта 1943–1944 годов на Волыни. Содержание и характер дискуссий², вовлечение в них высших законодательных органов и президентов обеих стран свидетельствовали о новой тенденции в политике истории — ее интернационализации. Через несколько лет Украина вступила в затяжной конфликт по поводу переоценки прошлого с Россией, причем в этот конфликт прямо или косвенно оказались втянутыми многие другие страны и международные организации — от ООН и ЮНЕСКО до Европарламента. Заметим, что эта тенденция совпала с общемировой: конфликты по поводу прошлого между Японией, Китаем и Кореей (см. статью Ольги Борох и Александра Ломанова об исторических дискуссиях в Китае в этом номере *Pro et Contra* на с. 65–88), между Индией и Пакистаном, между Россией, странами Балтии и Польшей (см. статью Роберта Трабы о ситуации в Польше в этом номере *Pro et Contra* на с. 43–64), между государствами Средней Азии и Закавказья, острейшие дебаты в странах Европейского союза (см. статью Ютты Шеррер о проблемах исторической политики в Германии и Франции в этом номере *Pro et Contra* на с. 89–108) по поводу вмешательства государства в проблемы исторических исследований и возникающих в связи с этим проблемах свободы слова — вот неполный список, свидетельствующий о том, что история стала субъектом международной политики.

Голодомор как фактор внутренней политики

Тема голода 1932–1933 годов, как указывалось выше, возникла в общественно-политическом дискурсе Украины (см. под-

верстку на этой странице) в середине 1980-х годов в контексте общей критики советского прошлого.

Политики быстро оценили политико-идеологический и мобилизационный потенциал темы. Уже во времена президентства Леонида Кравчука (1991–1994) он сам и его окружение активно осваивали риторику «тоталитарного прошлого» вообще и голода 1932–1933 годов, в частности. Для Кравчука, входившего в высшую партийную номенклатуру УССР, как и для значительной части «национал-демократического» истеблишмента, осуждение «преступлений тоталитаризма» было важным аспектом политической легитимации: попыткой отделить себя от советского прошлого и избежать возможной ответственности за преступления коммунистического режима. Среди радетелей о «нюрнбергском

процессе над коммунизмом» наряду с бывшими диссидентами было немало представителей литературной номенклатуры, которые процветали при прежней власти и успешно находили себе теплое место при «новой».

В этой среде тема осуждения «тоталитаризма» имела важное идеологическое значение: поскольку «тоталитаризм» представлялся врагом украинской нации, проблемы, возникающие на пути «возрождения» нации и ее государственности, можно было списать на прошлое. Таким образом, голод 1932–1933 годов идеально вписывался в обвинительно-оправдательную конструкцию, объяснявшую нынешние сложности неблагоприятными историческими обстоятельствами.

Леонид Кучма, который занимал президентский пост в 1994–2004 годах, не слишком интересовался проблемами советского

Голодомор как тема публичного и политического дискурса

Дискурс Голодомора — это комплекс стереотипных представлений о голоде 1932–1933 годов, сформировавшихся в ходе целенаправленных и спонтанных действий публицистов, политиков, общественных деятелей и ученых. Суть его состоит в том, что в 1932–1933 годы по отношению к украинской нации был совершен акт геноцида. Голод был запланирован и осуществлен московской правящей верхушкой во главе со Сталиным с целью уничтожить способность украинской нации к сопротивлению коммунистическому строю. В рамках данного дискурса главным объектом намеренно организованного голода представляется индивидуальное, свободлюбивое украинское крестьянство — в его лице был сломлен «хребет нации».

Разумеется, существуют вариации. В одном случае, более радикальном, утверждают, что голод был заранее спланирован. В другом — что он возник в результате попыток реорганизовать индивидуальные хозяйства в коллективные и им воспользовались, чтобы покорить крестьянство. Инструментами организации голода называют непомерные хлебозаготовки и реквизиции зерна, изъятие личных продовольственных запасов у крестьян, блокаду голодающих территорий. Наиболее полно научный вариант канонической версии Голодомора представлен в работе Станислава Кульчицкого «Почему он нас уничтожил?» (Киев, 2007). Параллельно с уничтожением крестьянства развернулись репрессии против национальной интеллигенции,

в результате чего нация была «обезглавлена». От голода погибло от 7 до 10 млн человек (эту цифру любят называть президент Виктор Ющенко и поддерживающие его политики; ученые гораздо умереннее — они говорят о 3,5 млн жертв голода). Голод нанес непоправимый удар по украинской нации и ее генетическому потенциалу; его последствия ощущаются до сих пор. Многие проблемы, мешающие построению государства и нации в Украине, вызваны политикой советского тоталитарного режима по отношению к украинской нации, и Голодомор — едва ли не главное его преступление. Голодомор — крупнейшая трагедия украинского народа XX столетия, трагедия планетарного масштаба, не уступающая Холокосту.

прошлого. Эти вопросы попадали в сферу его внимания только в моменты обострения политической борьбы, так что основные коммеморативные указы Кучмы о голоде 1932–1933 годов совпадают с острыми политическими конфликтами: в 1998 году вокруг парламентских выборов и подготовки к президентским; в 2002-м в период парламентских выборов и антикучмовской акции «Восстань, Украина!»; в 2003-м, когда приближались выборы президента и пропрезидент-

Видимо, первым официальным откликом власти новосозданного украинского государства на тему голода 1932–1933 годов стало распоряжение премьер-министра Витольда Фокина от 26 августа 1992 года о финансировании мемориального комплекса «Колокола мира» в городе Лубны Полтавской области. Распоряжение не было полностью выполнено в том, что касается выделения средств, однако удалось воздвигнуть курган и огромный колокол с крестом.

“Голод 1932–1933 годов идеально вписывался в конструкцию, объяснявшую нынешние сложности неблагоприятными историческими обстоятельствами”.

ское большинство в парламенте, стремясь перехватить инициативу у оппозиции, активно требовало признать голод 1932–1933 годов геноцидом.

Лишь с приходом к власти Виктора Ющенко идеологические мотивы выдвинулись на передний план. Ющенко использовал историческую политику как идеологическое основание строительства нации, а в центр исторической политики поместил проблему голода 1932–1933 годов. Впрочем, и здесь обращение к прошлому было связано с политической конъюнктурой: обращение Ющенко к теме голода 1932–1933 годов совпадает по времени с активизацией борьбы за перераспределение власти (2006–2008). Еще одной причиной интенсификации исторической политики при Ющенко был расчет на то, что национально ориентированная гуманитарная политика и историческая политика как ее элемент может стать источником «морального исцеления» общества и поможет восстановить морально-политическое единство Украины; эту надежду разделяла и часть президентского окружения (правые, уцелевшие «национал-демократы», представители диаспоры).

В 1993-м на 60-ю годовщину трагедии 1932–1933 годов в политических верхах развернулась дискуссия относительно поминальных мероприятий. Президент Кравчук выступил в поддержку проведения коммеморативных акций на государственном уровне — в значительной мере его подталкивали к этому деятели культуры «национал-демократического» толка из ближайшего окружения³; благодаря им «право голоса» и моральный вес в некоторых вопросах культурной политики в Украине⁴ получали и их единомышленники из числа ведущих представителей диаспоры. Кравчук находился в сложном положении: он должен был проявлять лояльность к «национал-демократическому» окружению, а значит, демонстрировать «продвинутость» в вопросах строительства нации и осуждения «преступного тоталитарного режима», продуктом которого был он сам, но при этом воздержаться от слишком радикальных действий и заявлений, чтобы не вступить в конфликт с мощным «левым» лобби в парламенте.

Девятнадцатого февраля 1993 года Кравчук издал указ, который ознаменовал собою начало новой исторической полити-

ки в независимом украинском государстве. В его названии «О мероприятиях в связи с 60-летием голодомора в Украине»⁵ фигурировал идеологически окрашенный термин «голодомор», который из литературной метафоры вскоре превратился в категорию научную, политическую и даже правовую. Появление слова «голодомор» в указе «узаконивало» не только сам термин, но и связанные с ним восприятие и толкование голода 1932–1933 годов, которые отныне становились официальными. Это слово включало в себя «закодированную» информацию о причинах и последствиях трагедии и устанавли-

включить проведение Народного суда (трибунала) над теми, кого считали организаторами Голодомора⁶, а также масштабную сценарную постановку; организаторы призывали лучшие режиссерские силы Украины принять в ней участие.

Летом 1993 года созданная годом ранее Ассоциация исследователей голода-геноцида 1932–1933 годов в Украине выступила с идеей создать временную следственную комиссию Верховной рады по вопросу голода 1932–1933 годов. По замыслу инициаторов, комиссия «на основе документов, пребывающих в научном обороте, смогла бы

“Идеологически окрашенный термин «голодомор» из литературной метафоры вскоре превратился в категорию научную, политическую и даже правовую”.

вало пределы интерпретаций. Кроме того, данный указ стал первой попыткой «интернационализировать» вопрос о голоде 1932–1933 годов: Министерство иностранных дел получило указание обратиться в ЮНЕСКО с предложением внести в календарь этой организации упоминание о трагедии. В соответствии с указом в организационный комитет «Дней скорби» были приглашены 13 представителей украинской диаспоры Запада и стран СНГ, возглавлявшие крупнейшие украинские общественные организации зарубежья. Кроме того, в его состав вошли два иностранца, создавшие при поддержке диаспоры каноническую «академическую» версию голода 1932–1933 годов, — американец Джеймс Майс и англичанин Роберт Конквест.

Разумеется, указ не содержал никаких политико-идеологических формулировок — Кравчук пытался проскользнуть «между каплями». Однако «национал-демократы», входившие в его окружение, явно стремились обострить ситуацию: в программу официальных мероприятий они предлагали

квалифицировать голодомор как преступление против украинского народа, акт прямого геноцида, который подорвал его [украинского народа] генофонд и духовно-культурный потенциал»⁷. Ассоциация, тон в которой задавал бывший диссидент и основатель правой Украинской республиканской партии Левко Лукьяненко, предлагала передать «дело» в Международный суд в Гааге.

Тогда же председатель оргкомитета вице-премьер-министр правительства Мыкола Жулинский выступил с инициативой организовать слушания о голоде 1932–1933 годов на сессии парламента. Однако в тот момент наличие левого большинства в Верховной раде исключало разговор о прошлом в терминах «преступлений коммунистического режима».

В итоге первая массовая коммеморативная акция, посвященная голоду 1932–1933 годов и поддержанная государством, стала компромиссом. Народный трибунал и сопутствующие театрализованные действия не состоялись. Зато президент Кравчук в сентябре

1993 года принял участие в проходившей в Киеве международной научной конференции «Голодомор в Украине 1932–1933 годов: причины и последствия», где заявил о том, что Голодомор был спланированным геноцидом. Открывая конференцию, Кравчук заявил: «Я целиком согласен с тем, что это была спланированная акция, что это был геноцид против собственного народа. Но тут я не ставил бы точку. Да, против собственного народа, но по директивам из другого центра»⁸. Ни бывшие диссиденты, ни представители диаспоры предпочитали не вспоминать, что еще совсем недавно Кравчук рьяно боролся с их «националистическими измышлениями» о голоде⁹.

Упомнутая конференция дает представление о крайней политизации темы голода 1932–1933 годов. В выступлениях участников, среди которых голоса общественных деятелей и политиков звучали куда громче, чем голоса ученых, голод 1932–1933 годов упоминался в контексте таких сюжетов, как ядерный статус Украины, передел собственности Советского Союза, статус Севастополя и Крыма.

Голод 1932—1933 годов как основа национального мифа

Целью исторической политики украинского государства было превращение голода 1932–1933 годов в один из главных, основополагающих символов национального исторического мифа. В 1993 году, который стал отправной точкой этой политики, по распоряжению верховной власти были приняты действия, которые впоследствии превратились в регулярные коммеморативные мероприятия в масштабах всей страны. В некотором смысле можно говорить о слиянии государственных и общественных практик в этой сфере. К примеру, крестные ходы, панихиды, установка крестов на могилах погибших от голода происходили на местах

и раньше, но инициатором было не государство, а общественные организации, которые можно описать как культурную оппозицию государству. Теперь государство «благословляло» такие акции, более того, обещало, что конференции, выставки, выпуск книг и фотоэкспозиций, посвященные голоду, будут получать финансирование из бюджета. Правда, последнее по большей части осталось пустой декларацией: в условиях жесточайшего социально-экономического кризиса и масштабного присваивания/перераспределения собственности 1990-х годов финансирование исторической политики — и в первую очередь формирование соответствующей трактовки голода 1932–1933 годов¹⁰ — часто брала на себя диаспора.

Первая общенациональная коммеморативная акция была организована в том же 1993 году по постановлению правительства Кучмы: 10 сентября во всей стране на 4 часа на всех государственных учреждениях были приспущены государственные флаги¹¹. Некоторые исследователи описывают историческую политику периода Кучмы как «проект амнезии»¹², однако такой взгляд представляется ошибочным. Хотя с приходом к власти технократа Кучмы идеологическая составляющая в государственной политике действительно отошла на второй план, но борьба за власть и ее перераспределение требовали идеологических оснований. Применительно к данному периоду можно говорить о «прагматизации» исторической политики — и наглядной иллюстрацией такой политики может служить трактовка голода 1932–1933 годов.

Именно при Кучме президентскими структурами и правительством были предприняты серьезные шаги, направленные на идеологическую, государственную и общественную легитимацию голода 1932–1933 годов как центрального события национальной истории XX столетия.

В октябре 1998 года к 65-й годовщине голода¹³ было принято постановление правительства, которое предусматривало проведение к тому времени уже стандартного набора мемориальных мероприятий. Отдельным указом президент установил официальную мемориальную дату — День памяти жертв голодоморов¹⁴ — последняя суббота ноября ежегодно. Позднее Кучма изменил формулировку, расширив символическую территорию поминовения: теперь мемориальная дата называлась «День памяти жертв голодомора и политических репрессий».

Очередной коммеморативный указ — «О мероприятиях в связи с 70-й годовщи-

стояния в связи с предстоящими президентскими выборами и попытками Кучмы провести политическую реформу и расширить власть президента за счет полномочий парламента. К тому же 2003 год стал годовщиной другой даты: украинско-польского конфликта на Волыни (1943–1944), называемого еще «волынской резней»¹⁶. И наконец, 2003-й был годом России в Украине, что придало политическим дебатам о голоде 1932–1933 годов особую остроту, поскольку часть политического класса представляла Россию как извечную угнетательницу Украины.

Годовщина голода 1932–1933 годов стала важной темой политических дебатов.

“В 2003-м состоялась первая попытка добиться признания голода 1932–1933 годов **геноцидом** на уровне самой крупной международной организации — ООН”.

ной голодомора в Украине»¹⁵ — был издан Кучмой в феврале 2002 года, в год парламентских выборов, которые рассматривались основными участниками и обозревателями как «проба сил» перед выборами президентскими. Как видно из названия, слово «голодомор» уже окончательно утвердилось в терминологии государственной бюрократии. Одной из задач указа было перехватить инициативу у формирующейся парламентской оппозиции. В конце того же года Кучма издал распоряжение о сооружении в Киеве мемориала памяти жертв Голодомора и политических репрессий, которое, впрочем, не было выполнено в период его президентства. Заметим, что и другие «идеологические» указы Кучмы, в том числе по вопросам политики памяти, не встречали энтузиазма на местах, а часто просто игнорировались.

В 2003 году интерес политиков и власти к теме голода 1932–1933 годов значительно возрос. 70-я годовщина трагедии совпала с обострением внутривосточного противо-

Разношерстная оппозиция, которую объединило неприятие плана Кучмы создать суперпрезидентскую структуру власти, раскололась после того, как правоцентристские партии, входившие в блок «Наша Украина», возглавляемый Ющенко, предложили провести специальные парламентские слушания, посвященные голоду 1932–1933 годов. Временные союзники «Нашей Украины» — коммунисты, выступили категорически против этой идеи. Зато с одобрения Кучмы инициативу поддержали подконтрольные ему фракции, представлявшие формирующийся крупный капитал, — хотя проблемы исторической политики как таковые им были малоинтересны.

На парламентских слушаниях, состоявшихся в феврале 2003 года по инициативе «национал-демократов», прозвучали все возможные идеологические клише на тему «преступлений тоталитаризма». «Национал-демократы» и их союзники из правых партий привычно оглашали инвективы в адрес «преступного тоталитарного режима»,

одновременно обрушиваясь с критикой на режим современный, в их понимании также преступный. Обвинения в адрес нынешней «антинародной власти» с готовностью подержали коммунисты, которые, однако, наотрез отказывались признавать себя ответственными за преступления своих предшественников.

Все ораторы так или иначе актуализировали Голодомор ссылками на современность.

Представители власти связывали текущие сложности с травмами прошлого. Вице-премьер Дмитрий Табачник говорил о том, что «голодное лихолетье 1933 года — не историческое прошлое, а глубокая социально-демографическая катастрофа XX столетия, незажившая морально-психологическая рана, которая жгучей болью терзает память очевидцев. Социально-физиологическое чувство страха, порожденное массовыми репрессиями и голодоморами, живет в сознании многих поколений. Оно запало в генотип нации, значительной мерой тормозит демократизацию нашего общества»¹⁷.

Представителю власти вторили «национал-демократы» и правые: по их мнению, Голодомор уничтожил лучших, нанес уничтожающий удар по украинской нации, разрушил ее генофонд.

Левые актуализировали голод 1932–1933 годов на свой манер. Лидер коммунистов Петро Симоненко заявил, что геноцид происходит в наши дни и нечего искать его в прошлом. «С этой трибуны я обращаюсь к господам власть имущим, — провозгласил он, — с предложением и требованием не враньем заниматься по поводу советского прошлого, а ответить за свою сегодняшнюю преступную политику — политику геноцида»¹⁸.

Спустя три месяца в соответствии с рекомендациями парламентских слушаний состоялось специальное заседание Верховной рады, посвященное голоду 1932–1933 годов. В течение нескольких минут парламент (без

участия коммунистов, которые проигнорировали заседание) легитимным большинством в 226 голосов утвердил текст обращения к нации, в котором голод 1932–1933 годов был назван геноцидом против украинского народа. «...Мы считаем, — говорилось в обращении, — что в условиях независимой Украины страшную правду про те годы должно обнародовать государство, поскольку голодомор 1932–1933 годов был сознательно организован сталинским режимом, и он должен быть публично осужден украинским обществом и международным сообществом как один из наибольших по количеству жертв в мировой истории факт геноцида»¹⁹.

Собственно, с этого момента слово «геноцид» в отношении голода 1932–1933 годов окончательно утвердилось в лексиконе власти — как президентской и исполнительной, так и законодательной. В 2003-м состоялась и первая попытка добиться признания голода 1932–1933 годов геноцидом на уровне самой крупной международной организации — ООН.

Тема голода 1932—1933 годов после «оранжевой революции»: политическая инструментализация

Обращение к трагическому прошлому стало неотъемлемым элементом политических выступлений президента Ющенко. Голод был упомянут и в инаугурационной речи президента в январе 2005 года, и во время его первых визитов в Европарламент, и на совместном заседании палат Конгресса США²⁰.

Вскоре после вступления в должность Ющенко, как и его предшественник, издал коммеморативный указ — «О дополнительных мероприятиях по увековечению памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине». За ним последовала целая серия президентских актов и распоряжений, посвященных исторической политике.

Львиная доля этих решений приходится на политику Голодомора.

В тот же период президент дал указание правительству создать Институт национальной памяти²¹, а также начать государственную кампанию памяти, посвященную 75-летней годовщине голода. Был создан правительственный организационный комитет²², деятельность которого так и не развернулась из-за политического кризиса, возникшего в результате парламентских выборов 2006-го. Кроме того, Ющенко поручил МИД Украины активизировать работу «по признанию международным сообще-

Обращение следовало риторическим стандартам дискурса Голодомора, и к тому же авторы актуализировали свои предложения политическими соображениями.

Трагедия 1932–1933 годов называлась «апогеем продолжительной борьбы тоталитарного режима СССР против освободительной борьбы украинского народа, особенно против украинского крестьянства», а признание ее геноцидом определялось как «безусловная задача нынешнего поколения украинских политиков, прежде всего депутатского корпуса Верховной Рады». Выполнением этой задачи должны были заняться «прежде

“Вскоре после вступления в должность президент Ющенко дал указание начать государственную кампанию памяти, посвященную 75-летней годовщине голода”.

ством Голодомора 1932–1933 годов в Украине как геноцида Украинского народа одной из наибольших трагедий в истории человечества»²³.

Тем временем в адрес президента поступило письмо «научной общественности» (в ряды которой попали народные депутаты, политики и деятели диаспоры). Авторы просили главу государства развести дни памяти жертв голодоморов²⁴ и жертв политических репрессий, поскольку, как указывали авторы обращения, среди жертв политических репрессий были и сами палачи²⁵. Предлагая отделить одно от другого, «научная общественность» поддерживала президента в стремлении превратить Голодомор в общенациональный исторический символ, в особый символический маркер нации. Еще одним актом общественной поддержки стало публичное обращение к президенту участников круглого стола «Голодомор 1932–1933 годов — геноцид в Украине», организованного секретариатом президента вместе с Институтом национальной памяти.

всего те политики и политические силы, которые представляют регионы Украины, где особенно лютовал Великий Голод 1932–1933 годов (Восток, Юг, Центр)»²⁶. Подобная «политическая география» означала, что добиваться признания голода геноцидом предписывалось депутатам враждующей с президентом Партии регионов и их союзникам — коммунистам и социалистам.

Очередной президентский законопроект «О Голодоморе 1932–1933 годов», точнее, три статьи из шести, открывал новую страницу в исторической политике в Украине. Первая квалифицировала «Голодомор 1932–1933 годов в Украине как геноцид украинской нации»; вторая запрещала «отрицание факта Голодомора»; статья шестая предполагала введение «административной ответственности за публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине»²⁷. Заметим, что к этому времени факт голода 1932–1933 годов уже не отрицали даже наиболее твердолобые левые, а само событие было включено во все школьные и вузовские курсы истории

Украины; уже установились общенациональные коммеморативные даты и ритуалы. Президентская инициатива, по всей видимости, имела целью спровоцировать оппозицию выступить против указа и использовать этот шаг для ее дискредитации — именно осенью 2006 года развернулась изнурительная борьба президента с оппозицией, которая составляла большинство в Верховной раде, и с правительством Януковича, которое было сформировано этим большинством.

Историческая политика и политический кризис

Расчет оправдался: законопроект вызвал протесты оппонентов президента. Партия регионов предложила свой законопроект — без пункта про геноцид и административную ответственность. Драматическое обсуждение президентского проекта в Раде превратилось в яростный обмен политическими обвинениями; атакующие друг друга противники, казалось, забыли, что темой обсуждения является память невинных жертв. Президентская фракция («Наша Украина») и их союзники (Блок Юлии Тимошенко) привычно твердили о том, что нынешнее тяжелое положение украинской нации является следствием голодоморов и политических репрессий, и упрекали противников законопроекта в аморальности. Их оппоненты не без оснований обвиняли президента и его союзников в том, что он использует тему голода в политических целях. Лидер социалистов, спикер Александр Мороз увязал президентский законопроект с попытками установить в Украине диктатуру, а коммунисты заявили, что инициатива Ющенко провоцирует «цепную реакцию противостояния», нарушает Конституцию и ведет к обострению отношений с Россией. Пользуясь случаем, они призвали к импичменту Ющенко²⁸.

В результате оба законопроекта — президентский и альтернативный — провалились,

и был найден компромиссный вариант, благодаря которому закон удалось принять силами «Нашей Украины», БЮТ, социалистов. Квалификация Голодомора как геноцида осталась, было введено упоминание о «других народах СССР» как жертвах голода; пункт об административной ответственности за отрицание Голодомора был снят. Вместо него появилась формулировка, согласно которой «публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов признается оскорблением памяти миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства Украинского народа и является противоправным»²⁹.

Принятие компромиссного варианта не означало, что борьба закончена. Вскоре депутаты от «Нашей Украины» и БЮТ вновь попытались ввести уголовную ответственность за отрицание Голодомора³⁰. В марте 2007 года с подобной законодательной инициативой выступил сам президент. Его законопроект назывался «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины (об ответственности за отрицание Голодомора)»; новацией этого документа стало упоминание о Холокосте, отсутствующее в предыдущем. Он предлагал ввести уголовную ответственность за «отрицание Голодомора 1932–1933 годов как геноцида украинского народа и Холокоста как геноцида еврейского народа»³¹. Нарушение запрета предполагалось карать штрафом в размере от ста до трехсот не облагаемых налогом минимальных доходов граждан³² или лишением свободы на срок до двух лет. Такие же действия, совершенные повторно или государственными служащими, влекли за собой лишение свободы на срок до 4 лет³³. Речь шла о дополнении к Ст. 442 УК Украины «Геноцид», большая часть которой была просто копией Конвенции ООН 1948 года о предупреждении преступлений геноцида.

Формально речь шла о конкретизации положений предыдущего закона 2006 года.

Неформально законопроект мог служить предостережением местной власти в восточных и южных регионах (пункт о служащих), которая не выказывала энтузиазма в связи с президентским предписанием о подготовке к 75-летию годовщине трагедии. Так или иначе, речь шла о попытке криминализовать отрицание даже не факта, а *интерпретации* трагических событий прошлого. Появление в законопроекте пункта о Холокосте и ссылки на соответствующие законы в европейских странах, по всей видимости, должны были сделать президентскую инициативу

не понимающую настоящих последствий этой трагедии. По данным соцопросов, лишь 40 проц. респондентов на Востоке (из тех, кто определился с ответом) согласны, что Верховная рада должна законодательно признать Голодомор 1932–1933 годов актом геноцида Украинского народа. На Юге — 64 проц., что также меньше, чем в среднем по Украине (71,4 проц.)»³⁷.

Как и следовало ожидать, президентская инициатива вызвала бурные протесты оппозиции, неодобрение или недоумение части интеллигенции. Главное научно-экспертное

“Под руководством Ющенко развернулась кампания по осмыслению голода 1932–1933 годов как крупнейшей гуманитарной катастрофы XX века”.

более убедительной³⁴ — как в глазах оппонентов, так и во мнении Запада.

В пояснительной записке к проекту утверждалось, что «принятие Закона будет способствовать консолидации Украинского народа, граждан всех национальностей вокруг идеи утверждения в обществе нетерпимости к любым проявлениям насилия, усилению уважения к жизни, правам и свободам гражданина, укреплению межнационального согласия и гражданского мира в Украине»³⁵. Каким образом уголовное преследование за «неправильное» толкование Голодомора и Холокоста может содействовать достижению перечисленных целей, в документе не объяснялось. В этой связи заслуживают внимания социологические данные и комментарии к ним, размещенные в интернет-представительстве президента: «Наибольшие масштабы Голодомора были в регионах, где сконцентрирована электоральная база антикризисной коалиции»³⁶. Однако в силу недостаточной информированности, советской пропаганды и нечеткой позиции лидеров коалиции жители этих территорий

управление Верховной рады указало, что предлагается криминализовать действия, которые являются «формой выражения определенных взглядов и убеждений», а ограничения в этой сфере допускаются Конституцией лишь в четко описанных ситуациях, под которые президентский проект не подходит³⁸.

Не было никаких шансов, что законопроект будет одобрен Радой. Впрочем, уже 1 апреля президент распустил парламент (а в последовавшие за этим полгода сделал это еще трижды), обвинив «антикризисную коалицию» в попытке узурпировать власть.

Законопроект стал предметом активного политического торга с «антикризисной коалицией» и был включен в пакет «политического компромисса», содержащий также законы об изменении Конституции и об оппозиции³⁹. При этом в разгар острейшего политического кризиса (в какой-то момент дело дошло до столкновения между представителями силовых структур) президент нашел время подписать указ о разведении двух памятных дат: День памяти жертв поли-

тических репрессий был назначен на третье воскресенье мая, последняя суббота ноября была оставлена за Днем памяти жертв голодоморов⁴⁰.

После проведения внеочередных парламентских выборов в октябре 2007 года, когда возникла перспектива формирования лояльного президенту большинства в парламенте, Ющенко заявил о намерении поставить свой проект на голосование. Свое обещание он выполнил в декабре, а спустя месяц президентский законопроект был продублирован законодательной инициативой двух депутатов от президентской фракции «Наша Украина — Народная самооборона». Депутаты ограничились намерением карать за отрицание Голодомора — арестом до 6 месяцев или тюремным сроком до 3 лет⁴¹.

Кампания внутри и за пределами Украины: голод как главная гуманитарная катастрофа

Параллельно под руководством Ющенко (он самолично возглавил созданный им же организационный комитет) развернулась идеологическая и политическая кампания по осмыслению голода 1932—1933 годов как крупнейшей гуманитарной катастрофы XX века, по масштабам превосходящей все другие случаи геноцида, включая Холокост. Таким образом, голод 1930-х годов превращался в мобилизующий символ национальной истории. Кампания под лозунгом «Украина помнит, мир признаёт» достигла пика в ноябре 2008-го в 75-ю годовщину голода 1932—1933 годов. В ней можно выделить два основных направления — внутриполитическое и международное. Внутри страны была организована серия поминальных акций, объединившая усилия государственной бюрократии (областных, районных и городских администраций, подчинявшихся непосредственно президенту, а также силовых структур в лице Службы безопасности Украины), тысяч добровольцев, искренне желающих почтить

память жертв голода, профессиональных исследователей и любителей-краеведов, а также десятков тысяч «мобилизованных» учителей, студентов, библиотекарей, музейных работников, школьников, журналистов. За пределами Украины дипломатические службы вели свою кампанию, направленную на признание голода 1932—1933 годов геноцидом украинского народа.

Одним из главных направлений кампании стало создание национальной Книги памяти, в которую должны были занести имена всех погибших от голода 1932—1933 годов. В этом грандиозном проекте приняли участие десятки тысяч людей во всех областях Украины, даже в тех, где голода не было, но жили его очевидцы. Под эгидой областных и районных государственных администраций были созданы координационные группы по сбору сведений о пострадавших и умерших от голода 1932—1933 годов. Эти штабы координировали деятельность сотен местных групп, занимавшихся поиском на местах — прежде всего в селах. В местные группы входили учителя, студенты, ученики школ, библиотекари, музейные работники, краеведы, заведующие клубами и т. д. Они идентифицировали очевидцев голода, интервьюировали их, работали с архивами ЗАГСов. К ноябрю 2008 года было подготовлено 18 региональных томов Книги памяти и один общенациональный; в них были внесены данные о более чем 800 тыс. жертв голода.

Одновременно развернулась серия массовых акций («Зажги свечу», «Негасимая свеча» и т. п.⁴²), проведение траурных митингов и концертов, организация конкурсов изобразительных и литературных работ, конкурсов ученических сочинений, возложение венков и снопов. В школах проводили уроки памяти; в музеях, школах и библиотеках создавали выставки; устанавливали кресты, памятные знаки и курганы скорби, сажали калиновые гаи⁴³, создавали мемориальные комплексы.

Кроме того, государство — через конкурсное бюджетное финансирование издательств и авторов — выделяло средства на публикацию научных исследований по тематике голода 1932–1933 годов. Правда, здесь ожидаемого потока исследований не дождался: историков, готовых оперативно откликнуться на призывы и «дать правдивую оценку трагедии прошлого», оказалось не так много⁴⁴.

Наконец, отличительной чертой кампании 2007–2008 годов стала активная деятельность президента страны и ее внешнеполитического ведомства за рубежом: они добились, чтобы международное сообщество признало голод 1932–1933 годов геноцидом украинского народа. Ющенко лично возглавил международный комитет в память о 75-й годовщине голода, в который вошли представители крупнейших общественных организаций украинской диаспоры (ранее подобные органы возглавлял вице-премьер-министр правительства по гуманитарным вопросам). Практически во всех своих триумфальных выступлениях 2005 года на международном уровне (Конгресс США, Европарламент и т. п.), когда Ющенко принимали как лидера демократической «оранжевой революции», он обязательно упоминал голод 1932–1933 годов.

Встречаясь с руководителями наиболее влиятельных международных организаций, он обращался к ним с просьбой о содействии в интернационализации знаний о голоде и признании его геноцидом. В украинском МИДе была создана постоянно действующая рабочая группа, которая разрабатывала «позиционные документы» и координировала усилия посольств, направленные на популяризацию знаний о Голодоморе. Эта группа и руководители зарубежных представительств Украины тесно сотрудничали с местными диаспорными организациями — именно благодаря лоббистской деятельности последних голод 1932–1933 годов

был признан геноцидом законодательными органами таких стран, как США, Канада и Австралия. В общей сложности аналогичные резолюции признали парламенты 13 стран. Международные организации, в частности, Парламентская ассамблея ОБСЕ, Европарламент и ЮНЕСКО тоже приняли специальные документы, посвященные голоду на Украине, однако, вопреки стараниям украинских дипломатических служб, они не содержали слово «геноцид».

Главным оппонентом украинской власти в этом деле стала Россия. Для Кремля вся кампания 2007–2008 годов сводилась к формуле «Геноцид украинцев, организованный большевистской Москвой», даже если сами слова были другие. Признание голода на Украине геноцидом российское высшее руководство воспринимало как удар по международному престижу страны. С весны 2007 года в представительствах ООН, в ЮНЕСКО, в ОБСЕ происходила глухая ожесточенная борьба, которая сопровождалась появлением скандальных нот внешнеполитических ведомств обеих стран. Формально победила более агрессивная и мобильная российская дипломатия, однако моральный урон от этой пляски на костях можно поделить поровну. Стоит упомянуть и о том, что в этих дипломатических баталиях был и третий участник — Израиль. Немногочисленные заявления израильских дипломатов дают понять, что главный геноцид XX века — это Холокост. Поэтому Голодомор можно признать чем угодно — и величайшей трагедией, и преступлением против человечности (именно так и сделал Европарламент), но не геноцидом.

Заключение

Историческая политика в независимой Украине развивалась в русле стандартных практик и тенденций, свойственных посткоммунистическим обществам. Более или менее похожие процессы наблюдаются во

всех странах не только бывшего Советского Союза, но и бывшего социалистического лагеря. Как и в Украине, формирование гражданского самосознания в новых государствах строится на принципах культурной и/или этнической эксклюзивности «титальной» нации, уникальности ее свершений и особенно страданий, поиске причин сегодняшних трудностей в прошлом и вне собственной нации. Во всех этих странах история используется как аргумент в политических дебатах и при выяснении отношений с соседними государствами, особенно с

Россией как правопреемницей СССР. Везде эта политика осуществляется под эгидой государства и провозглашает своей целью достижение единства нации и гражданского сознания, и везде она ведет к конфликтам как внутри стран, так и в международных отношениях. В историческую политику неизменно вовлекаются профессиональные историки, и всюду это приводит к конфликту между представителями государства, которые привычно пытаются диктовать историкам «правильную» историю, и профессиональным сообществом. ■

ПРИМЕЧАНИЯ¹ Термин «реабилитация» много-слойный — тут и судебная реабилитация репрессированных участников националистического движения, и историческая реабилитация, то есть новые формы репрезентации его истории как борьбы за независимую Украину, и моральная реабилитация участников движения как героев, опровергающая идеологию советского времени, и попытки приравнять статус ветеранов УПА к статусу ветеранов Великой Отечественной войны.

² Более детально об этом см.: *Kasianov G. The Burden of the Past: The Ukrainian-Polish Conflict of 1943–44 in Contemporary Public, Academic and Political Debates in Ukraine and Poland // Innovations. 2006. Vol. 19. No 3/4.*

³ Среди них: Микола Жулинский, в 1993 году — вице-премьер Украины по гуманитарным вопросам; Иван Дзюба, министр культуры; Дмитро Павлычко, председатель комиссии Верховной рады по иностранным делам; Иван Драч, председатель совета Общества связей с украинцами за пределами Украины. См.: Указ Президента України «Про заходи у зв'язку з 60-ми роковинами голодомору в Україні» // Голос України. 1993. 20 марта.

⁴ Учитывая состав организаций, представители которых вошли в организационный комитет по подготовке мероприятий, посвященных 60-летию голодомора — *Український Конгресовий Комітет Америки, Українська народна допомога (США), Конгрес українців Канади, Світовий конгрес вільних українців (Канада), Українська народна рада (США), Спілка*

українських організацій Австралії, — можно составить представление об их влиянии на ход событий.

⁵ Указ президента України від 19.02.1993 «Про заходи у зв'язку з 60-ми роковинами голодомору в Україні» (www.zakon.rada.gov.ua; сайт посещен 20 июля 2003 года).

⁶ В группу подготовки трибунала вошли представители прежней номенклатуры, успешно вписавшиеся в ряды новой, посткоммунистической элиты. Среди них были известные общественные деятели, литераторы из рядов «национал-демократии», такие как И. Драч, П. Мовчан, В. Яворивский.

⁷ *Пропозиції* щодо вшанування 60-х роковин голодомору в Україні // Архив автора.

⁸ *Кравчук Л.* (Президент України). Ми не маємо права знехтувати уроками минулого! // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки.

Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р.: Матеріали. Київ, 1995. С. 10.

⁹ За десять лет до этого, на 50-ю годовщину голода 1932–1933 годов, тот же Кравчук, правда, в ипостаси заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПУ, принимал активное участие в контрпропагандистских акциях, направленных против «развязанной на Западе антисоветской кампании по поводу так называемого “50-летия искусственного голода на Украине”».

¹⁰ Приведем лишь два наиболее показательных примера. Более десятка книг, подготовленных Ассоциацией исследователей голода-геноцида

1932–1933 годов в Украине, было издано на средства украинского предпринимателя из США Марияна Коця. Фильм Олеса Янчука «Голод 1933», показанный в день референдума о независимости 1 декабря 1991 года, был снят на деньги украинской диаспоры.

¹¹ Кабінет міністрів України. Постанова від 10 вересня 1993 р. № 718 «Про вшанування пам'яті жертв голодомору в Україні у 1932–1933 роках» (www.zakon.rada.gov.ua).

¹² Такой точки зрения придерживались некоторые исследователи и публицисты. См.: *Грбович. Г.* Україна: підсумки століття // Критика. 1999. № 11; *Рябчук М.* Погьомкінський ювілей, або ще раз про амністію, амнезію та «спадкоємність» посткомуністичної влади в Україні // Сучасність. 2004. № 3; *Кульчицький С.* Демографічні наслідки голоду-геноциду 1933 р. в Україні // Геноцид українського народу: історична пам'ять та політико-правова оцінка. Міжнародна науково-теоретична конференція. Київ, 25 листопада 2000 р. Матеріали. С. 8.

¹³ Кабінет міністрів України. Постанова від 26 жовтня 1988 р. № 1696 «Про 65-ті роковини голодомору в Україні» (www.zakon.rada.gov.ua).

¹⁴ Указ Президента України «Про встановлення Дня пам'яті жертв голодоморів» від 26.11.1998 №1310/98 (www.zakon.rada.gov.ua; последнее посещение сайта – 31 марта 2008).

¹⁵ Про заходи у зв'язку з 70-ми роковинами голодомору в Україні. Указ Президента України // Урядовий кур'єр. 2002. 29 марта.

¹⁶ В Украине и Польше развернулись нешуточные дискуссии, сопровождавшиеся взаимными обвинениями в нежелании следовать «правде истории». С обеих сторон масла в огонь этих дискуссий подливали праворадикальные или националистические круги. Кучма в паре с президентом Польши Александром Квасьневским выступил в роли умиротворителя.

¹⁷ Парламентські слухання «Щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років» 12 лютого 2003 року.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Звернення до Українського народу учасників спеціального засідання Верховної Ради України щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років (<http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=789%2D15>; сайт посещен 20 октября 2007 года).

²⁰ Поистине беспрецедентные усилия «оранжевого» президента в сфере исторической политики и политики памяти вызывали все более интенсивные нарекания как его политических оппонентов, так и даже части его союзников. Объяснения его особого отношения к идеологическому компоненту исторической политики обычно сводятся к двум темам: личные мотивы морально-этического характера и практические (использование темы для усиления личного престижа и для негативного маркирования политических оппонентов). Сторонником первого варианта является украинский литератор Микола Рябчук, второго – канадский политолог Доминик Арель. См.: *Riabchuk M.* Holodomor: The Politics of Memory and Political Infighting in Contemporary Ukraine // *Harriman Review*. 2008. Vol. 16. No 2; *Біленький С.* Конференція про Голодомор в Торонто (www.utoronto.ca/jacyk/Holod%20ukr.doc; сайт посещен 25 февраля 2009 года). Просмотр многочисленных интервью и выступлений Виктора Ющенко на тему голода 1932–1933 годов позволяет предположить, что морально-этические мотивы действительно имели место и Ющенко пребывал и пребывает под глубоким впечатлением от фактов трагедии. В то же время нельзя не заметить, что обострение интереса к инструментализации темы голода всегда совпадало у него с обострением внутривнутриполитической борьбы в 2006–2008 годы. Отметим массивное использование административно-бюрократических рычагов для организации коммеморативной кампании 2006–2008 годов; полное неприятие, иногда довольно агрессивное, иных взглядов на голод 1932–1933 годов; игнорирование научных данных о количестве жертв; попытку ввести административную и уголовную ответственность за «отрицание Голодомора и Холокоста»; полное пренебрежение историческим ландшафтом Киева при выборе места для мемориала, посвященного трагедии 1932–1933 годов.

²¹ Процесс создания института был достаточно мучительным – не было ни четкой концепции, ни понимания его будущих функций. Следование примеру Польши, в которой Институт национальной памяти был создан в 1998 году, не имело шансов на успех как из-за организационной немочи инициаторов, так и вследствие разногласий среди возможных исполнителей инициативы и самих инициаторов (в дискуссиях участвовали, наряду с пред-

ставителями правительства и ученых, посланцы от общественных организаций, имеющих непосредственный интерес в создании такой структуры, но не умеющих договариваться, — «Мемориала», Общества жертв политических репрессий и политических заключенных, Ассоциации исследователей голодоморов). Институт в конце концов был создан в мае 2006 года, однако до сих пор испытывает проблемы и с кадрами, и со стратегией собственного развития. Интернет-страница института: <http://www.memory.gov.ua>.

²² Указ Президента Украины «Про вшанування жертв та постраждалих від голодоморів в Україні» (www.zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1544%2F2005; сайт посещен 29 ноября 2006 года).

²³ Указ Президента Украины від 12 жовтня 2006 р. «Про відзначення у 2006 році Дня пам'яті жертв голодоморів та політичних репресій» (www.zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=868%2F2006).

²⁴ Употребление слова «голодомор» во множественном числе зародилось в украинской диаспоре; оно выражало идею о линейной связи трех периодов голода: 1921–1922, 1932–1933 и 1946–1947 годы.

²⁵ Звернення наукової громадськості до Президента України Віктора Ющенка про запровадження постійної календарної дати вшанування пам'яті жертв Голодомору 1932–1933 рр. в Україні (www.prezident.gov.ua/content/p_150_23.html; сайт посещен 29 ноября 2006 года).

²⁶ Звернення учасників круглого столу «Голодомор 1932–1933 років – геноцид в Україні» (www.prezident.gov.ua/content/p_150_5.html). Заинтригованный присутствием некоторых фамилий среди «подписантов» этого документа, я обратился к предполагаемому авторам за комментариями и выяснил, что они не только не подписывали его, но и не видели текста.

²⁷ Президент Украины вніс на розгляд парламенту Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (www.president.gov.ua/news/data/print/11457.html).

²⁸ www.ukrainianworldcongress.org/holodomor/Ukraine/Plenary-meeting28.11.06.pdf

²⁹ Закон України «Про Голодомор 1932–1933 років в Україні» (<http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi>).

³⁰ http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=29140 (сайт посещен 20 октября 2007 года).

³¹ Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України». С. 2 // Архив автора. Документ был скопирован с официального сайта Верховной рады Украины (www.gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=29881) в октябре 2007 года, однако сейчас доступ к этому документу отсутствует.

³² Речь шла о сумме от 1 700 до 5 100 гривен, то есть приблизительно о 340–1020 дол.

³³ Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України». С. 2.

³⁴ «Отрицание Холокоста» — не совсем корректный термин, когда говорится о законах. Существует законодательство ряда стран Евросоюза и самого Евросоюза, направленное на упреждение публичного оправдания нацизма, тривиализации и банализации его преступлений, публичного отрицания или оправдания конкретных случаев геноцида и преступлений против человечности, пропаганды расовой ненависти, преступлений коммунизма. «Отрицание Холокоста» присутствует в этом законодательстве (и то не везде) как частный случай. Упомянутые законы в последнее время становятся объектом все более активной критики либеральной части общества, которая утверждает, что они нарушают свободу слова и прессы. Любопытный пример научной критики подобного законодательства и сложностей с применением соответствующей терминологии см.: *Hayden R. M. "Genocide Denial" Laws as Secular Heresy: A Critical Analysis with Reference to Bosnia // Slavic Review. Vol. 67. No 2. Summer 2008. P. 384–407.*

³⁵ Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України».

³⁶ «Антикризисная коалиция» — самоназвание коалиции Партии регионов, коммунистов и социалистов, созданной в июне 2006 года, сформировавшей большинство в парламенте и сформировавшей правительство, конфликт президента с которыми стал главным содержанием политической жизни страны.

³⁷ Визнання голодомору 1932–1933 років актом геноциду Українського народу // Офіційне Інтернет-представництво Президента України (http://www.prezident.gov.ua/content/p_150_18.html; сайт посещен 31 октября 2007 года).

³⁸ Висновок на проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінально-процесуального кодексів України». С. 1–2.

³⁹ Ющенко перезавантажив матрицю // Українська правда. 2007. 25 апреля. (<http://www.pravda.com.ua/news/2007/4/25/58014.htm>). В статье помещена фотокопия текста «пакета политического компромисса».

⁴⁰ Указ Президента України «Про заход у зв'язку з 70-ми роковинами Великого терору – масових політичних репресій 1937–1938 років» від 21.05.2007 (www.zakon.rada.gov.ua; сайт посещен 31 марта 2008 года).

⁴¹ http://gska2.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=31473 (сайт посещен 24 янв. 2008 года).

⁴² «Зажги свечу» – ежегодная акция, задуманная как общенациональная. Первый раз проведена еще в 2003 году. В день поминовения жертв голода 1932–1933 годов (ежегодно – четвертая суббота ноября) все желающие выставляют в окне горящую свечку. «Негасимая свеча» – сноп колосьев высотой около 1,5 метра и весом около 200 кг, сделанный из лучших сортов пчелиного воска, собранного во всех областях Украины. В течение 2008 года передавался из страны в страну (33 страны – их число должно было совпасть с датой трагедии), где по его прибытию проводились панихиды и митинги, к осени 2008 года этот символ объехал и все

области Украины. «Негасимая свеча» закончила свой путь в Мемориале памяти, открытом в ноябре 2008-го в Киеве, став одним из первых экспонатов. «33 минуты» – публичная акция, проведенная с июня по ноябрь 2008 года, – в публичных местах (на площадях или возле сохранившихся памятников и памятных знаков «деятелям тоталитарного режима») каждый выходной день в течение 33 минут вслух зачитывались имена и фамилии умерших от голода в 1932–1933 годах.

⁴³ Калиновый гай – более двух сотен кустов калины, высаженных депутатами парламента под руководством Ющенко в 2007 году на склонах Днепра неподалеку от Киево-Печерской лавры. Там же в ноябре 2008 года был открыт мемориальный комплекс «Мемориал памяти», центральным элементом которого является часовня-свеча высотой в 26 метров.

⁴⁴ Центральной фигурой в историографии Голодомора стал уже упомянутый ранее Станислав Кульчицкий, который начал заниматься темой еще в середине 1980-х. Его многочисленные труды, изданные как в Украине, так и за рубежом, воспринимаются исследователями как трансляция официальной позиции государства по Голодомору. Этот взгляд справедлив лишь отчасти: будучи апологетом «геноцидной» версии Голодомора, Кульчицкий все-таки расходится с радикальной позицией президента Ющенко и части украинской диаспоры. В его нынешней интерпретации геноцид был направлен не против этнических украинцев, а против «граждан украинского государства», количество жертв в его подсчетах также сильно отличается от того, который оглашает Ющенко.

Польские споры об истории в XXI веке

После падения коммунизма Польше не хватило политической воли — или, скорее, политического воображения, — чтобы понять, что помимо строительства нового рыночного общества следует также создавать государствообразующий миф | **РОБЕРТ ТРАБА**

Так сложилось, что последние строки этой статьи я пишу во время проведения в Берлине международной конференции «Диктаторы за шахматной доской: Пакт Гитлера — Сталина, война и европейская память». Немецкие, польские, российские и литовские историки собрались вместе, чтобы обсудить значение и последствия произошедшего в 1939 году раздела Европы на сферы влияния между двумя тоталитарными государствами ¹. Если бы в это же самое время из Москвы не пришла новость о создании специальной государственной комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, могло бы сложиться впечатление, что, несмотря на неизбежные расхождения в интерпретации, нам наконец удалось сформировать реальное европейское пространство для диалога о новейшей истории. К сожалению, единого европейского пространства для диалога не существует. Глубокая трещина разделяет не только Россию и Польшу, но и проходит между Западной и Центрально-Восточной Европой. Кроме того, резко обозначены внутренние, национальные границы в пределах отдельных государств. Мой несколько пессимистический тезис по окончании конференции можно сформулировать следующим образом: нам необходимо европейское пространство для диалога, но

прежде чем создать его, мы должны решить «внутренние споры», попытаться критически разобраться с собственным прошлым, чтобы «скелеты в шкафу» не помешали нам избавиться от комплексов и политического балласта. Каждая «национальная историография» не только на востоке, но и на западе Европы сталкивается при решении этой проблемы со своими трудностями.

Контекст польского спора об истории

За последние двадцать лет в Польше лишь однажды удалось провести беспрецедентные дебаты об истории: это была дискуссия (2000–2002) о массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 году. Ее начали по немецкой инициативе «польские соседи». В поле зрения дискуссии оказались проблемы антисемитизма и национализма, вопрос об отношении к оккупантам (немцам и русским), «патриотизм и национальная измена». На мой взгляд, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не проходила через подобную очную ставку с собственным прошлым. К сожалению, спор о Едвабне не повлек за собой дальнейших глубоких дискуссий.

В то же время на рубеже 2004–2005 годов был запущен еще один механизм публичного создания новой версии истории, который я

называю «новой исторической политикой». Ее главным лозунгом стал отказ от «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «патриотизм завтрашнего дня». Парадоксальным образом «патриотизм завтрашнего дня» истолковывался со «вчерашней» точки зрения. Суть его, как и прежде, сводилась к созданию общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма XIX века. Доминировало стремление укоренить, а

(пусть и на втором плане) процесс «исторического утверждения» IV Речи Посполитой и, наконец, постоянные нерациональные прения с соседями — в основном с Германией и о ней — показывают, что мы все еще находимся не в центре спора историков, а в центре идеологической борьбы в духе вопроса, заданного когда-то Ежи Едлицким²: какая цивилизация нужна полякам? Сегодня, сузив вопрос Едлицкого, можно сказать, что мы все еще стоим перед проблемой: какая история и какая память нужны полякам?

“Суть «патриотизма завтрашнего дня» сводилась к созданию общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма XIX века”.

отною не подвергнуть критическому пересмотру модели прошлого, и вместе с тем предполагалось, что будущее также следует подчинить этим моделям. Была создана целая научно-образовательная структура, которая занималась пропагандой и закреплением таких моделей. Ее центром стал Институт национальной памяти (*IPN*), до сегодняшнего дня сохранивший ведущую роль (с учетом произошедших в нем изменений) как проводник определенной трактовки исторических событий. Успехи новой исторической политики в 2004/05 — 2007-м показали, что вопреки ожиданиям поляки не расстались с национально-романтическим, героическим мифом своей истории. Лагерь «критически настроенных» политиков и известных профессиональных историков не смог предложить какую-либо альтернативную концепцию представления истории, которую восприняли бы широкие круги общества. Вместо дискуссии произошло размывание позиций. Спор о биографии (не только политической) президента Леха Валенсы, актуальные дебаты о государствообразующем мифе III Речи Посполитой, продолжающийся

Дискуссия на тему «польскости», «патриотизма», «польских национальных недостатков», «польского мессианства» продолжается с момента формирования современной польской нации. Это неотъемлемая часть политической культуры современной Польши. Началось все с романтиков, которым мы обязаны нынешним повсеместно принятым пониманием родины. Приведу мнение историка идей, редактора ежеквартального журнала *Res Publica Nova* Марчина Круля³, который считает, что не столько сами по себе идеи романтизма, сколько их интерпретации, критика и обожание, а также их последователи и подражатели сыграли решающую роль в идентификации с «польскостью», в определении качества и уровня нашего дискурса «о родине и патриотизме». Говоря об истории Польши как о пространстве для диалога, нельзя забывать о тех, кто положил начало важнейшим дискуссиям о смысле существования нации: Станиславе Выспанском, Станиславе Бжозовском, «судьбах непокорных»⁴, Тадеуше Бой-Желеньском, Витольде Гомбровиче, парижской «Культуре», Славомире Мрожеке или

Чеславе Милоше и Збигневе Херберте. Нельзя обойти вниманием и громкие дебаты последних лет, которые начались еще во времена Польской Народной Республики (ПНР), в 1979 году, с выставки «Поляков собственный портрет», с публикаций Адама Михника, с фильмов Анджея Вайды, а также с интеллектуальных достижений «Солидарности». «Растравление» национальных ран, их заживление, одобрение и «запечатление в бронзе» национальной истории вот уже на протяжении двухсот лет относятся к основным темам польских общественных дискуссий⁵. Вопреки мнению многих, в III Речи Посполитой проводилась политика в отношении истории, и причем с успехом⁶. По-прежнему остается актуальной проблемой то, что мы охотно вспоминаем минуты славы и побед, но предпочитаем не думать о событиях постыдных или представляющих нас в невыгодном свете.

«Новая историческая политика» 2004/05—2007 годов

Возникшая на рубеже 2004—2005-го идея нового одобрительного подхода к польской истории стала одной из попыток свести счеты с собственным прошлым. Это было своего рода продолжением традиции. Главными выразителями новых тенденций стали четыре интеллектуала, связанные с консервативным краковским Центром политической мысли: философ и историк идей Марек Чихоцкий⁷, философ Дариуш Карлович⁸, философ и историк идей Дариуш Гавин⁹, а также социолог Здзислав Краснодембский¹⁰. Единственным профессиональным историком, ставшим на защиту новой исторической политики, был Анджей Новак¹¹. Новая историческая политика отличалась тем, что ее сторонники — интеллектуалы, писатели и публицисты — вскоре стали применять собственные идеи на практике в качестве чиновников или неформального интеллектуального обеспечения новой госу-

дарственной власти. Так интеллектуальный спор перешел в плоскость общественного восприятия истории. История как наука стала важным инструментом политики и существенным фактором, легитимирующим политический уклад 2005—2007 годов¹².

Новая историческая политика исходит из утверждения, что уровень патриотизма в Польше слишком низок, а исторические памятные места поляков, которые могли бы стать фундаментом для новой идентичности и национальной общности, исчезают. Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства нации. Причину этого усматривают в наследии коммунистической исторической пропаганды и — символически — в «жирной черте»¹³, искажившей «реальные» соотношения в оценке национальной истории. Многие проводники исторической политики считают, что корень зла заключен в критическом патриотизме Яна Юзефа Липского¹⁴. Наиболее подробно такая точка зрения представлена в работе Дариуша Гавина «От романтического народа к либеральному обществу: Поиски новой культурной идентичности в польской политике после 1989 года»¹⁵. Основной тезис этой работы состоит в том, что после 1989-го романтическая модель самовосприятия национальной общности разрушилась. По мнению Гавина, акценты сместились с «народа» на «общество», с «однородного духовного тела» на плюралистическую, неоднородную структуру, в основе которой лежит не духовность, а «насуточные интересы». Следствием этого стало разложение (или, скорее, уничтожение) романтического национального канона, выстраивать который в условиях плюрализма «невозможно и необязательно». Результат описываемого процесса можно охарактеризовать следующим образом: демократизация и либерализация общественной жизни приводят к утрате традиционных национальных

ценностей, не предлагая взамен других сплачивающих общество духовных основ, кроме механизмов свободного рынка. В этом контексте легче понять логику позднейшей новой исторической политики – антилиберальной и пронациональной, направленной на сохранение национальной общности. Но существует ли в действительности столь простой механизм, который автор переносит с исследуемой группы политиков на все общество? На мой взгляд, картина, представленная Дариушем Гавином, во многом

Polityczny, сейненское *Pogranicze* или ольштынская *Borussia* и т. д. В концепции новой исторической политики ничего не говорится о подобном «писании Польши заново». Разрушали ли эти движения общность? Нет, они становились альтернативой гибриднему ПНРовскому патриотизму. Они не приводили к коммерциализации, а, напротив, предлагали польскому обществу на этапе модернизации новые ценности. Нельзя не согласиться с Иоанной Курчевской в том, что новые политические элиты в 1990-х

“Институт национальной памяти был призван не допустить, чтобы материалы «личных дел» использовались в политических играх”.

непоследовательна. Прежде всего, если крах романтического канона произошел после 1989 года, это означает, что в ПНР он прекрасно существовал. С этим можно согласиться с той оговоркой, что в отказе от гибридного ПНРовского канона ничего плохого не было, наоборот, такой отказ представлял собой естественную потребность измученного общества в оздоровлении, когда назрела необходимость освободить собственное прошлое от идеализации и разного рода табу. К сожалению, этот процесс не был завершен.

Действительно ли плюрализация общественной жизни напрямую вела к меркантилизации общества и потребительству? Лишь отчасти. Во-первых, началась ускоренная трансформация, втягивавшая неподготовленное население в механизмы свободного рынка. Во-вторых, плюрализация создала единственное в своем роде пространство свободы для «бунтов провинции» начала 1990-х, новаторского движения «малых родин», для образования региональных сообществ, «выхода на поверхность» таких самостоятельных культурных явлений, как варшавская *KARTA*, гданьский *Przegląd*

годах способствовали маргинализации общества, в то же время относясь к истории как к объекту: «Для них отношение к прошлому всегда важно: они хотят его узнать, оценить и использовать для легитимации собственных начинаний»¹⁶. Этот факт, однако, не предопределяет последующих «исключающих» действий, направленных на этот раз против «либералов».

И наконец, главная непоследовательность новой исторической политики. Невозможно создать позитивное послание, затрагивая лишь один сегмент альтернативных идей и позиций, в данном случае однобоко определяемый либерализм. У той части общей картины, созданной Гавином, которая открыта для читателя, есть ясно обозначенный контрапункт. Это традиция критического патриотизма, наиболее полно отраженная в работе Яна Юзефа Липского «Две родины — два патриотизма»¹⁷ и ведущая свое начало от краковской исторической школы конца XIX века (Юзефа Шуйского и Михала Бобжиньского) и от Тадеуша Бой-Желеньского. Сегодня эту традицию продолжает Ежи Едлицкий.

Мне представляется, что основная задача состоит не столько в выявлении противника, сколько в четком определении места новых идей по отношению к течению (течениям), которые используют при описании польской действительности, идентичности, памяти схожие или те же самые категории: национальные интересы, национальная общность, солидарность, польское национальное пространство, христианские (католические) ценности и т. д. Словом, речь идет о прояснении, а не о создании второй части картины, которая повествует о бесславных страницах польского национализма и католического интегризма, присвоивших себе исключительные права на польский патриотизм.

Польский Институт национальной памяти

В 1999 году был принят закон о создании Института национальной памяти (ИНП). С ним связывали самые разные надежды. ИНП возник на базе существовавшей уже несколько десятилетий Главной комиссии по расследованию преступлений против польского народа (до 1990-го — Главная комиссия по расследованию преступлений гитлеризма), которая занималась выявлением преступлений времен Второй мировой войны. ИНП унаследовал от Комиссии ее архивы, прекрасную библиотеку и некоторых прокуроров. Уже в 1990 году Главная комиссия занялась также расследованием преступлений, совершенных в годы сталинского режима. Естественным образом этим же стал заниматься и ИНП.

ИНП был призван решить проблему архивов спецслужб ПНР: отделить их от архивов современных служб свободной Польши и тем самым не допустить, чтобы материалы «личных дел» использовались в политических играх. Именно поэтому принципиально важно было лишить политиков доступа к этой информации. Архивы должны

были стать предметом изучения историков и поведать правду о ПНР, об управлявших ею механизмах, о борьбе за свободу и о репрессиях против граждан. Речь шла о познании прошлого во всем его многообразии. С этой целью было создано Бюро общественного образования, где стали работать несколько десятков талантливых историков. Сотрудников набирали в основном из числа выпускников лучших вузов.

ИНП должен был возместить ущерб жертвам системы и людям, боровшимся с ней во имя свободы и государственной независимости. Для этого был введен статус «пострадавшего», который присваивался тем, кто подвергался преследованиям или репрессиям. В течение нескольких лет ИНП выдавал удостоверения пострадавшим, предоставлял им доступ к их личным делам и разрешал копировать материалы дела. Институт также должен был изобличить Управление безопасности (и пришедшую ему на смену Службу безопасности), которое несло ответственность за репрессии против граждан. Ключевой фигурой стал председатель ИНП, порядок назначения и полномочия которого были определены таким образом, чтобы ни политики, ни спецслужбы — в том числе нынешние — не могли оказывать на него давление. Процедура назначения председателя на должность была сложной, но значительно укрепляла его позиции в государственных структурах. Коллегия ИНП должна была соответствовать принципу плюрализма, поэтому девять из одиннадцати ее членов назначал сейм из числа кандидатов, выдвинутых различными парламентскими фракциями. Двух членов Коллегии предлагал Всепольский совет судейского корпуса, после чего их должен был утвердить сейм.

Так было задумано в теории. На практике же после непродолжительного периода открытости при председателе Леоне Кересе (2000—2005) наступило время, когда на ИНП

стали оказывать давление национально-консервативно ориентированные политики и историки: «Прокуроры, твердо убежденные в собственной исключительности и огражденные особыми должностными инструкциями, избегали контактов с историками, которых, в свою очередь, изумляла косность прокуроров и их слабое знание прошлого»¹⁸.

Архив (получено и собрано около 90 погонных км полок с делами) превратился в закрытую структуру со странными порядками. Процесс получения доступа к личным делам значительно растягивался. В ИНП сформировались три отдельные структуры, объединенные лишь фигурой председателя: Главная комиссия, архив и Бюро общественного образования. Контакты между ними были формальными и скорее поверхностными¹⁹.

По мнению Анджея Фришке — члена Коллегии на протяжении шести лет, — после 2005-го, когда должность председателя ИНП занял Януш Куртыка, а Ян Жарына стал директором Бюро общественного образования, наступила эра политизации и «политического исключения». Прелюдией к ней стало обнародование в 2004 году имен «тайных сотрудников» УБ/СБ журналистом Брониславом Вильдштейном (так называемый список Вильдштейна)²⁰. Проблема «нации» и «коллективной памяти» не выносилась на публичное обсуждение, как если бы это были неприкосновенные ценности. В названии Института национальной памяти (а через название — и в деятельности) неудачно слились воедино задачи «национальной политики памяти» с миссией независимых научных исследований, а кроме того, на все это накладывались следственные и прокурорские полномочия. В общественном восприятии смысл, заключенный в названии данной организации, мог быть только один: память и история как наука — это одно целое.

Нет ничего более ошибочного и вводящего в заблуждение. Это чревато тем, что история Польши будет излагаться упрощенно.

Под давлением правившей в 2005–2007 годах народно-популистской коалиции ИНП ввел критерии морально-политической чистоты: «Так называемая идеология “морального укрепления” хорошо соотносилась со сменой персоналий. Председатель был сторонником широкой люстрации и декоммунизации. Связи с новой парламентской коалицией упрочились, доказательством чему стали поправки к закону об ИНП. Институт получил право на люстрацию, что определило его дальнейшую деятельность. Статус “пострадавшего” был упразднен, а это автоматически сместило акцент с возмещения ущерба жертвам режима на выявление агентов»²¹.

Музей Варшавского восстания

В 2004 году был открыт Музей Варшавского восстания, что стало ярким событием по двум причинам. Во-первых, появилось место увековечивания памяти жертв одного из самых кровавых восстаний XX столетия. Во-вторых, мы — если занять позицию наблюдателя — имели дело с попыткой организовать культурную память поляков. В результате у нас появился лучший исторический музей в Польше и один из самых интересных в Европе. При всем уважении к мнению, что Музей Варшавского восстания и празднование 60-й годовщины этого восстания привели к профанации истории, не следует забывать, что все это происходило в специфических условиях спора о прошлом. С силой, несопоставимой с другими историческими дебатами 1999–2000-х годов, «выстрелило» Едвабне. Впервые мы оказались непосредственно лицом к лицу с образом поляка — виновника преступления. Для одних это стало своего рода катарсисом народной совести, других укрепило в стремлении защищать «польскость» от угрожающих ей внешних

врагов. Весьма странным эпизодом в этой дискуссии стало предоставление почетного гражданства Едвабне Ежи Роберту Новаку, неоднократно высказывавшему свои антисемитские взгляды.

Почти в то же самое время возникла немецкая инициатива создания Центра изгнанных. Дискуссия на тему Центра привела к поляризации общественного мнения и в Польше, и в Германии. Впервые стало очевидно, что мы имеем дело уже не только с противостоянием двух традиций национальной памяти. Из польско-немецкого спора выросли бурные польско-польская и немецко-немецкая дискуссии. Наиболее ярким эпизодом стал закончившийся судебным процессом конфликт между председателем немецкого «Союза изгнанных» Эрикой Штейнбах и корреспонденткой немецкой газеты в Варшаве Габриэлой Лессер. Большинство польских СМИ, однако, освещало этот спор как борьбу с немецким видением памяти за интересы польского государства. Был абсолютно проигнорирован иной, наднациональный характер дискуссии. Устоявшийся образ немцев, с одной стороны, и поляков — с другой, отбрасывал восприятие и политическую оценку конфликта на уровень конфронтации двадцати-тридцатилетней давности.

В такой атмосфере, когда появилось ощущение, что «польские национальные ценности», сама «польскость», «польские национальные интересы» оказались под угрозой, возникла потребность ответного удара, необходимость возвратиться к героическим, мартирологическим сюжетам польской истории. Этап, когда массово признавалась вина поляков, был уже позади. Если представить реальный сценарий развития событий (а не его фикцию), можно предположить, что за последние пятнадцать лет празднование начала Варшавского восстания ни в один другой момент не вызвало бы такого общественного резонанса. Хочу подчеркнуть сказанное,

поскольку складывается впечатление, что многие из организаторов празднования годовщины восстания слишком самонадеянно полагают, что успех тогдашних мероприятий напрямую связан с определенной моделью организации культурной памяти и направлением исторической политики.

Альтернативы

МУЗЕЙ Сегодня самые большие разногласия вызывает концепция Музея Второй мировой войны и выбор ключевых всенародных политических праздников, символизирующих в коллективной памяти поляков конец реального социализма и демократические изменения последних двадцати лет. Важно обратить внимание на то, что политики стали по-новому присутствовать в дебатах об истории. Министр культуры и культурного наследия Богдан Здроевский выразил свое отношение к вмешательству политики в историю следующим образом: «Вот уже двадцать лет мы следим за спором, который подрывает авторитеты, искажая образ польской истории в наших собственных глазах и в глазах всего мира. Кого удовлетворяет такой спор об *исторической политике* или, как некоторые предпочитают ее называть, *политике памяти*? <...> Господствует инструментальный подход к истории либо стремление присвоить право на даты, события или героев... Меня поражает отсутствие смирения среди политиков, высказывающих однозначные моральные оценки, вознося на алтарь одних и обрекая на осуждение других. Для того чтобы ценности и символы функционировали, не требуется правовое регулирование <...>. Наша задача — охранять национальную память и заботиться о ней и связанных с нею символах, а также научиться излагать польскую историю современным и привлекательным языком. Дадим наконец возможность Европе и миру понять нас!»²².

В подобном заявлении есть однозначно выраженное стремление к централизованно-

му (правительственному) созданию политики памяти, но в то же время здесь присутствует дух открытости и отказ от нынешней инструментализации истории. Категории «национальная гордость», «национальная политика», внешне продолжающие язык новой исторической политики, не содержат ни оттенка исключительности, ни изначальной, программной индоктринации. Здесь основному нарративу недостает большей полифоничности, а также внимания к дискурсам меньшинств. Политику памяти, разработан-

нительного описания. Они предлагают представить историю Польши, сопоставив ее с параллельными событиями в Европе и мире. Тем более удивительны адресованные им упреки в антипольскости и плохо понятой универсальности данного проекта, прозвучавшие в СМИ. Ведь сравнительный подход позволит также показать «польские страдания и мариологию», не лишая их значимости. Авторы абсолютно рациональны в своих намерениях: «Мы не сможем убедить в своей правоте туристов из Лондона или Вены, о

“Музей должен показывать Вторую мировую войну с польской точки зрения, но без акцента на мученичестве поляков с целью консолидации национальной мысли”.

ную в 2005–2007-м, характеризовала односторонность²³ и убежденность в том, что плюрализм нарратива, связанного с исторической памятью, угрожает не только существованию государства, но и понимаемому как отдельная сущность польскому народу²⁴. Отсюда один шаг до определения «иных взглядов»: «угроза национальным интересам», «государственная измена», «опасность потерять национальную идентичность».

Отголоски таких формулировок можно было найти в высказываниях некоторых журналистов и историков в связи с предварительной концепцией Музея Второй мировой войны²⁵. Авторы концепции — Павел Махцевич и Петр Маевский — решили отойти от традиционного национального нарратива, чем вызвали скандал. Они затронули тему, доселе неприкосновенную для большей части польского общества: опыт польского народа как центр мышления о Европе и мире. Отнюдь не отрицая этот опыт, Махцевич и Маевский стремятся акцентировать внимание на том, какой вклад внесли поляки в историю Второй мировой войны. Но этой цели они хотят добиться путем срав-

которых печется Петр Семка, создав очередную экспозицию исключительно о мученических испытаниях польского народа или прославляющую польское оружие. Школьники и студенты из Германии, Голландии, Франции, посетившие музей в Гданьске, вынесут оттуда прочные знания лишь в том случае, если события польской истории будут связаны в их сознании с событиями европейскими, знакомыми им по школьной программе, а также из фильмов и телевидения»²⁶.

Это не означает, что с концепцией музея не следует полемизировать. Напротив, даже необходимо: ведь проект может не только выполнить свою основную функцию — задать стандарты современной музейной экспозиции, но и стать альтернативным способом ведения общественного диалога об истории. Опираясь на свой личный выставочный опыт, могу сказать, что в предварительной концепции Музея не определена целевая аудитория и слишком мало говорится о том, от чьего имени ведется повествование. Введение польской истории Второй мировой войны в европейский контекст вовсе не предполагает поисков универсального

вымышленного повествователя. Музей будет расположен в Гданьске, в Польше, и его посетителями будут в основном поляки. Авторы концепции, как и их критики, многократно говорили об иностранном посетителе. Портрет такого адресата неясен, поскольку у туристов из Лондона, Берлина или Львова разные взгляды и разные ожидания, которые сложно будет удовлетворить в одном музее. Туристы посещают музеи в других странах, чтобы понять специфику местного восприятия истории, даже событий мирового масштаба. Именно поэтому музей должен показывать Вторую мировую войну с польской точки зрения, но без пафоса и без акцента на мученичестве поляков с целью консолидации национальной или патриотической мысли. У музея, ориентированного на польское общество, больше шансов найти нужный тон повествования о войне, который был бы гораздо понятнее, чем попытка представить в экспозиции как можно больше сюжетных линий.

Поскольку музейное повествование должно ограничиться основными сюжетами, лейтмотивом могут стать «польские судьбы». Самое сложное — найти способ, который позволит нарративу, адресованному польскому посетителю, перерасти в метаповествование, понятное и «другим». Как видно из предложенной концепции музея, авторы всерьез задумываются над этой проблемой, хотя еще и не нашли ее оптимального решения. Кроме того, история Второй мировой войны должна быть прежде всего показана через судьбы конкретных людей. Это не новость. Такой подход успешно применяется в крупнейших музеях мира и на исторических выставках, при этом широкий контекст не утрачивается. Пока в проекте музея не хватает сведений о конкретных «проводниках по выставке», которые, например как очевидцы событий, могли бы сопровождать посетителей по экспозиции. Рассказ непо-

средственных свидетелей облегчит идентификацию посетителей с представленной группой. Судьба поляка может стать понятной и более близкой даже для иностранного туриста. Так, можно показать запутанные людские истории во всей их трагичности и сложности. Героем этих индивидуальных повествований может стать не только житель Гданьска, но и силезец, сначала воевавший как *volksdeutsch* в вермахте, а затем на стороне поляков под Монте-Кассино. Нельзя обойти вниманием участь польских евреев. Их судьбы — как трагедия значительной части довоенного населения Польши — должны стать частью рассказа о войне. Тот факт, что еврейская тематика представлена в других музеях (в Освенциме, Яд Вашеме или Музее истории польских евреев в Варшаве), ничуть не мешает включить ее в общую картину военной трагедии²⁷. Все эти проблемы еще не решены. То, как Павел Махцевич и Петр Маевский ведут дискуссию, показывают, что мы имеем дело с историческими дебатами нового качества. Хотелось бы, чтобы именно такой тип дискуссии стал общепринятым стандартом при формировании политики в отношении истории. Короткое, но эмоционально насыщенное обсуждение Музея Второй мировой войны напрямую связано с более общим вопросом, который постоянно обсуждается в рамках дискуссии о политике в отношении истории: какую роль должна играть эта политика в соседнем, европейском дискурсе?²⁸

ШКОЛА Другим критерием формирования политики в отношении истории стал запущенный в мае 2008-го проект польско-немецкого школьного учебника истории. Заявленное участие двух сторон с самого начала диктует новую форму сотрудничества. Тот факт, что его инициаторами стали польское и немецкое правительства, сразу же вызывает вопрос о границе неза-

висимости науки от политики. Совместная польско-немецкая комиссия по учебникам (далее *WP-NKP*) рассчитывает на поддержку и отсутствие политического давления со стороны правительств обеих стран. Если бы такое давление оказывалось, проект утратил бы смысл. Согласно плану был создан Распорядительный совет: с польской стороны в него вошли представители министерства национального образования, министерства культуры и министра иностранных дел; с немецкой – министры образования

Определение противоречивых событий также будет делом нелегким. Однако мне кажется, что современная дидактика выработала такие способы описания исторических явлений, какими не располагает даже лучшая публицистика или исторические книги. В данном случае можно прекрасно использовать тот факт, что у поляков и у немцев разный исторический опыт. Мы по-разному определяем события, по-разному испытали их на себе и можем в дидактической части, той, которая побуждает задавать вопросы,

“Когда «пишется» коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях”.

отдельных земель, представитель министра просвещения Бранденбурга и министра иностранных дел Германии. Среди членов совета – польский и немецкий председатели *WP-NKP*. Здесь проходит жирная черта, которая отделяет политику от конкретной работы проекта. Распорядительный совет определяет пространство функционирования проекта, обеспечивает финансирование, занимается внедрением учебника в школы. Все остальные вопросы находятся в ведении Экспертного совета, разрабатывающего содержательную сторону. В него входят ученые и педагоги, рекомендованные *WP-NKP*. Экспертный совет решает, какие темы должны рассматриваться в учебнике, и назначает авторов.

Я не боюсь исторических споров по поводу оценки каких-либо событий. Значительно более серьезная проблема состоит в различии дидактических традиций. Правда, в этом и преимущество проекта. Из положительно воспринятой конфронтации рождается общее повествование (но ни в коем случае не искусственный политкорректный «общий знаменатель») об исторических процессах.

показать «обе стороны». Сказать: «Они понимают это так, а мы – так». Разве всегда права лишь одна сторона?

Сейчас представился случай расширить перспективу. Об этом сказал немецкий социолог культуры Вольф Лепениес, один из выдающихся представителей европейской социологии культуры, который в свое время активно поддерживал идею создания немецко-французского учебника. Высоко оценивая уже созданный учебник, он заметил, что настоящим событием для всей Европы, а не только для Польши и Германии, станет польско-немецкий учебник. Ведь вслед за Польшей и ее историческим опытом в поле зрения истории в Германии войдет значительная часть Восточной Европы, которой сегодня там просто-напросто нет. У нас есть возможность открыть дорогу необычайно интересному повествованию о таких темах, как асимметричные процессы формирования наций или Вторая мировая война. Польский опыт существует на периферии, но, несмотря на это, мы можем предложить совершенно иное видение истории. Наши западные соседи часто не представляют себе,

что такое немецкая и советская оккупация. Именно поэтому учебник, отражающий общий европейский опыт, приобретает большую универсальную значимость.

Если сравнить задачи, стоящие перед авторами французско-немецкого и польско-немецкого учебников, то может показаться, что нам гораздо сложнее, поскольку уже с самого начала у нас разный потенциал. Основная проблема заключается в том, что и у Франции, и у Германии другая степень участия в истории Европы. Оба государства были и остаются значимыми центрами европейской политики. Немецкие и французские историки понимали, что это вызовет определенные сложности, и с переменным успехом пытались избежать изложения истории с точки зрения Германии и Франции. Плюс — и в то же время минус — положения польских и немецких авторов, по моему мнению, состоит в том, что на протяжении длительного времени мы имеем дело с асимметрией: Германия — центр, Польша — периферия. Это касается прежде всего XIX столетия, когда польского государства не существовало вовсе, а Германия стала великой державой.

Категорию «периферия» мы понимаем нейтрально. Совсем не обязательно, что периферия и центр соотносятся как «лучшее» и «худшее». Нужно выработать новый список вопросов, который приведет нас к созданию учебника, описывающего конкретные явления и процессы, а не только политику центров власти²⁹.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО: О ГОСУДАРСТВО-ОБРАЗУЮЩЕМ МИФЕ ИЛИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ Сошлюсь на известное высказывание Бенедикта Андерсона, что общность современной нации не столько дана, сколько постоянно конструируется. Хотя на обычном языке это звучит излишне механистично, речь идет о том, что элита создает такие знаки, символы или праздничные даты, с помощью которых

она пытается консолидировать общество. Исходя из такой цели, «придумываются» различные годовщины, но при этом с ними должна существовать эмоциональная связь, которая позднее упрочится благодаря регулярным празднованиям. Я не знаю ни одного государства, которое не пыталось бы сплотить свое общество вокруг годовщин и дат, то есть позитивного послания, определенной системы ценностей, частью которой становится любая годовщина. Это естественная форма коммуникации с обществом, которое нуждается в направляющем знаке, чтобы сказать «Я поляк (русский, немец и т. д.), потому что...» — и дальше можно перечислить знаковые даты и события, позволяющие нам понять друг друга и провести черту между «своими» и «чужими». Годовщина — это часть порождающего мифа каждого общества, желающего быть одним целым. Рассмотрим, например, как функционируют памятники: их возводят, чтобы увековечить память о ком-то или о чем-то, чтобы с этим памятником напрямую соотнести, а затем и ритуализировать традицию празднования какой-либо важной для народа символической годовщины. Однако памятник «живет» лишь до тех пор, пока он служит средством политической манифестации и передает какую-либо идею. Бывает и так (мы часто наблюдаем подобное), что памятники «умирают», становятся лишь мертвым элементом пейзажа. С ними уже не связаны никакие коллективные эмоции.

Вполне естественно, что многие годовщины создаются исходя из потребностей дня сегодняшнего. Когда «пишется» коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях. Из резервуара событий, например военных сражений, выбираются те, которые несут в себе как можно больше информации для общества. Другое дело, что в сегодняш-

ней Польше годовщины массово не отмечают. Государственные праздники — это нерабочие дни, именно так воспринимает их большая часть граждан. Общество достаточно скромно участвует в их праздновании, возможно потому, что отмечают их, как правило, формально. В какой мере это соответствует ожиданиям людей? Быть может, умеренная вовлеченность общества отражает отношение граждан к навязанным «сверху» государственным праздникам?

Противоречий, связанных с «выбором годовщины», не избежать, поскольку реше-

позитивный посыл: «немцы вновь стали единым народом». На определенном этапе этим спорам был положен конец решением сверху, которое хотя и критиковали, но вскоре приняли. Сегодня никто не бойкотирует 3 октября в качестве национального праздника Германии.

Здесь прослеживается определенная стратегия построения немецкой идентичности. С помощью такого торжества и всенародного празднования предполагается пробудить в обществе определенные эмоции, связанные с этой датой. Ведь именно эмоции делают

“Никто в полной мере не понимает, как создать то самое «нечто», что могло бы объединить польских граждан и стать позитивным посланием для будущих поколений”.

ния вырабатываются в политическом споре. Суть всегда — в выборе определенной трактовки истории. Происходит это по-разному. В случае Французской революции мы имели дело со столкновением двух мировоззрений. В Германии долго спорили о национальном празднике, пока не остановились на 3 октября, дате присоединения бывшей ГДР к ФРГ. До этого обсуждались различные даты. На финальном этапе спора о национальном празднике рассматривались две: 3 октября и 9 ноября. Вторая дата была связана со многими событиями в истории Германии и обладала огромным потенциалом дискурсивности. 9 ноября 1989 года пала Берлинская стена, 9 ноября 1938-го прошли еврейские погромы в Третьем рейхе (так называемая Хрустальная ночь), в этот день в 1923 году состоялся неудавшийся путч Гитлера, а в 1918-м вспыхнула левая революция и была провозглашена первая республика. Эта дата говорила слишком о многом. На мой взгляд, было бы интереснее, если бы именно этот день стал в Германии важнейшей датой. Но выбор пал на 3 октября, день, несущий исключительно

традицию живой, чем-то, в чем общество/народ хочет участвовать, а не только организованным властями военным парадом. 14 июля во Франции не ограничивается парадом на Елисейских Полях. В этот день проходят народные гулянья во всех, даже самых маленьких, городках и селах. Люди веселятся. Кульминация — это, безусловно, парад, но после него начинается народный праздник, в результате чего с этим днем идентифицируют себя большинство французов.

После Первой мировой войны «образующим мифом» новой Польши стала победа в войне с большевиками 1920 года. Она объединила народ, который до этого более ста лет был разбросан между тремя странами. Вместе с тем падение коммунистического режима также дало полякам нечто очень важное: 31 августа 1980-го и 4 июня 1989 года. На мой взгляд, это две ключевые даты. Остается выбрать одну из них. Мы многое потеряли оттого, что не сделали этот выбор раньше, а теперь это уже не столько политический спор, сколько партийная конкуренция. Никто в полной мере не понимает,

как создать то самое «нечто», что могло бы объединить польских граждан и стать позитивным посланием для будущих поколений, в том числе для тех, кто не знал перелома. На самом деле мы не спорим, будет ли 4 июня 1989-го ³⁰, 31 августа 1980 года (августовские соглашения ³¹) или «круглый стол» ³² цементирующей датой для польского народа после перелома. Не вызывает разногласий и стратегия выстраивания этой годовщины. Главный вопрос заключается в следующем: хотим ли мы вообще праздновать возрождение суверенной Польши после 1989 года? Альтернативой может стать отказ от любых годовщин и формирование негативного образа III Речи Посполитой. Жаль, что после падения коммунизма Польше не хватило политической воли — или, скорее, политического воображения, — чтобы понять, что помимо строительства нового рыночного общества следует также создавать государствообразующий миф, на котором может основываться новая самоидентификация общества после такого перелома, каким стал для Польши 1989-й. Подобных попыток не предпринимала ни одна политическая сила. Это огромный урон, поскольку эмоциональная связь с теми событиями уже ослабла и в повседневном измерении уже не присутствует. Сегодня конструирование «живой даты» нужно начинать почти с нуля. Возможно, только поколению внуков мирной революции удастся сделать этот «общий» выбор.

ИСТОРИОГРАФИЯ Несмотря на сетования многих, польской историографии кризис не грозит ³³. «Польская историческая наука жива...» ³⁴. Однако необходима дискуссия, сутью которой будут не только «личные дела», «люстрации» или неожиданно вспыхивающие политически инспирированные споры, которые призваны установить «единственную, подлинную» правду о ПНР. Ключом к дискуссии нового качества может

стать взгляд на «собственное прошлое» сквозь призму транснациональных историй. Характер дискуссии может измениться и в том случае, если вывести на более широкий уровень дебаты о разнородности методологических стратегий в исследованиях. Этот вопрос обсуждается уже много лет, но лишь на втором плане. Подобное предложение вовсе не означает, что из *интердисциплинарности* следует сделать канон современных исторических исследований. Я сторонник полифоничного нарратива о прошлом, главная черта которого не какой-то «закрытый» метод, а *воображение*, в духе послания Ежи Едлицкого.

Историческое воображение отличается от фантазии и от интуиции. От фантазии его отличает то, что укорененность в реальных событиях не мешает ему видеть альтернативные истории при помощи полидисциплинарности. А в отличие от интуиции, воображению можно научиться. Именно поэтому необходимость осознать наличие исторического воображения — это не мертвый постулат. Основным в «*обучении воображению* (и в его освоении)» остается внимание к полифоничности нарратива и диверсифицированности корпуса источников, а также методов их анализа. Если совершенствовать умение пользоваться этими инструментами, то появится возможность влиять на стиль и коммуникативность нарратива.

Мы живем в мире *fusion*, в котором все перемешано со всем. Крайне необходимо проводить границы и оттачивать наше исследовательское мастерство. Вместе с тем хотелось бы, чтобы интердисциплинарность в польской историографии заняла соответствующее место, а не трактовалась как выдуманный постулат, с которым приходится иногда мириться. Как ни парадоксально, важным (потенциальным) двигателем истории, модернизирующим не только исторические, но и в целом гуманитарные

исследования, стали среди прочего три больших проекта — издательские серии: 110 (!) томов уже издано, остальные ждут своей очереди. Вдохновителями и движущей силой этих интер- и трансдисциплинарных проектов стали трое ученых с международным именем: историк (с социологической базой) Мартин Куля и задуманная им серия «В стране ПНР», литературовед (с опытом исследований в области истории культуры и исторической семантики) Хуберт Орловский и его «Познаньская немецкая библиотека» и культуролог (называющий себя историком) Анджей Менцвель и серия *Communicare*.

Характер спора в сегодняшней историографии можно определить следующим образом: «национальная гомогенность» и «героизация истории» *versus* «возобновление переговоров» и «расширение перспектив». Историографы пусть решают, насколько это продолжение, а насколько новое слово в традиции польских споров об истории. Мне представляется, что здесь присутствует как преемственность, так и разрыв с традицией. Сегодня идут споры между приверженцами традиционных методов и исследовательских категорий и сторонниками их нового определения и применения в исследовательской практике. Речь о переосмыслении и о новых значениях таких понятий, как «нация», «идентичность», «культурный пол», «культурная память» и т. д. Расширять исследовательскую перспективу значит стремиться к обогащению исследовательского арсенала историка, работающего в транс- и интердисциплинарном контексте. Эти новые тенденции все еще малозаметны в публичной и образовательной репрезентации истории. Тем не менее они постепенно занимают все более прочное место в научной среде.

Основным исследовательским направлением по-прежнему считается фундаментальная традиционная позитивистская историография (главным образом история

событий), которую отличает тщательность анализа и диверсифицированные источники исследования. Это второе ее отличительное качество позволяет модернизировать методы исследования и избежать повествования исключительно о том, как «все было на самом деле». Именно в таком русле *sensu largo* находится разрекламированное в СМИ обширное творчество «историков из ИНП». С той разницей, что, по убеждению многих представителей Института национальной памяти, единственно верный способ познать прошлое — это доступ к архивам. Фетишизация архивов создает упрощенное представление, будто лишь «секретные» и недоступные для простых смертных источники определяют парадигму объективной правды. Разницу между серьезными исследованиями событийной истории и ложно понимаемой миссией «объективной правды» представила в своей статье летописец польской историографии Виктория Сливовска. Автор напоминает об азах профессии историка, чтобы на этом фоне рассказать о тенденциях, определяемых (но, к счастью, не всегда реализуемых) стандартами ИНП: «Историк должен стремиться не только восстановить реальную историческую картину, но и понять фон событий, ситуацию, в которой действовали интересующие его персонажи. Легко очернить, гораздо труднее понять сложное прошлое <...>. [Тем временем в ИНП] издаются толстые тома, где без лишних раздумий приводятся очередные факты, компрометирующие людей уже покойных (которые не могут себя защитить), а также ныне здравствующих — известных и неизвестных. Складывается впечатление, что ПНР не только в первые сталинские годы, но и на протяжении всего своего существования была вотчиной гебистов, противостоять которым никто не мог»³⁵.

Новый стандарт исторических исследований задало вышедшее недавно трехтомное

издание Ежи Едлицкого и двух молодых ученых — Магдалены Мичиньской и Мачея Яновского «История польской интеллигенции до 1918 года»³⁶. Эта работа находится на пересечении разных исследовательских моделей. В центре повествования — вынесенная в заглавие «интеллигенция», определение которой было условием прозрачности и целостности исследования. Проанализировав достоинства и недостатки современных методологических тенденций, Едлицкий, Яновский и Мичиньска сделали

Смысл этого высказывания мы можем свести к еще одному постулату дискуссии о современной польской историографии: помимо спора между традиционализмом и современностью существует (и всегда существовала) бесспорная потребность (или ее отсутствие) в исследовательском воображении. Без него занятие нашей научной дисциплиной становится пусть и ценным, но всего лишь «хроникерством».

Ведущим мотивом, вобравшим все разнообразие методологических споров, стала

“Фетишизация архивов создает упрощенное представление, будто лишь недоступные для простых смертных источники определяют парадигму объективной правды”.

однозначный выбор, связавший повествование воедино, но позволивший сохранить индивидуальность авторов отдельных томов. Суть сделанного выбора выразил Ежи Едлицкий: «Мы должны принять неоднозначность терминов общностей и работать с ней, а возможно, и извлечь из этой неоднозначности пользу, поскольку неточность семантических разграничений отражает хронологическую нечеткость существующих делений, иерархии и ролей. Ведь живое общество <...> не состоит из отдельных клеток, на которых висят таблички с названиями родов и видов. Такова судьба историка общества, он обречен употреблять неточные понятия. <...> Но мы опасались, что, поддавшись увещаниям методологов-нарративистов, мы тем самым обесценим значительные достижения объективизированной истории общества. <...> Поэтому в споре между историей общества и историей “дискурсов” мы заняли компромиссную или, если кому-то так больше нравится, эклектичную позицию, учитывая как достоинства, так и недостатки каждой тщательно анализируемой исследовательской стратегии»³⁷.

цепь производных от понятия-категории «нация»: «польская нация», «национализм», «национальный конфликт», «национальная идентичность». Центральное место этой тематики в польском научном и общественном дискурсе описал Томаш Китцвальтер в своем аналитическом исследовании «О современной нации: Случай Польши»³⁸. Часто в пылу спора о «смысле» нации мы забываем определить, что такое на самом деле национальная история. На эту проблему недавно обратил внимание Марчин Куля в докладе «Национальная история в наднациональной перспективе»³⁹. Перемены, произошедшие в XX веке и вызванные главным образом массовыми миграциями и отделением колоний, привели к тому, что традиционное понимание национальной истории стало расплывчатым или даже вводящим в заблуждение. Миллионы жителей бывших колоний стали французами или британцами, и от них вряд ли можно требовать, чтобы они идентифицировали себя с «Песней о Роланде» или с завоеваниями колониальной эпохи. Новое измерение (а быть может, отсутствие измерений), в котором оказались нации в XX веке, приводит к тому, что

о национальной истории нельзя умолчать, но и говорить о ней нужно иначе. Марчин Куля предлагает: «Подход, который я разделяю, не означает отрицания ценности чего-либо. Наоборот, часто бывает так, что именно обширный контекст позволяет лучше рассмотреть локальные явления. В любом случае предлагаемый подход никому не мешает чтить память тех или иных героев. Никто и ничто не помешает людям склонить голову в память о героях после посещения еще не созданного Музея Второй мировой войны, благодаря кото-

истории, исследователь может не только передать богатство одного конкретного локального опыта, но и подчеркнуть его значение, соответствующим образом расширив контекст и при этом не возводя памятник национальной славе. Некоторое время назад Ян Кеневич в работе «Введение в историю цивилизаций Востока и Запада»⁴¹ в обобщенной форме показал, насколько значимо расширение национальной перспективы с точки зрения развития цивилизации. С такой позиции можно анализировать самые сложные

“Мы не хотим слышать критику, а если уж она звучит, то в определенных кругах воспринимается как пример «тенденциозной, антипольской» историографии”.

рому — если судить по проекту — они лучше поймут этот отрезок истории, чем если бы это было просто место славы национальной памяти»⁴⁰.

Варшавский историк описывает четыре условия преодоления «слабости, вызванной тем, что мы по уши погрязли в национальной истории». Они представляют собой основу для создания *транснациональной истории*. Резюмируя идеи автора, в которых лейтмотивом звучит мысль о расширении поля исследований и повествования, можно изложить их следующим образом: 1) *углубление перспективы* (то есть «уход от провинциальности»); 2) *компаративистика*; 3) *акцент на исследовании явлений*, а не на исследовании отдельных фактов национального прошлого; 4) *трансграничность*, или вовлеченность в цивилизационное пространство. Каждое из условий транснациональной истории Куля иллюстрирует центральными событиями польской истории, которые нагляднее и красноречивее доказывают необходимость «транснационального поворота», чем «закрытые» отсылки к методологии.

Пользуясь принципом транснациональной

явления: Холокост, революционный экспансионизм, военные преступления и т. д.

Уже несколько десятилетий на польско-немецком материале⁴² с успехом занимается своего рода транснациональной историей Клаус Цернак⁴³ и поколение его последователей, таких как Михаэль Мюллер⁴⁴, Андреас Лавати, Мартин Шульце-Вессель или Ханс-Юрген Бёмельбург. Изучение *Beziehungsgeschichte* — истории взаимных влияний — получило даже статус своего рода нормы в истории национальных отношений⁴⁵. Несмотря на привлекательность методологии и интересные темы, это направление не занимает центрального места в польских дебатах об истории. Складывается впечатление, что из всего массива зарубежных публикаций о Польше интерес у СМИ (а не только в научной среде) вызывают книги, которые вписываются в канон национальных мест памяти, формирующих героические судьбы поляков. Мы не хотим слышать критику, а если уж она звучит — как в случае Яна Томаша Гросса⁴⁶, — то в определенных кругах воспринимается как пример «тенденциозной, антипольской» историографии. Норман

Дэвис стал самым популярным исследователем истории Польши благодаря отнюдь не захватывающим «Божьим играм» или книге о Вроцлаве «Микрокосмос» (и многим другим), а красочно написанной монографии о Варшавском восстании, которая *nolens volens* отвечала определенным запросам общества. За последние два года вне каких-либо направлений удалось пробиться к широкому общественному мнению Тимоти Шнайдеру, среди прочего благодаря успеху книги о Хенрике Юзевском, за которую Шнайдер получил впервые присуждаемую на Всемирном съезде исследователей истории Польши награду *Pro historia Polonorum* — за лучшую книгу на иностранном языке, опубликованную за последние пять лет⁴⁷. Достаточно известен Даниэль Бюва⁴⁸, но по-прежнему мало кто знает историков среднего поколения, например, исследовательницу еврейской проблематики и Центрально-Восточной Европы Дельфин Бехтель из парижской Сорбонны IV⁴⁹ или Катрин Гусев. Можно лишь сожалеть о том, что в Польше вызывают незначительный интерес исследования немецких историков (часто с польско-немецкой культурной базой), принадлежащих к молодому и среднему поколениям, как уже упоминавшийся Андреас Лавати⁵⁰, Маркус Кшоска⁵¹, Роберт Журек из Центра исторических исследований ПАН в Берлине, а также исследователь культурной истории Гданьска из Немецкого института по изучению Польши (*Deutsches Polen Institut*) в Дармштадте Питер Оливье Лоев⁵², специалист по истории польских евреев Катрин Штеффен из Северо-Восточного Института (*Nordost-Institut*) или Юхен Бехлер из Немецкого исторического института в Варшаве⁵³. Их работы касаются ключевых проблем истории Польши и польско-немецких отношений, представляя не столько так называемую немецкую точку зрения, сколько в целом широкую исследовательскую перспективу.

Ценный вклад в размышления над проблемой нации вносят польские германисты. Достойным примером могут служить сборник статей под редакцией Изабеллы Сурынты и Марека Зыбуры «Воображенный народ: Польская и немецкая литература о национализме XIX века»⁵⁴, исследования Лешека Жилинского, Войчеха Куницкого или Йоанны Яблковской.

Какая именно политика в отношении истории?

Сомнения польского министра культуры Богдана Здроевского относительно соответствующего термина для описания общественной функции истории (историческая политика *versus* политика памяти) вполне оправданны. Семантический потенциал обоих понятий определяется по-разному и неоднозначно. Больше всего внимания уделил им молодой польский социолог Лех Нияковский, убедительно ратующий за употребление понятия «политика памяти» вместо «исторической политики». Он выделяет три возможных определения политики памяти и приходит к следующему заключению: «Полное определение [“политики памяти”] звучало бы так: политика памяти — это любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти»⁵⁵.

Тем не менее в научных кругах нет согласия по этому вопросу. Так, с позицией Нияковского полемизирует Бартош Коженевский⁵⁶. Ханс Хеннинг Хан в опубликованной по-польски статье хотя и видит разницу между двумя понятиями, утверждает, что с точки зрения методологии практически каждая так называемая историческая политика — это политика в отношении памяти (в оригинале *Erinnerungspolitik*)⁵⁷. Однако независимо от выбора соответствующего

названия уже тот факт, что Нияковский впервые в форме развернутого определения очертил поле научного дискурса, заслуживает внимания. Лично я предпочитаю пользоваться еще одним термином: *политика в отношении памяти* или *политика в отношении истории* — из-за аморфности повседневного понимания термина «память». Почему такая формулировка мне ближе? Во-первых, потому что память/история субъективируется в процессе общественного функционирования. Из такой формулировки отчетливо видно, что политика пытается конструировать культурную память и формировать определенную модель политического видения национального прошлого. Во-вторых, потому, что историческая политика — в моем восприятии — ассоциируется с вмешательством власти в автономию науки, что характерно для авторитарных и тоталитарных режимов. Историческая политика почти автоматически сводится к «государству», понимаемому как представительство правящих политических сил. В то время как в демократическом государстве действуют по крайней мере четыре публичных актора, которые могут участвовать в обсуждении вопроса о видении истории в обществе: правительство (политическое представительство), органы самоуправления как представители региональных контекстов истории (в зависимости от степени их самостоятельности), независимые СМИ и гражданское общество в виде различных объединений и организаций, в том числе конфессиональных.

Отголоском спора о «новой исторической политике» 2004–2007 годов стали ценные публикации, которые способствуют дальнейшим размышлениям на тему общественной функции истории. Именно эта тема оказалась в центре исследований познаньского философа Бартоша Коженевского⁵⁸, а также работы о современной историографии Евы Доманьской⁵⁹. Первой индивидуальной

попыткой обрисовать исследовательское поле коллективной памяти была книга «История — пространство диалога»⁶⁰. Западный институт и Институт национальной памяти выпустили сборники эссе, которые, несмотря на эклектичный характер, можно признать первой попыткой обобщающего подхода к данной теме⁶¹. Многих вдохновил польско-немецкий историографический диалог⁶². Социологические исследования завершились трехтомной серией «Современное польское общество о прошлом» под редакцией Анджея Шпачинского⁶³. Эссеистика и публицистика Марчина Кули⁶⁴ и Анджея Менцвеля⁶⁵ — это постоянный источник для творческих размышлений. Регулярно обогащают дискуссию такие журналы, как *Kultura i Społeczeństwo*, *Kultura Współczesna*, краковский *Znak*, гданьский *Przegląd Polityczny* или ольштынская *Borussia*.

В этих публикациях затрагиваются самые разнообразные сюжеты, заслуживающие отдельной статьи, но я бы хотел обратить внимание только на одну, очень важную тему, поднятую немецким историком Хансом Хеннингом Ханом: трансграничная политика в отношении истории. «Под предлогом, — пишет Хан, — что объединяющаяся Европа нуждается в общей истории, а значит, и в общей памяти, ведется речь об одной доминирующей интерпретации не только истории Европы, но и истории регионов и отдельных европейских стран»⁶⁶.

Я разделяю опасения ольденбургского историка. Когда предпринимаются попытки выстроить такой дискурс памяти, в котором собственная страна возносится над другими, возникает угроза присвоения памяти. С другой стороны, не следует ожидать, что в «Европе без границ» демократические общности, объединенные по признаку идентичности, будут функционировать в замкнутом пространстве, тем более что и во внутрен-

них структурах коллективная память претерпевает постоянные изменения и общество переосмысливает ее. Поэтому необходимо выработать новые, безопасные правила политической игры, которые, вслед за Ханом, можно назвать *кодексом поведения в*

области политики в отношении истории.

Основополагающим пунктом этого кодекса должна стать автономия отдельных общностей памяти, к воспоминаниям которых и их опыту общения с «другими» следует относиться с уважением. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ «Diktatoren am Schachbrett: Der Hitler – Stalin Pakt, Krieg und die europäische Erinnerung», Berlin, 1–2 Jul. 2009, организатор *Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde* в сотрудничестве с Центром исторических исследований Польской академии наук в Берлине (*CBH PAN*). На конференции был представлен специальный номер журнала *Osteuropa*, посвященный названной проблематике.

² Ежи Едлицкий (р. 1930) — польский историк идей, профессор Института истории ПАН.

³ *Król M.* Romantyzm. Piekło i niebo Polaków. Warszawa: Fundacja Res Publica, 1998. S. 4 и др.

⁴ Так назывался польский документальный фильм о послевоенной судьбе солдат Армии крайовой.

⁵ Ср.: *Jedlicki J.* Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują: Studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku. Warszawa: PWN, 1988; *Mencwel A.* Przedwiośnie czy Potop: Studium postaw polskich w XX wieku. Warszawa: Czytelnik, 1997; работы Марии Янион (из ее богатого наследия упомяну только классическую работу, написанную в соавторстве с Марией Жмигродзкой: *Janion M., Żmigrodzką M.* Romantyzm i historia. Warszawa, 1978; wyd. 2: Gdansk, 2001, или авторский сборник: *Janion M.* Do Europy tak, ale razem z naszymi umarłymi. Warszawa: Sic!, 2000; *Michnik A.* Z dziejów honoru w Polsce. Warszawa: Nowa, 1991 или *Idem.* Wyznania nawróconego dysydenta: Spotkania z ludźmi: Szkice 1991–2001. Kraków: Zeszyty Literackie, 2003.

⁶ Интересное исследование исторической политики III Речи Посполитой представил Павел Махцевич: *Machewicz P.* Polityka historyczna to nic nowego // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 20 Apr. Похожим образом против использования истории в политической жизни высказывается Цезари Михальски (*Michalski C.* Wyrosnąć z historii // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 17–18 Dec.): «Историческая политика — это

естественное орудие государственной власти. <...> Однако его следует в последнюю очередь применять во внутренней политике. В партийных войнах, когда другие средства уже не действуют».

⁷ *Cichocki M.* Władza i pamięć. Kraków, 2005.

⁸ *Karłowicz D.* Koniec snu Konstancyntyna: Szkice z życia codziennego idei. Kraków, 2005.

⁹ *Gawin D.* Polska, wieczny romans: O związkach literatury i polityki w XX wieku. Kraków, 2005.

¹⁰ *Krasnodębski Z.* Drzemka rozsądnych. Kraków, 2006.

¹¹ *Nowak A.* Powrót do Polski: Szkice o patriotyzmie po końcu historii: 1989–2005. Kraków: Arcana, 2005.

¹² Наиболее интересную, по моему мнению, деконструкцию изначальных принципов новой исторической политики предложил Адам Лещинский: *Leszczyński A.* Polityka historyczna: Wielki strach // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 7 Apr. Ср. также интересную полемику между Петром Братковским и Петром Семкой на страницах газеты *Rzeczpospolita*. Семке не нравится прежде всего то, что Карлович, Чихоцкий и Гавин связаны через Братковского с партией «Право и справедливость», а ведь их следовало бы представлять так, как в течение многих лет представляли самого Семку на страницах газеты *Rzeczpospolita*: «автор, независимый публицист» (*Semka P.* Alergia na patriotyzm // *Rzeczpospolita*. 2006. 25 Mar. (http://www.rzeczpospolita.pl/dodatki/plus_minus_060325/plus_minus_a_11.html)). Постоянно полемизируют с новыми тенденциями исторической политики краковский историк Анджей Романовский (напр., *Romanowski A.* Historia, kłamstwo i banał // *Gazeta Wyborcza*. 2006. 15–16 Jul.) и Анджей Хвальба (*Chwalba A.* Nie ufam własnej pamięci. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006). Политолог и историк из Познани Анна Вольфф-Повенска к историческим разногласиям обращается чаще всего в контексте польско-немецких отношений.

¹³ «Жирная черта» (*gruba kreska/gruba linia*) — это выражение из первой речи Тадеуша Мазовецкого на посту премьер-министра, который, выступая в сейме 22 августа 1989 года, сказал: «Прошлое мы отделяем жирной чертой (*gruba linia*) и отвечать будем только за то, что мы сделали для того, чтобы вывести Польшу из глубокого кризиса...» Позднее смысл высказывания был несколько искажен правыми, и выражение «жирная черта» (*gruba kreska*) стало пониматься как такая политическая линия, в соответствии с которой критерием оценки чиновников становились исключительно их компетенция и лояльность новому правительству, что давало возможность коммунистам продолжить свою политическую карьеру в новых условиях. — **Прим. ред.**

¹⁴ *Pamięć i odpowiedzialność* / red. Robert Kostro, Tomasz Merta. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej — Centrum Konserwatywne, 2005.

¹⁵ *Gawin D. Od romantycznego narodu do liberalnego społeczeństwa: W poszukiwaniu nowej tożsamości kulturowej w polityce polskiej po roku 1989* // *Kultura narodowa i polityka* / red. Joanna Kurczewska. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2000. S. 181–206.

¹⁶ *Kurczewska J. Patriotyzm(y) polskich polityków. Z badań nad świadomością liderów partyjnych lat dziewięćdziesiątych*. Warszawa: Wydawnictwo IFiS PAN, 2002. S. 154–155.

¹⁷ *Liński J. J. Dwie ojczyzny — dwa patriotyzmy: Uwagi o megalomanii narodowej i ksenofobii Polaków*. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1981.

¹⁸ *Friszke A. Jak hartował się radykalizm Kurtyki* // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 7 Apr.

¹⁹ Фрагмент о ИНП написан главным образом на основе: *Żaryn J. Przykrywanie prawdy kłamstwem* // *Rzeczpospolita*. 2009. 29 Apr.; *Friszke A. Kto kogo wyklucza?* // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 04 May; *Pamięć i Sprawiedliwość*. 2005. No. 1; ср. также высказывания Анджея Фришке: *IPN robi z historii tabloid* // *Polska the Times*. 2009. 6 Apr.; *Jak hartował się radykalizm Kurtyki* // *Gazeta Wyborcza*. 2009. 7 Apr.; официальный ответ ИНП на обвинения А. Фришке: *Komunikaty, Odpowiedzi na zarzuty prof. Andrzeja Friszkego*, opr. Andrzej Arseniak, *główny prasowy IPN* (09.04.2009), официальный сайт ИНП.

²⁰ *Friszke A. Jak hartował się radykalizm Kurtyki*.

²¹ Там же.

²² *Zdrojewski B. Dajmy Polakom być dumnymi ze swojej historii* // *Gazeta Wyborcza*. 2008. 14 Nov.

²³ С такой трактовкой опосредованно полемизирует Казимеж М. Узядовский в статье «*Polityka pamięci ma sens*» (*Gazeta Wyborcza*. 2008. 2 Oct.). Защищая стратегию «новой исторической политики» в 2005–2007 гг., бывший министр культуры умалчивает об одном важном аспекте тех лет: об атмосфере принуждения и требовании сверху реализовывать единственную модель «памяти об истории», исключая любые другие; *Machcewicz P. Dwa mity twórców polityki historycznej w IV RP* // *Gazeta Wyborcza*. 2008. 29 Aug.

²⁴ Ср.: *Komorowski A. Trumny w zaprzęgu* // *Nowe Książki*. 2008. No. 12. S. 31–32 (рецензия на книгу: *Nijkowski L. Polska polityka pamięci: Esej socjologiczny*. Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne. Warszawa, 2008).

²⁵ Ср., напр.: *Semka P. Dziwaczny pomysł na muzeum II wojny światowej* // *Rzeczpospolita*. 2008. 28 Oct.; *Polska wyjątkowość [z Janem Żarynem rozmawia Cezary Gmyz]* // *Rzeczpospolita*. 2008. 4 Nov.; *Gmyz C., Semka P. Przypomnijmy światu polską historię* // *Rzeczpospolita*. 2008. 03 Nov.

²⁶ *Majewski P., Machcewicz P. Zarys koncepcji programowej muzeum II wojny światowej (fragmenty)* // *Rzeczpospolita*. 2008. Oct. 31. Полный отчет о дискуссии, связанной с Музеем Второй мировой войны, см.: *Machcewicz P., Majewski P. Wojna i jej muzeum* // *Przegląd Polityczny*. 2008. No. 91–92. P. 46–65. Поддержку концепции Махцевича и Маевского в виде пространных статей выразили среди прочих Анна Вольфф-Повенска, Ежи Кохановский, Гжегож Мотыка и Дариуш Либёнка.

²⁷ Часть размышлений — это записи итогов дискуссии на семинарских занятиях для аспирантов в *CBH PAN*, 15 дек. 2008.

²⁸ Этой проблеме посвящены, в частности, три публикации Фонда Стефана Батория: *Pamięć i polityka zagraniczna* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2000; *Jaka Polska? Czyja Polska? Diagnozy i dyskusje* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2006; *Pamięć jako przedmiot władzy* / Pod red. Piotra Kosiewskiego. Warszawa: Fundacja im. Stefana Batorego, 2008.

²⁹ Ср.: *Borucki B. Dwie tradycje, jeden podręcznik [интервью с Робертом Трабой]* // *Mówią Wieki*. 2008. No. 10 (586). P. 41.

³⁰ 4 июля 1989 года состоялись демократические выборы в Польше (первые в Восточной

Европе), победу на которых фактически одержала «Солидарность», что позволило начать рыночные и демократические реформы.

³¹ 31 августа 1980 года были подписаны соглашения между бастующими рабочими судоверфи в Гданьске и правительственной комиссией, которые гарантировали, в частности, создание независимых профсоюзов.

³² «Круглый стол» — переговоры польских коммунистических властей с руководством «Солидарности» в 1989 году, положившие начало переменам в общественно-политической жизни Польши.

³³ Ср. мнение Яцека Жаковского: *Żakowski J. Bajarze piszą nam historię // Polityka. 2009. No. 15.*

³⁴ *Śliwowska W. Dr Jekyll i Mr IPN: Historia i teczki // Gazeta Wyborcza. 2009. 13–14 June.*

³⁵ Там же.

³⁶ *Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918 / Jedlicki J. (red.). Cz. 1–3. Warszawa, 2008.*

³⁷ Предисловие Ежи Едлицкого к книге «Dzieje inteligencji polskiej do roku 1918» (Cz. I: *Janowski M. Narodziny inteligencji: 1750–1831. P. 9–10*).

³⁸ *Kizwaller T. O nowoczesności narodu. Przypadek Polski. Warszawa, 1999.*

³⁹ Доклад, сделанный на конференции Совместной польско-немецкой комиссии историков и географов по учебникам «Historia i sąsiedztwo. Historia ponadnarodowa jako wyzwanie dla badań historycznych i dydaktyki historii» (Лодзь, 4–6 июня 2009 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Kieniewicz J. Wprowadzeniu do historii cywilizacji Wschodu i Zachodu. Warszawa, 2003.*

⁴² Опускаю проблему польско-российского исторического диалога. Считаю, что его просто не существует. Обе историографии функционируют в виде монологов, отдельные исключения ничего не меняют, например, Ежи Бореяша, Виктория Сливовска, Юрий Афанасьев, Алексей Миллер или «Мемориал». Ср.: *Falkowicz S. Polska problematyka w rosyjskiej historiografii // O nas bez nas: Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych / Witold Molik, Henryk Żaliński (red.). Poznań, 2007. S. 101–122.* Автор вообще не говорит о публикациях «Мемориала» и молодых российских историков, которые работают вне основного направления российской историографии (ср.: *Krisań M. Chłopi wobec zmian cywilizacyjnych w Królestwie Polskim*

в drugiej połowie XIX — początku XX wieku. Warszawa, 2008).

⁴³ Ср., напр.: *Zernack K. Niemcy — Polska: z dziejów trudnego dialogu historiograficznego // [Пер. с нем.] Poznań, 2006.*

⁴⁴ На данный момент по-польски вышло только его эссе, в котором автор с новой точки зрения анализирует разделы Польши: *Müller M. G. Rozbiory Polski: Historia Polski i Europy XVIII wieku. Poznań, 2005.*

⁴⁵ Ср.: *Müller M. G. Dzieje Polski w najnowszej historiografii niemieckiej // O nas bez nas. Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych. S. 79–100;* в этом томе есть также очень интересные и поучительные тексты об истории Польши с позиции непольской, в частности французской, историографии: *Beauvois D. Dzieje Polski w badaniach historyków francuskich XIX wieku. S. 49–68; Kulczycki J. J. Dzieje Polski w amerykańskiej historiografii Europy. Królestwo Nigdzie. S. 19–48.*

⁴⁶ *Gross J. T. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny, 2000; Idem. Strach: Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie: Historia moralnej zapaści. Kraków, 2008.*

⁴⁷ *Snyder T. Tajna wojna: Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008.* Меньший отклик, но не меньшее значение имеет его же работа: *Rekonstrukcja narodów: Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś: 1569–1999. Sejny, 2007.*

⁴⁸ Во многом благодаря *opus magnum: Beauvois D. Trójkąt ukraiński. Szlachta, carat i lud na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie 1793–1914. Lublin, 2005.*

⁴⁹ Ср.: *Bechtel D. Żydzi w miastach pogranicza: Stereotypy określające ich złożoną tożsamość w latach 1897–1939 // Akulturacja/asymilacja na pograniczach kulturowych Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku / Robert Traba (red.). T. I: Stereotypy i pamięć. Warszawa, 2009. S. 100–115.* К счастью, приходит новое поколение, которое замечательно вписывается в польско-французское поле научного сотрудничества, например, Одиль Бур, Дамьен Тирье или Эммануэль Друа.

⁵⁰ До сих пор не вышло его фундаментальное исследование на тему истории Пруссии и польско-немецких отношений: *Lawaty A. Das Ende Preußens in polnischer Sicht: Zur Kontinuität negativer Wirkungen der preußischen Geschichte auf die deutsch-polnischen Beziehungen. Berlin, New York, 1986.*

⁵¹ *Krzoska M.* Für ein Polen an Oder und Ostsee. Zygmunt Wojciechowski (1900–1955) als Historiker und Publizist. Osnabrück, 2003.

⁵² *Loew P. L.* Danzig und seine Vergangenheit: 1793–1997: Die Geschichtskultur einer Stadt zwischen Deutschland und Polen. Osnabrück, 2003; по-польски изданы лишь отдельные эссе на эту же тему: *Idem.* Gdańsk: Między mitami. Olsztyn, 2007.

⁵³ *Böhler J.* Auftakt zum Vernichtungskrieg: Die Wehrmacht in Polen 1939. Frankfurt am Main, 2006. Сам Немецкий исторический институт в Варшаве (NIH) выступил инициатором очень ценной, но, к сожалению, специализированной издательской серии *Klio w Niemczech* (а также *Klio in Polen*), первым редактором которой был Роберт Траба, потом Ежи Кохановский и Игорь Конколевский.

⁵⁴ *Surynt I., Zybara M.* Opowiezdiany naród. Literatura polska i niemiecka wobec nacjonalizmów XIX wieku. Wrocław, 2006. Удачно с литературоведческой и трансдисциплинарной (постколониальной) точек зрения вошел в круг исторических тем Кшиштоф Заяс: *Zajas K.* Nieobecna kultura. Przypadek Infant Polkich. Kraków, 2008.

⁵⁵ *Nijakowski L.* Polska polityka pamięci. S. 44. Ср. также его размышления, особенно на с. 29–66.

⁵⁶ Ср.: *Korzeniewski B.* Wprowadzenie: Polityka historyczna – propozycje definicji i spory wokół jej zakresu w polskim i niemieckim dyskursie naukowym // *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej* / Pod red. B. Korzeniewskiego. Poznań, 2008. S. 7–28.

⁵⁷ *Hahn H. H.* Pamięć zbiorowa – przedmiot polityki historycznej // *Ibid.* S. 39.

⁵⁸ *Korzeniewski B.* Polityczne rytuały pokuty w perspektywie zagadnienia autonomii jednostki. Poznań, 2006, а также многочисленные статьи.

⁵⁹ *Domańska E.* Historie niekonwencjonalne: Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce. Poznań, 2006.

⁶⁰ *Traba R.* Historia – przestrzeń dialogu. Warszawa, 2006.

⁶¹ *Narodowe i europejskie aspekty polityki historycznej; Pamięć i polityka historyczna: Doświadczenia Polski i jej sąsiadów* / Pod red. S. M. Nowinowskiego, J. Pomorskiego i R. Stobieckiego. Łódź, 2008; *Przemiany pamięci społecznej a teoria kultury* / Pod red. B. Korzeniewskiego. Poznań, 2007.

⁶² Ср.: *Erinnerungsorte, Mythen und Stereotypen in Europa* // *Miejsca pamięci, mity i stereotypy w Europie* / H. Hein-Kircher, J. Suchoples, H. H. Hahn (red.). Wrocław, 2008; целая серия публикаций по инициативе Басиля Керского под патронатом *Polsko-niemiecki magazyn DIALOG*. Интересным подведением итогов дискуссии о политике в отношении истории в Восточной Европе стал выпуск берлинского ежемесячника под редакцией Манфреда Саппера *Osteuropa* (2008. 6 Juni).

⁶³ *Szacka B.* Czas przeszły, pamięć, mit. Warszawa, 2006. При всем уважении к этой работе и новаторстве исследований беспокоит отсутствие диалога с историческими исследованиями в области проблематики памяти.

⁶⁴ Ср. недавнюю публикацию: *Kula M.* Komunizm po komunizmie. Warszawa, 2006, или уже упоминавшуюся: *Idem.* O co chodzi w historii? Warszawa, 2008, а также: *Idem.* Wybór tradycji. Warszawa, 2003; *Idem.* Religiodobny komunizm. Kraków, 2004; *Idem.* Między przeszłością a przyszłością. Poznań, 2004.

⁶⁵ *Mencwel A.* Rodzinna Europa po raz pierwszy. Kraków, 2009.

⁶⁶ *Hahn H. H.* Pamięć zbiorowa... S. 33.

Возвращение Небесного повеления

Осознание собственной силы растет одновременно с материальной мощью Китая. Он все менее склонен действовать по примеру малых стран, использующих историю для сведения счетов с былыми обидчиками | **ОЛЬГА БОРОХ, АЛЕКСАНДР ЛОМАНОВ**

Обсуждение проблем исторической памяти в современном Китае и вопроса о том, как воздействует образ прошлого на нынешнюю политику, трудно не начать с напоминания о непрерывности многотысячелетней китайской истории и о традиционном стремлении к моральной оценке исторических событий и персонажей. В своих рассуждениях о делах сегодняшних китайские авторы часто вспоминают о древних правителях, мыслителях и героях. Этот необъятный материал очень важен — но все же он не играет определяющей роли в современных спорах об истории.

В наши дни в центре китайских дискуссий находятся события, которые разворачивались начиная с середины XIX века: они связаны с вторжением в Китай иностранных держав, с поиском путей преодоления экономической бедности и военного бессилия, с революционным движением и переходом к социализму. Сохраняется официальный исторический дискурс, в котором переплетаются история государства и правящей партии¹. Вместе с тем за три десятилетия реформ в Китае появилось пространство для выражения различных точек зрения. Помимо стремления части интеллектуалов создать

обновленную версию истории, выходящую за рамки «революционной парадигмы», по мере укрепления могущества страны набирает силу тенденция к националистическому прочтению исторических событий.

Китайские власти поощряют развитие общественных и гуманитарных наук, включая исторические исследования; при этом ученые могут использовать современные научные методы и подходы, не ограничивая себя рамками марксизма. Конфликты возникают в тех случаях, когда обсуждаемая проблема ставит под вопрос легитимность правления Коммунистической партии Китая (КПК), правильность пути социализма или подвергает сомнению руководящие позиции официальной идеологии. Власти стараются не вмешиваться в научные споры и принимают ограничительные меры, лишь когда обсуждение острых вопросов выходит за рамки академического сообщества и попадает в общенациональные СМИ.

В китайском Интернете присутствует очень широкий спектр мнений по всем вопросам, включая проблемы истории. Основное течение, доминирующее в СМИ и научной периодике, можно назвать «реформаторским консенсусом», который нацелен

на то, чтобы менять жизнь к лучшему в рамках существующей системы, совершенствовать институты и законы, развивать науку и образование. Это течение формирует центристское историческое сознание, сочетающее патриотизм с открытостью внешнему миру, память о былых унижениях со стороны Запада с приверженностью глобализации, почитание революционных традиций и наследия Мао Цзэдуна с идеями политической стабильности и рыночного хозяйства. К этому течению принадлежит основное ядро китайской интеллектуальной элиты.

За пределами «реформаторского консенсуса» находится несколько групп, к которым можно отнести немолодых марксистов ортодоксального толка и прозападных либералов (большинство из них также принадлежит к старшему поколению). В 1980-е спор между ними определял направление дискуссий о развитии Китая. Сегодня исторические концепции, которые формируются этими группами, по-прежнему остаются непримиримыми (верность идеалам социализма и классовой борьбы либо заимствование на Западе «универсальных ценностей» для обновления «устаревшей» культуры), но они уже не занимают столь важного места, как это было четверть века назад. Среди интеллектуалов среднего поколения вне основного дискурса находятся националисты и представители течения «новых левых», взгляды которых опираются на современную западную левую идеологию.

Все эти течения переплетаются друг с другом, зачастую их можно представить как ответвления широкого, всеохватного «реформаторского консенсуса». Споры возникают тогда, когда одно из течений выступает с критикой другого («новые левые» против реформаторов, либералы против националистов, ортодоксальные марксисты против либералов и т. д.). Власть пытается направлять эти процессы, регулируя доступ к

СМИ, распределяя исследовательские фонды и гранты, корректируя список приоритетных тем государственных научных исследований.

Заслуги — главное

Рамки для трактовки современной истории были официально обозначены на рубеже 1970–1980-х, в самом начале реформ. Тогда китайское руководство столкнулось с необходимостью оценить события 1950–1970-х годов с позиции новых ориентиров в развитии страны. Развернувшаяся критика «культурной революции» со стороны властей и представителей интеллигенции неизбежно затрагивала авторитет Мао Цзэдуна, а начавшиеся преобразования требовали отказа от крайностей прежнего политического курса. Вместе с тем власти стремились к тому, чтобы осуждение «культурной революции» и ошибок Мао не перерастало в критику социализма и руководящей роли КПК; одновременно ставилась задача закрепить тезис об исторической преемственности старой и новой политики.

В августе 1980-го Дэн Сяопин в беседе с итальянской журналисткой Орианой Фаллачи сообщил, что КПК готовится дать позитивную оценку деятельности Мао Цзэдуна и признать второстепенный характер допущенных им в конце жизни ошибок. «Поэтому портрет председателя Мао Цзэдуна будет всегда висеть на воротах Тяньаньмэнь как символ нашей страны, к тому же мы должны чтить память его как основателя нашей партии и государства, а также отстаивать идеи Мао Цзэдуна в дальнейшем. Мы не будем относиться к председателю Мао Цзэдуну так, как Хрущев отнесся к Сталину»².

Спор 1950-х годов, когда проблема оценки Сталина стала одной из причин, вызвавших разногласия между двумя странами, был упомянут неслучайно. В январе 1957-го Мао

Цзэдун назвал безнравственной позицию людей, с одинаковым энтузиазмом сперва восхвалявших, а потом осуждавших Сталина: «Совершив без всякой мотивировки внезапный поворот на 180 градусов, ты делаешь вид, будто “твое благородие” никогда не поддерживал Сталина, а между тем ты его поддерживал, да еще как! Вопрос о Сталине касается всего международного коммунистического движения в целом, всех компартий мира»³. Хотя в то время Мао уже приступил к критическому переосмыслению сталин-

бре 1977 года. Дэн Сяопин отметил, что мавзолей был построен в нарушение воли Мао Цзэдуна: ведь старые революционеры договаривались, что после смерти их тела будут кремированы; под этим обращением поставил свою подпись и сам Мао. Дэн пояснил, что Дом памяти Мао был возведен после ареста «банды четырех»⁵ «из соображений стабилизации обстановки». «Я не считаю нужным сносить его. Раз уж построили, то сносить нецелесообразно. Ни к чему было строить, но если снести, то пойдут всякие

“В 1957 году Мао Цзэдун оценивал Сталина по схеме «заслуги — главное, ошибки — второстепенное»; позднее та же схема стала основой для оценки самого Мао”.

ской модели, внутри Китая он установил определенные рамки для исторической оценки советского лидера: «Заслуги у Сталина составляют 70 процентов, а ошибки — 30. Такая оценка, вероятно, не совсем точна, ошибки, возможно, составляют лишь 20 процентов, 10 процентов, а может быть, немногим больше. Словом, главное у Сталина — заслуги, а недостатки и ошибки являются второстепенными. В этом мы расходимся с Хрущевым»⁴.

Схема «заслуги — главное, ошибки — второстепенное», с помощью которой в 1957 году Мао Цзэдун оценивал Сталина, через два десятилетия стала в КНР основой для оценки деятельности самого Мао. Через иностранную журналистку Дэн Сяопин дал понять, что намерен бережно обращаться с историческим наследием предшественника. Был затронут вопрос о Доме памяти Мао Цзэдуна — огромном мавзолее в центре Пекина на площади Тяньаньмэнь, где в хрустальном саркофаге покоится бальзамированное тело вождя. Мао ушел из жизни в сентябре 1976-го, пантеон начали строить в ноябре того же года и открыли в сентя-

толки. Во всем мире сейчас строят догадки на этот счет. Но мы не собираемся сносить»⁶. Портрет Мао Цзэдуна на воротах Тяньаньмэнь и мавзолей в центре площади остаются на прежнем месте и в наши дни.

Три десятилетия назад руководству КПК нужно было выработать и официально зафиксировать компромиссную трактовку наиболее чувствительных проблем современной истории. Работа над соответствующим документом длилась более года, к ней были привлечены многочисленные эксперты, активное участие принимал сам Дэн Сяопин. На одном из обсуждений в октябре 1980-го он заметил: «Товарищ Мао Цзэдун не изолированная личность, он был вождем нашей партии вплоть до самой смерти. Нельзя преувеличивать его ошибки. Преувеличивать его ошибки — значит чернить его, чернить нашу партию и наше государство. Это идет вразрез с историческими фактами»⁷.

«Решение по некоторым вопросам истории партии после образования КНР» было принято в июне 1981 года на шестом пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Документ признал преувеличенный размах «борьбы против

правых» в 1957-м и ошибочность «большого скачка» 1958 года. В постановлении утверждалось, что тогдашние «левые» ошибки были исправлены, но потом повторились вновь в еще большем масштабе, поскольку Мао Цзэдун абсолютизировал классовую борьбу и считал главным противоречием в обществе конфликт между пролетариатом и буржуазией. Основное внимание в принятом документе было уделено ошибочным взглядам Мао Цзэдуна, которые привели

гах первого поколения партийного руководства во главе с Мао Цзэдуном, благодаря которому возникла КНР и были достигнуты «великие успехи в деле социалистической революции и строительства». Ху Цзиньтао подчеркнул, что победа революции 1949 года и последующее создание основных институтов социализма «послужили коренной политической предпосылкой и институциональным фундаментом для развития и прогресса современного Китая в целом»⁸.

“Реформаторы получили достаточное пространство для критики прежней модели развития, но при этом сохранилась историческая **легитимность власти КПК**”.

к «культурной революции». Стремление развернуть борьбу с буржуазией внутри партии и «продолжить революцию в условиях диктатуры пролетариата» обернулось поиском «врагов» среди кадровых работников и интеллигенции. Главным ответственным за «культурную революцию» и серьезные левацкие промахи был признан Мао Цзэдун, но все же это были «ошибки великого пролетарского революционера» и его «заслуги стоят на первом месте, а ошибки — на втором». Чтобы обосновать преемственность политики КПК, в «Решении» была дана позитивная оценка политики Дэн Сяопина, который провозгласил курс на социалистическую модернизацию и отказался от приоритета классовой борьбы.

Принятая в 1980–1981 годах схема трактовки исторических событий остается в силе и по сей день. Реформаторы получили достаточное пространство для критики прежней модели развития, но при этом сохранилась историческая легитимность власти КПК. Примечательно, что на XVII съезде КПК в 2007-м генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао напомнил, что нынешняя политика реформ и открытости основана на заслу-

Недавнее упоминание о связи заслуг Мао Цзэдуна с современным развитием Китая вовсе не означает, что за годы реформ в стране ничего не изменилось. Напротив, быстрое развитие рыночных отношений привело к глубоким сдвигам в структуре экономики и общества. Возникшие на этом фоне проблемы дали китайским «новым левым» повод заявить о том, что недопустимо отрицать успехи, достигнутые в дореформенный период. Как и три десятилетия назад, напоминание об исторических заслугах Мао в наши дни помогает властям поддерживать в обществе консенсус в интересах дальнейших преобразований.

Исторические аргументы, которые используются в сегодняшнем официальном дискурсе с целью обосновать специфику политической системы страны и недопустимость копирования западных институтов, восходят к выступлениям Мао Цзэдуна еще до образования КНР. В июне 1949-го он отмечал, что «буржуазная цивилизация Запада, буржуазная демократия, проекты создания буржуазной республики — все это потерпело банкротство в глазах китайского народа». Мао полагал, что «буржуазная республика,

существовавшая в зарубежных странах, не могла быть создана в Китае, ибо Китай являлся страной, угнетаемой империализмом»⁹.

Ныне сходные доводы призваны продемонстрировать несостоятельность западных политических механизмов в условиях Китая и доказать жизнеспособность и эффективность сложившихся форм устройства власти. В 2004 году в своем выступлении в честь 50-летия создания Всекитайского собрания народных представителей Ху Цзиньтао напомнил основополагающую схему трактовки исторических событий: после «опиумной войны» 1840-го Китай превратился в полуколониальную, полуфеодальную страну, разразился национальный кризис; попыткой выйти из него стала демократическая революция Сунь Ятсена в 1911 году. Однако появившаяся на свет буржуазная республика не смогла защитить права народа и в итоге рухнула под ударами внешних сил: «История показала, что в Китае копирование модели западной политической системы — это неосуществимый путь»¹⁰.

Современные исследователи подчеркивают, что в Китае отказ от западных форм политического устройства представляет собой «неизбежное историческое развитие» и «плод мудрости китайского народа». Они напоминают, что первая попытка ввести в стране многопартийную систему и разделить ветви власти была предпринята после революции 1911 года, но весной 1913-го президент Юань Шикай организовал убийство кандидата в премьеры от партии Гоминьдан, распустил парламент и восстановил монархию. После этого в Китае начался период внутреннего раскола: борьба за власть развернулась между местными милитаристскими группировками, соперничающими друг с другом. Вторая попытка демократизации была предпринята Гоминьданом после завершения войны с Японией в 1945 году, однако китайские исследователи считают эти уси-

лия попыткой замаскировать диктаторские устремления Чан Кайши. Вскоре началась гражданская война, которая в 1949-м привела к созданию КНР.

В этом историческом опыте китайские авторы видят подтверждение того, что демократическая политика в Китае обязательно должна исходить из национальной специфики: «Слепое копирование моделей политической системы и системы политических партий других стран не может быть успешным»¹¹. «В процессе распада феодального абсолютистского строя конституционная монархия в Китае была неосуществима; после распада феодального абсолютистского строя буржуазная республиканская система “разделения трех властей” в Китае также обанкротилась, попытки создания западного капиталистического политического строя неоднократно проваливались»¹². Вывод заключается в том, что сформировавшиеся в КНР специфические формы политического устройства, такие как система собраний народных представителей, институт политических консультаций и многопартийное сотрудничество под руководством КПК¹³, — это «необходимый выбор истории».

«Исторический нигилизм»

Современные дискуссии о политическом значении образа истории сопровождаются критикой в адрес «исторического нигилизма». В Китае считают, что это течение появилось в годы реформ среди ученых-историков и затронуло представителей гуманитарной интеллигенции. В марте 2005 года влиятельные историки старшего поколения Ша Цзяньсунь, Ли Вэньхай, Гун Шудо, Лян Чжу выступили на страницах общенациональной газеты «Гуанмин жибао» с публикацией «Быть бдительными в отношении идейного течения исторического нигилизма»¹⁴. Они заявили, что появившееся в Китае течение «исторического нигилизма» целенаправлен-

но принижает значение революционного движения и социалистического строительства под руководством КПК. «Исторические нигилисты», по мнению этих критиков, сосредоточиваются на прославлении предателей, изменников и реакционеров, которым давно вынесен приговор истории. «Исторический нигилизм» искажает и отрицает настоящую историю Китая, утверждают его оппоненты; это — идеалистическое течение, которое выдает второстепенные события истории за главные. Критики недо-

тели не согласились с позицией участников конференции, которые осудили переход от революционного взгляда на историю Китая к модернизационному как проявление «нигилизма». Однако встречные аргументы появились в первую очередь в Интернете, а не в печатных СМИ.

Подобный феномен можно наблюдать и в других сферах общественных наук в Китае, когда выступления немногочисленных критиков из числа авторитетных ученых старшего поколения, обличающих коллег в

“Некоторые авторитетные ученые старшего поколения обличают коллег в «отказе от социализма». Но их критика остается без ответа в научной периодике и СМИ”.

вольны тем, что сторонники «исторического нигилизма» осуждают революцию за ее разрушительные последствия, пытаются охарактеризовать выбор Китая в пользу социалистического пути развития как отклонение от «основного направления современной цивилизации», а также утверждают, будто экономически отсталый Китай после 1949-го шел по пути мелкобуржуазного утопического социализма. В подобных заявлениях ученые увидели преднамеренное искажение истории, попытку поставить под сомнение власть КПК и социалистической строй.

В 2005 году Центр исследований развития общественных наук в высших учебных заведениях при Министерстве образования КНР и Китайское общество изучения истории провели совместное обсуждение темы «Исследование истории Китая нового и новейшего времени и идейное течение исторического нигилизма». Тональность обсуждения была критической, итогом научной конференции стала публикация сборника¹⁵. Некоторые из прозвучавших оценок вызвали возражения в научном сообществе. В частности, профессиональные исследова-

приверженности «буржуазной идеологии» и «отказе от социализма», хотя и вызывают несогласие, но остаются без ответа в научной периодике и СМИ. Профессиональные ученые избегают политизированных дискуссий, понимая, что их возражения будут истолкованы оппонентами как очередное «заблуждение». Не исключено, что в стремлении уклониться от спора сказывается и укорененное в китайской культурной традиции уважение к старшим коллегам, сохранившим верность идеалам своей революционной молодости.

Один из ведущих критиков «исторического нигилизма», бывший проректор Пекинского университета Лян Чжу полагает, что это течение под флагом «переосмысления истории» отрицает народную революцию и успехи социалистического строительства. Признаками «исторического нигилизма» он считает полный отказ от Мао Цзэдуна и его идей, отрицание исторической необходимости китайской революции, а также тезис о том, что Китаю вместо строительства социализма было бы лучше создать условия для развития капитализма. «От очернения и демонизации истории революции и ведуще-

гося под руководством КПК строительства переходят к принижению и отрицанию любых прогрессивных и революционных движений в Китае нового времени. От усердного подчеркивания нецивилизованных поступков малого числа китайцев приходят к отрицанию пяти тысяч лет китайской цивилизации»¹⁶.

Ученый предупредил, что «исторический нигилизм» может принимать облик научных концепций. Например, некоторые современные исследователи поставили под сомнение «полуколониальную, полуфеодальную» природу китайского общества конца XIX — первой половины XX века и предложили формулировку «полуфеодальное, полукapиталистическое общество». Внешне — это научный вопрос, но на деле — «теоретическая ловушка». Тезис о «полуколониальном» характере китайского общества был предпосылкой китайских революций 1911 и 1949 годов. Если же эта предпосылка отрицается и борьба против империалистических держав не была исторической необходимостью, то под сомнение ставится и тезис о неизбежности и прогрессивности революции. В этом случае можно сделать ошибочный вывод, что в Китае нового времени надо было всеми силами развивать капитализм, который должен был прийти на смену «полуфеодализму», и вовсе не обязательно было выбирать социалистический путь развития.

По мнению Лян Чжу, квинтэссенцией «исторического нигилизма» стала концепция «прощания с революцией». Часть китайских интеллектуалов, разделяющих эти взгляды, указывает он, подчеркивают издержки революции и выступают против радикализма, ценят историческую роль реформаторов конца XIX — первой половины XX века выше, чем революционеров. С их точки зрения, революция несет в себе лишь разрушение и не обладает созидательным смыслом. Критик считает неприемлемыми попытки

дать высокую оценку реформаторским усилиям на закате правления Цинской династии и охарактеризовать Синхайскую революцию 1911 года¹⁷ как проявление «радикализма». Подобная трактовка разрушает единую историческую концепцию развития страны, становление которой происходило в ходе революционного движения от «опиумной войны» 1840 года до образования КНР, что косвенно ставит под сомнение и социалистический период.

Лозунг «прощания с революцией» выдвинул на фоне консервативной волны в китайской идеологии 1990-х годов известный мыслитель, в прошлом научный сотрудник Института философии Академии общественных наук Китая Ли Цзэху, который в начале 1990-х обосновался в США¹⁸. Он заявил, что революция замедлила процесс модернизации Китая и в XX веке принесла немало бед. Революция радикальна и эмоциональна, ей недостает рациональности, это разрушительная сила, и потому в XXI веке Китаю нужно «попрощаться с революцией», избрав путь постепенного улучшения и реформирования.

По мнению критиков, убежденность Ли Цзэху в способности реформ к саморегуляции и самосовершенствованию, а также в том, что реформа в любом случае лучше революции, не соотносится с многообразием исторического опыта, в котором были примеры как успешных революций, так и неудачных реформ. По сути, речь идет всего лишь о гипотезе, поскольку невозможно убедительно доказать, что без восстаний середины XIX века или демократической революции 1911 года нынешний Китай был бы сильнее и богаче. Это не более чем предположения, в основе которых лежат негативные эмоциональные оценки потрясений, через которые Китай прошел в XX веке.

На первый взгляд может показаться, что точка зрения Ли Цзэху соответствует основному течению китайского «реформаторского

консенсуса». КПК заявила, что ставит общественную гармонию выше классово-борьбы; после XVI съезда КПК (2002 год) в китайский политический дискурс вошел тезис о «превращении революционной партии в правящую партию»¹⁹. Однако открытая пропаганда лозунга «прощание с революцией» считается неприемлемой, так как это подорвало бы историческую легитимность власти. Критики указывают на серьезную опасность этой идеи, полагая, что отрицание революции и социализма привело к распаду СССР. «Прощание с революцией» не устраивает и националистов, поскольку таким образом можно было бы косвенно оправдать иностранное вмешательство в дела Китая до 1949 года.

Частью этого спора стала дискуссия о смене парадигмы в изучении новой истории Китая. Должна ли в современных условиях «модернизационная парадигма» заменить прежнюю «революционную парадигму» трактовки исторических событий? Известный китайский историк, ныне почетный член научного отделения Академии общественных наук Китая Чжан Хайпэн отметил, что

осуществить подобную замену не так просто. В Китае нового времени общественные устремления были направлены на революцию, однако целью революции были независимость, усиление государства и его обогащение, то есть модернизация. «Использовать модернизационный взгляд на новую историю Китая в целом возможно, но “теория замещения” здесь совсем не подходит, исследования и изложение истории ни в коем случае нельзя упрощать»²⁰.

Иными словами, изучение истории Китая с позиции модернизации признается допустимым до тех пор, пока исследователи не пытаются вытеснить из науки «революционный взгляд на историю» (иллюстрацией к спору о смене парадигм стала судьба нового школьного учебника по истории. См. подверстку на этой странице). Нормативная трактовка исходит из того, что революция не противоречит модернизации и выступает в качестве ее движущей силы. В реальности спор о парадигмах указывает на сосуществование среди современных китайских историков разных поколений ученых. Старшее поколение опирается на «революционную

Новый учебник истории

В 2006 году предметом спора стал изданный в Шанхае новый учебник истории для старших классов под редакцией профессора Шанхайского педагогического университета Су Чжиляна, отразивший взгляды сторонников «модернизационной парадигмы». Решение об использовании этого учебника было принято на уровне шанхайского городского комитета по образованию. Книга подчеркивала, насколько важны инновации в развитии человечества, и пропагандировала цивилизационный взгляд на историю,

а на первый план вышли темы экономики и глобализации. Внимание к китайской революции и ее вождям оказалось столь незначительным, что учебник привлек интерес западных СМИ, обративших внимание на «исчезновение Мао» (Kahn J. Where's Mao? Chinese Revise History Books // New York Times. 2006. Sept. 1.).

Профессор исторического факультета Шанхайского университета Чжу Сюэцин, известный своими выступлениями в поддержку либерализма, отозвался о новом учебнике

положительно: он указал на попытку акцентировать внимание на истории цивилизации, а не на истории войн и классовой борьбы, на истории изменения жизни общества, а не на смене династий. По его мнению, поставив цивилизацию выше насилия, авторы учебника приблизились к гуманистическому взгляду на историю. Однако разгоревшаяся вокруг книги дискуссия привела к тому, что комитет по образованию Шанхая принял решение с сентября 2007 года прекратить использование учебника.

парадигму» и трактует события прошлого с позиции классовой борьбы. Новое поколение, сформировавшееся после начала реформ, оценивает события с позиции модернизации и стремится выявить процесс движения от традиционного общества к современному.

Чжан Хайпэн полагает, что угроза «нигилизма» исходит от тех ученых, которые пытаются поставить под сомнение материалистический взгляд на историю, стремятся опереться на пришедшую с Запада постмодернистскую методологию и использовать ее для того, чтобы подвергнуть «деконструкции» традиции марксистской исторической науки. Критика исторического опыта китайской культуры также может стать частью «нигилизма», если она нацелена на «ослабление патриотической традиции китайского народа». Политическую опасность представляют и попытки принизить революционное прошлое или даже отказаться от него, поскольку они касаются в том числе революции, осуществленной под руководством КПК.

Лян Чжу предупреждает, что «исторический нигилизм» ведет к национальному и культурному нигилизму, который проявляется в рассуждениях о «невежестве» и «отвратительности» китайской нации, о ее «рабском характере», стремлении довольствоваться ситуацией и бежать от проблем. По его мнению, распространение «исторического нигилизма» отвечает стратегическим замыслам враждебных сил по «озападниванию» и расколу Китая. Западный план «мирной эволюции» делает ставку на третье-четвертое поколение членов компартии, которые уже равнодушны к революции, забыли ее традиции и идеалы. Путем «очернения истории и реальности социалистического государства, в особенности путем очернения руководителей пролетарской революции», «бесконечно раздувая ошибки и существую-

щие недостатки социалистического государства», враждебные силы «демонизируют социалистический строй», вносят сумятицу в умы, особенно среди молодежи, «ставят целью развал социалистического строя». «Исторический нигилизм» стремится расшатать устои социалистического Китая и воспрепятствовать укреплению государства: «История — это зеркало. Процесс распада СССР дает нам возможность ясно увидеть путь искажения истории и гибели государства, а также серьезный вред, который приносит идейное течение исторического нигилизма»²¹.

«Волчье молоко»

Важным событием в области исторических дискуссий в современном Китае стала публикация 11 января 2006 года в приложении «Биндянь» («Точка замерзания») к газете «Чжунго циньяньбао» («Китайская молодежная газета») статьи профессора Юань Вэйши «Модернизация и учебники истории». Ученый-историк из Университета Сунь Ятсена подверг критике школьные пособия за то, что они возлагают вину за пережитые Китаем в XIX веке беды на иностранцев и умалчивают о «нецивилизованном» поведении самих китайцев.

Юань Вэйши заметил, что добиться процветания можно, лишь следуя волне глобализации; движение против этого течения способно привести страну к упадку. Хотя важнейшую роль в современном развитии Китая играют институты, интеллектуально-психологический настрой китайцев также существенен. По словам ученого, в конце 1970-х, когда ушли в прошлое бедствия, связанные с кампанией «борьбы против правых», «большим скачком» и «культурной революцией», китайцы с горечью осознали: один из глубинных источников этих потрясений заключался в том, что людей «вскармливали «волчьим молоком»». «Прошло более

двадцати лет. Я случайно увидел учебники по истории для средней школы и был поражен: наша молодежь продолжает поглощать “волчье молоко”!» — заявил Юань Вэйши²².

Ученый призвал преподносить молодым людям правдивую историю, чтобы помочь им стать «современными гражданами», иначе они могут «сохранить предрассудки на всю жизнь и по этой причине пойти по неверному пути». Он выбрал для критического переосмысления два известных события нового времени, касающиеся взаимоотно-

Тяньцзиньские соглашения²³. Наступило затишье, но после того как в 1859-м китайцы обстреляли иностранные военные корабли, на которых находились направлявшиеся в Пекин послы Великобритании и Франции, вспыхнула новая война. Иностранцы захватили Пекин, сожгли Юаньминъюань и навязали еще более кабальные требования. Логика рассуждений Юань Вэйши состоит в том, что ослабленная империя должна была тщательно выполнять свои договорные обязательства, чтобы избежать столкно-

“Историк из Университета Сунь Ятсена бросил вызов не только официальной трактовке событий позапрошлого века, но и современным китайским националистам”.

шений между китайцами и иностранцами. Можно ли было избежать в 1860-м сожжения англичанами и французами императорского парка Юаньминъюань в Пекине? И как следует оценивать восстание ихэтуаней (иногда его называют «боксерским восстанием»), пик которого пришелся на 1900 год: было ли это проявлением антиимпериалистического патриотизма, как утверждают учебники, или бесчеловечной борьбой с цивилизацией?

По мнению Юань Вэйши, главной причиной англо-франко-китайской войны 1856–1860 годов (известна также как вторая «опиумная война») стало несоблюдение Китаем взятых на себя обязательств. Он напомнил, что первоначальным поводом для конфликта стала казнь французского католического священника Огюста Шапделена, совершенная в 1856-м местными чиновниками. Хотя француз нарушил соглашение и находился в той части Китая, куда въезд иностранцам был запрещен, чиновники не имели права лишать его жизни и должны были выдать его французскому консульству. После военных неудач Китаю пришлось подписать в 1858 году невыгодные

венный с иностранцами. Надо было любой ценой выиграть время для реформ и развития. Поэтому приказ властей, отданный солдатам, под видом вооруженных крестьян напасть на иностранцев был не патриотическим поступком, а преступлением.

О том, насколько болезненна для китайской исторической памяти поднятая ученым тема, напомнили события февраля 2009 года. Похищенные в 1860-м в Юаньминъюане бронзовые головы крысы и кролика — два из двенадцати знаков китайского зодиака, украшавших парковый ансамбль, — были выставлены в Париже на аукцион. Новость вызвала в Китае волну возмущения. Пресс-секретарь МИД КНР Цзян Юй заявила: «Все известно, что эти ценности были украдены объединенными англо-французскими войсками во время второй “опиумной войны” и потому длительное время находились за рубежом. Китай обладает неоспоримым правом собственности на них, и они должны быть нам возвращены»²⁴. Китайские юристы пытались не допустить проведения аукциона. При этом власти четко заявили, что не намерены на китайские деньги приобрести китайские

ценности, незаконно присвоенные иностранцами. Хотя на практике предметы старины нередко выкупают и привозят в Китай частные коллекционеры и представители бизнеса, правительство выразило решимость правовым путем добиваться возвращения утраченного.

По поводу освещения в учебниках истории восстания ихэтуаней Юань Вэйши заметил, что там ничего не говорится о враждебном отношении повстанцев к современной цивилизации, о невежестве и ненависти ко всему иностранному. Они уничтожали телеграфные линии, разрушали школы и железнодорожные пути, сжигали иностранные товары, убивали иностранцев и китайцев, которые были связаны с иностранной культурой. По мнению Юань Вэйши, это были поступки, направленные «против цивилизации, против человечества», которые принесли Китаю несчастье. Но в учебниках об этом не упоминают и повстанцев не осуждают за варварские преступления. Если называть ихэтуаней «революционерами», это окажет негативное влияние на будущее Китая. Ученый полагает, что похожая ситуация сложилась во время «культурной революции», когда молодежь нападала на иностранцев.

На самом деле, полагает китайский историк, убийства не были связаны с необходимостью противодействовать иностранным агрессорам, — подлинной причиной была ксенофобия. Историческая правда состоит в том, что сначала ихэтуани жгли и убивали, в нарушение международного права нападали на иностранные дипломатические представительства, а лишь потом началось вторжение объединенной армии восьми держав. Ученый еще раз подчеркнул, что единственный путь для неразвитых стран (колоний и полукolonий) — следовать за западными державами, добиваться полной модернизации общества и проводить реформы. Мирная обстановка требуется для того, чтобы выиграть

необходимое время, но ихэтуани действовали в противоположном направлении. Примечательно, что стремление оправдать действия иностранцев в 1900 году ради того, чтобы воспитать у современной молодежи позитивное отношение к глобализации, касалось исключительно западных держав: по словам Юань Вэйши, единственной правдой в китайском учебнике стал рассказ о злодеяниях русских²⁵.

Выступление Юань Вэйши затронуло острую для современного Китая тему соотношения исторической памяти и национализма. Ученый бросил вызов не только официальной трактовке событий позапрошлого века, но и современным китайским националистам, которые видят в истории иностранных вторжений в Китай аргумент в пользу наращивания мощи и необходимости давать жесткий ответ на попытки ущемить интересы Китая. Юань Вэйши отметил, что вспыхнувшие в 2000—2001-м в Японии и за ее пределами споры вокруг школьного учебника истории, оправдывавшего действия Японии в годы Второй мировой войны, показали, что эта проблема общая для обеих стран. Конечно, Япония была агрессором, а Китай — жертвой, однако стало очевидным, что в обеих странах избегают глубокого размышления об исторических событиях. Эта черта присуща не только японским правым, но и китайским националистам, которые слепо доказывают правоту своей страны в любом конфликте с иностранцами и не способны с рациональных позиций анализировать собственные ошибки. «Настало время исправить эти заблуждения, чтобы воспитать современных граждан, способных принести пользу делу модернизации, с рациональными взглядами, опирающимися на верховенство закона», — заключил Юань Вэйши.

Хотя статья Юань Вэйши уже публиковалась в 2002 году в журнале «Дунфан вэньхуа» («Культура Востока») ²⁶, ее появление в

молодежной газете вызвало огромный резонанс. Сторонники господствующего взгляда на историю увидели в газетной публикации отрицание столетней борьбы китайского народа с империалистическими агрессорами, направленное против КПК и социалистического строя. 25 января 2006-го вышестоящие инстанции, сославшись на «ошибочную публикацию», распорядились временно приостановить издание приложения «Биндянь», чтобы провести реорганизацию. Главный редактор и его заместитель были уволены.

Кара для изменников

Неожиданное продолжение спора последовало в марте 2007 года, когда член Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) Юй Цюаньюй выступил с инициативой принять «Закон о наказании за изменнические высказывания» для противодействия искажению истории²⁷. «Сегодня некоторые ученые под флагом научных исследований искажают историю, оправдывают вторжение в Китай объединенных войск восьми держав и в особенности японскую агрессию. В этой ситуации государство должно принять специальный закон, по которому рассуждающие об оправдании вторжения держав в Китай после «опиумной войны» 1840 года, и в особенности — об оправдании японской военной агрессии, должны быть наказаны по закону, включая ответственных работников СМИ»²⁸.

Юй Цюаньюй родился в 1935 году, в 1952-м начал работать журналистом, в 1957-м возглавил отделение агентства Синьхуа в провинции Сычуань. Позже его причислили к «правым элементам», исключили из партии и наполовину урезали зарплату. С началом реформ Юй вернулся к журналистской работе. Его доклад о необходимости преодоления левых ошибок в развитии сельского хозяйства был отмечен руководством. Началось быстрое продвижение

по карьерной лестнице: он занимал ответственные посты в Синьхуа, был главным редактором общественно-политического журнала «Баньюэтань» («Разговор за полмесяца») и газеты «Цзинци цанькаобао» («Экономическая справочная газета»).

В 1990-е годы Юй Цюаньюй был директором Института журналистики АОН Китая и секретарем канцелярии отдела внешней пропаганды ЦК КПК. В должности заместителя председателя Китайского общества исследования прав человека он участвовал в полемике с американцами.

В 2000-е взгляды Юй Цюаньюя разошлись с магистральной линией развития рыночной экономики. Он высказывал тревогу по поводу усиления позиций китайской буржуазии. В 2003 году во время подготовки поправок к конституции КНР он активно выступал против усиления правовой защиты частной собственности. В беседе с иностранным журналистом он сетовал, что в Китае ему негде опубликовать свои взгляды. Судя по всему, выпад против «изменнических высказываний» был личной инициативой ветерана, опиравшегося на собственные представления об исторической политике и свободе слова. Вместе с ним бумагу подписали шесть ученых из АОН Китая, в том числе бывший вице-президент Академии Ван Лолинь.

Напомним, что после 1840-го Китай более ста лет сражался против внешней агрессии и заплатил десятками миллионов жизней, Юй Цюаньюй отметил: «Однако в последние годы в некоторых газетах время от времени появляются изменнические высказывания, которые искажают историческую реальность, оправдывают преступления великих держав, вторгшихся в Китай после 1840 года, и даже оправдывают преступления японских войск, которые оккупировали территорию Китая и массово убивали китайский народ. Эти статьи, поддерживающие агрессора, предающие государственные и национальные

интересы, естественно, вызвали осуждение у китайских ученых и широких народных масс»²⁹. Явно намекая на споры 2006 года вокруг публикации статьи Юань Вэйши, автор обращения заметил, что ответственные работники СМИ и журналисты подверглись критике и взысканиям. Однако нашлись люди, которые не поддержали эти меры и заговорили о «нарушении свободы слова и печати», а известные общественные деятели даже выступили в поддержку наказанных СМИ. По мнению Юй Цюаньюя, подобное попустительское изменническим

публикацию изменнических высказываний — от трех месяцев до трех лет. Если средство массовой информации, допустившее нарушение, в течение определенного времени (газета, радио, телевидение — семь дней, журнал — один месяц, книжное издательство — два месяца) открыто обсудит и признает свои ошибки и, чтобы очиститься от яда, выступит с опровержениями, его юридический представитель может быть освобожден от наказания по закону»³².

Инициатива вызвала бурную дискуссию в Интернете, но ведущие китайские СМИ

“Инициатива ввести наказания за искажение исторических фактов вызвала бурную дискуссию в Интернете, но ведущие китайские СМИ встретили ее молчанием”.

высказываниям «отравляет китайскую молодежь, оскорбляет историю патриотов и героев войны сопротивления, создает серьезную угрозу китайскому обществу и государству».

Юй Цюаньюй не только призвал действовать в соответствии с конституцией и законами КНР, но и обратился к европейскому опыту. Он подчеркнул, что его инициатива опирается «на опыт Австрии и других европейских государств, законодательно запрещающих оправдывать преступления нацистской партии»³⁰. Юй Цюаньюй предложил воспроизвести этот опыт и ввести в КНР не менее суровые наказания для тех, кто выступает в общественных местах или публикует в СМИ статьи с искажением исторических фактов. «За оправдание преступлений иностранных агрессоров в Китае после 1840 года — тюремное заключение от одного года до десяти лет. За оправдание японской оккупации и массовых убийств китайского народа японской армией в период с 18 сентября 1931 года³¹ до капитуляции [Японии] в 1945 году — от двух до двадцати лет... Юридическим представителям СМИ или ответственным лицам за

встретили ее молчанием. Первым о ней сообщил со ссылкой на гонконгскую газету веб-сайт «Чжунго синьвэнь ван» («Сеть китайских новостей»). Лишь в газете «Чжунго цинняньбао» появилась статья о том, что принятие подобного закона может нанести вред научной свободе. Признавая эмоционально болезненный характер национальной памяти об агрессии сильных держав и изначально благие побуждения Юй Цюаньюя, автор статьи подчеркнул, что такой закон сжал бы «юридическими когтями и клыками» свободу исторических исследований. Без четкого правового определения понятие «изменническое высказывание» может стать мощным оружием для подавления иного мнения в науке, где допустимо говорить лишь об исправлении «ошибочных высказываний» в процессе дискуссии³³.

Юань Вэйши, которому в первую очередь был адресован проект закона, призвал не давать волю националистическим эмоциям. «Дальновидные политики и интеллигенты должны прилагать усилия, чтобы шаг за шагом направлять эти настроения и осла-

блять их. Мир великого единения однажды станет реальностью, сейчас мир идет к интеграции, поэтому обязательно нужно ослаблять [националистические] настроения»³⁴. По мнению ученого, распространявшаяся среди китайцев с XIX века неприязнь к иностранцам мешает развитию страны. Он пояснил, что не призывает к забвению прошлого, но считает необходимым подходить к истории объективно, всесторонне, холодно и без эмоций. По поводу формулировок предложенного законопроекта Юань Вэйши заметил, что «изменники Китая» были в XIX столетии и в первой половине XX века. В 1930–1940-е в период войны с Японией появились коллаборационисты, в 1950-е некоторых из них судили за военные преступления, и тогда это обвинение еще имело смысл. Однако употребление его в наши дни, полагает историк, свидетельствует лишь о «невежестве».

Китай и Япония: миру не нужны слезы

К началу нынешнего десятилетия в Китае сформировалось устойчивое восприятие Японии как страны-соперницы, которая отвергает призывы к покаянию за преступления в годы Второй мировой войны и стремится к возрождению своего военного потенциала. Попыткой изменить эту тенденцию стала статья известного публициста Ма Личэна «Новое мышление в отношениях с Японией», опубликованная в конце 2002 года³⁵. Он осудил нападки китайских националистов на Японию и предложил не бояться желания соседней страны стать крупной и влиятельной державой. По мнению Ма Личэна, Китаю надо проявить великодушные страны-победительницы и не предъявлять к Японии чрезмерных требований. Вопрос японских извинений уже решен, и нет необходимости поднимать его вновь. Кроме того, после 1979 года Япония предоставила Китаю долгосрочные кредиты под низкие проценты, которые были использованы при реали-

зации 150 инфраструктурных проектов, что «свидетельствует об искренности помыслов Японии». Он посетовал, что долгое время об этом факте говорили недостаточно, «сейчас пришла пора дать этому правильную оценку».

Между тем «новое мышление» не стало реальностью. Напротив, в 2005-м во многих китайских городах прошли антияпонские демонстрации националистически настроенной молодежи. Китайские сторонники жесткой линии попытались обосновать тезис о том, что сложные отношения между двумя странами вызваны исключительно японской политикой, при этом Китай не должен отступать перед напором соседней страны. Линь Чжибо (работал в том же отделе комментариев «Жэньминь жибао», что и Ма Личэн) заявил, что главное препятствие заключается в том, что Япония не желает смириться с подъемом Китая. По мнению публициста, китайские лидеры, начиная с Сунь Ятсена, были сторонниками дружественных отношений между Китаем и Японией, но японцы всякий раз выступали против Китая. Нельзя забывать исторические потери: сопротивление Японии 1930–1940-х годов обошлось Китаю в 30 млн человеческих жизней и в 500 млрд дол., однако Япония этого не признает. Время уступок завершилось, и теперь Китай должен разговаривать с Японией по международным правилам: если Япония нанесла Китаю ущерб в годы войны, то она должна его компенсировать, а китайское правительство должно поддержать требование китайского народа выплатить компенсации. По мнению Линь Чжибо, нежелание Японии заплатить за агрессию против Китая будет служить оправданием для Китая, если он использует свое право вето, чтобы не допустить принятия Японии в число постоянных членов Совбеза ООН³⁶.

Китайские исследователи пытаются сопоставить опыт осмысления уроков Второй мировой войны в Японии и в Германии — и

результаты оказываются не в пользу Токио. Эксперты полагают, что здесь сыграли роль культурные различия: в Германии христианская традиция с ее понятиями греха и покаяния способствовала отмежеванию нации от преступлений, совершенных в годы войны. Японскую культуру характеризуют внутренняя сплоченность и отторжение чужого. Стремление поддерживать согласие в обществе и ограниченная информация о военном прошлом привели к тому, что японцы воспринимали военных ветеранов позитивно и не связывают их былые поступки с убийства-

подъеме и отстаивании собственного взгляда на историю. Этого недостаточно: Китай должен, «опираясь на историю, смотреть в будущее» и помогать Японии стать конструктивным игроком в Юго-Восточной Азии³⁸.

Современные китайские кинематографисты попытались внести свой вклад в переосмысление истории взаимоотношений Китая и Японии в годы войны. Об этом свидетельствуют два кинофильма, появившиеся в нынешнем десятилетии. Фильм «Дьяволы пришли» (английское название *“Devils on the Doorstep”* — «Дьяволы на пороге») Цзян Вэня

“Китайские исследователи сопоставляют то, как осмыслены уроки Второй мировой войны в Японии и в Германии — и результаты оказываются не в пользу Токио”.

ми и преступлениями³⁷. Китайские эксперты подчеркивают, что послевоенное поколение японцев «не выучило» исторический урок и это обстоятельство накладывает отпечаток на сегодняшнее взаимодействие между двумя странами.

Автор книги «Подъем Китая» Чжан Цзяньцзин полагает, что причиной напряженности в отношениях двух стран стал кризис идентичности в Японии, где по мере утраты экономического лидерства растут опасения «китайской угрозы». Пока Япония была богата, она оказывала «экономическую помощь», чтобы компенсировать свои исторические преступления, но, когда в 1990-х начался экономический спад, стала требовать от стран, получивших помощь, благодарности и забвения исторических проблем. По мнению Чжан Цзяньцзина, Японии следует отказаться от болезненного отношения к истории и в решении проблем, связанных с последствиями войны, брать пример с Германии. Вместе с тем проявившаяся в спорах с Японией новая идентичность Китая основана пока лишь на экономическом

в 2000 году получил премию на Каннском фестивале, но так и не дождался официального разрешения на показ внутри своей страны. Режиссер затронул болезненную тему бытового коллаборационизма. Фильм рассказывает о том, как в конце войны неизвестный ворвался в дом китайского крестьянина и оставил там два мешка: в одном был японский военный, в другом — помогавший японцам китаец-переводчик. Эти двое становятся проблемой для всей деревни, но крестьяне так и не решаются убить их. Японец подружился с китайцами и убедил их вернуть его в расположение находившейся неподалеку военной части, обещав им за это щедрое вознаграждение. Японский командир доставил крестьянам еду и вино, но позже приказал убить всех жителей деревни и сжечь ее. Потрясенный герой фильма, чудом уцелевший житель деревни, хочет отомстить, однако война уже закончилась. Он обманом пробирается в лагерь для военнопленных и убивает нескольких японцев, но за это преступление китайские власти казнят его.

Тема гуманистического взгляда на войну была продолжена в фильме «Нанкин! Нанкин!» (английское название *“City of Life and Death”* – «Город жизни и смерти»), премьера которого состоялась в апреле 2009-го. Подобно фильму «Дьяволы пришли», «Нанкин! Нанкин!» – черно-белая кинолента. Режиссер стремился сделать фильм похожим на историческую хронику и не концентрировать внимание зрителей на кровавых сценах насилия и гибели людей. Однако масштабы описываемых трагедий несопостав-

рекомендован для показа школьникам, изучающим историю войны. По словам режиссера, поднявшаяся в Интернете волна возмущения националистов по поводу вызывающего сочувствие образа японского военного едва не вынудила власти отказаться от выпуска фильма в прокат. Решающую роль сыграла поддержка со стороны члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Ли Чанчуня, отвечающего за пропаганду³⁹.

Режиссер отказался от первоначальных версий сценария, подчеркивавших важ-

“Усиление Китая на фоне экономического кризиса стало стимулом для националистического переосмысления места страны в мире”.

вимы: новый фильм посвящен нанкинской резне – в китайской исторической памяти самому страшному эпизоду войны. В декабре 1937 года в захваченном Нанкине японцы совершили беспрецедентные по жестокости и размаху убийства и изнасилования. Китайские историки говорят об уничтожении более 300 тыс. человек, среди которых были мирные жители и военнопленные.

Режиссер Лу Чуань попытался показать волю китайцев к сопротивлению и душевные страдания простого японского военного, который кончает жизнь самоубийством. В фильме немало жестоких и натуралистических сцен, необычных для китайского кинематографа. Режиссер стремился передать ощущение реальности событий, воссоздавая для этого городскую обстановку военных лет, детали быта. Более того, на роли оккупантов он пригласил японских актеров.

Через месяц после премьеры «Нанкин! Нанкин!» был включен в официальный список из десяти фильмов, посвященных празднованию в октябре 2009-го 60-летней годовщины образования КНР. В отредактированном виде – без сцен насилия – фильм

ную роль иностранцев в спасении жителей Нанкина от японских зверств⁴⁰. Лу Чуань заметил, что в прежних изложениях нанкинской резни китайцы представлены пассивными, они «не существуют» ни по отдельности, ни в целом. «С помощью этого фильма я хочу вернуть китайцам существование. Я решил снять фильм о сопротивлении, поскольку в действительности китайцы сопротивлялись, но люди об этом мало знают»⁴¹. По его словам, история японца рассказывает также о сопротивлении человека духу милитаризма.

Критики заметили, что новый фильм «с точки зрения искусства – первый сорт, с точки зрения истории – третий»⁴². По их мнению, попытка китайского режиссера показать сочувственного японца стала отражением новой тенденции в мировом кино последних лет, когда прежние «злодеи» выступают на стороне добра. К числу таких фильмов относятся «Список Шиндлера» или «Чтец», которые демонстрируют растерянность и терзания простых немцев при нацистах. Однако германский контекст отличается от японского: послевоенные правительства Германии и вся немецкая нация

глубоко переосмыслили историю войны и многие исторические факты перестали быть предметом спора. Лишь тогда деятели искусства почувствовали себя вправе предложить другой взгляд на этот этап истории. К нанкинской резне это не относится. С тех пор прошло более семидесяти лет, но японцы так и не признали своего злодеяния, а молодое поколение китайцев мало что об этом знает.

Китайский критик приводит две причины, которые, по его мнению, объясняют, откуда берется такой взгляд на трагическую историю сопротивления японской агрессии. Во-первых, из-за ограничений, связанных с разногласиями между КПК и Гоминьданом, в последние годы было обнародовано лишь крайне незначительное число документов о тех событиях. Во-вторых, хотя Китай вышел из войны победителем, страна долго отставала в экономическом развитии и потому стремилась как можно меньше поднимать болезненные исторические темы. Теперь же в отношениях между двумя партиями трудный этап уже позади, а мощь Китая стала реальной. В таких условиях кинематограф мог бы расширить представления людей о том периоде истории, однако «Нанкин! Нанкин!» преподносит молодежи исторические факты, искаженные художественным подходом. Талантливый фильм попал в ловушку «исторического нигилизма»: он преувеличивает побочные ответвления истории и пренебрегает главным. По мнению критика, взгляд на резню глазами осознавшего ужас войны японца отражает именно эту тенденцию.

Сам Лу Чуань подчеркивал, что сделал фильм не только для Китая, но и для всего мира, чтобы передать ему отношение китайцев к японцам, в котором присутствуют великодушные, снисходительные, вера в себя и в свою силу. Он вовсе не стремился проецировать эмоции ненависти⁴³. Режиссер пояснил, что прежний слезный стиль китайских повествований о пережитых страданиях за

пределами Китая никому не интересен. «На протяжении семидесяти лет мы причитали, это наше право, но эффект был не слишком хорошим. Спустя семьдесят лет наша страна стала богатой, мощной и уверенной в себе, разве мы не можем взять признанную во всем мире систему ценностей или сменить язык диалога для того, чтобы заново рассказать об этом событии? Фильм пытается сделать это. Я ощутил, что прошедшие семьдесят лет приводят нас к выводу: наши слезы, похоже, в действительности не могут смягчить западный мир. Этому миру нужен новый язык изложения: чтобы вести с ним диалог на равных, нам потребуются более твердые взгляды, аргументы и уверенность в себе»⁴⁴.

Чем недоволен Китай

Усиление Китая на фоне экономического кризиса стало стимулом для националистического переосмысления места страны в мире. К истории обращаются авторы бестселлера «Китай недоволен», вышедшего весной 2009 года⁴⁵. На страницах книги выразили свои взгляды военный обозреватель нескольких китайских телеканалов Сун Сяоцзюнь, известный идеолог китайского национализма Ван Сяодун, социолог и драматург Хуан Цзису (его пьеса «Че Гевара» стала художественным манифестом китайских «новых левых»), националистически настроенный публицист Сун Цян и журналист Лю Ян. Они выступили с критикой китайской интеллектуальной элиты, осудив ее за самоуспокоенность и стремление к демонстрации поверхностных культурных познаний в то время, когда Китаю необходимо сосредоточиться на укреплении военно-промышленного потенциала. Избегая открытых упреков в адрес власти, авторы книги возложили ответственность на интеллектуалов, которые не предлагают руководству рецепты для решения наболевших проблем.

В центре внимания оказалась проблема влияния глобального экономического кризиса на развитие Китая, которое, по мнению авторов, должно стать более «героическим» и менее зависимым от Запада. Прежняя модель экономического сотрудничества, когда Китай играл роль «мировой фабрики», сконцентрировавшись на производстве экспортного ширпотреба, вместо того чтобы развивать высокотехнологичные и оборонные отрасли, потеряла былую привлекательность. Сложившаяся ситуация пока еще устраивает основную часть китайской элиты, однако молодежь готова по-новому оценить перспективы страны.

Авторы книги считают, что в наши дни растущее недовольство патриотически настроенной молодежи вызвано экспансионистской политикой Запада и его стремлением держать китайскую экономику в подчиненном состоянии. Один из разделов книги был озаглавлен «Наше богатство: исторические страдания с 1840 года». Сун Сяоцзюнь, один из авторов сборника, утверждает, что антизападные выступления молодежи, имевшие место в 2008-м, произрастают из культурной памяти, накопленной поколениями китайцев после «опиумной войны». Когда будущее неясно, людям приходится оглядываться назад и оценивать историю. Но тысячелетия замкнутой китайской истории, предшествовавшей 1840 году, не дают ответа на вопросы сегодняшнего дня. Параллели с современностью можно искать лишь после 1840-го, когда история Китая вошла в мировую историю, а сам Китай стал частью мировой капиталистической системы и начал испытывать давление со стороны индустриальной цивилизации Запада.

Другой автор Ван Сяодун призывает соотечественников отказаться от поражения и от распространившихся внутри страны идей «обратного расизма», признающих достоинство китайцев и величие

китайской цивилизации. «Сто семьдесят лет мы находились на самом дне, но не были окончательно уничтожены и даже не развалились подобно европейской цивилизации Средних веков. Это всего лишь сто семьдесят лет, сейчас мы все же в определенной степени вновь поднялись. Китай последних нескольких десятилетий — это действительно мировое чудо, поэтому я говорю о “возвращении Небесного повеления”»⁴⁶. Мудрецы Древнего Китая полагали, что Небо дарует «повеление» на царствование добродетельному правителю. Однако порочная и жесткая власть теряет «повеление», что ведет к смене правителя, а то и к гибели всего государства. В контексте современного китайского националистического дискурса этот тезис указывает на необходимость сконцентрировать усилия на развитии страны и на расширении ее присутствия на мировой арене.

На страницах книги «Китай недоволен» националисты осуждают прозападную интеллигенцию за то, что она считает «позорным» патриотизм и заботу об интересах страны, потворствует формированию самоуничижительных взглядов на историю Китая. Они обвиняют элиту в неспособности сформулировать для нации «великие цели» и преодолеть психологическую зависимость от Запада. Примечательно, что среди многих упреков в адрес позабывшей уроки истории интеллектуальной элиты появилась российская тема. Сун Цян с возмущением отозвался о тщеславии прозападных интеллектуальных «звезд», ядовито комментирующих восстановление в России прежнего гимна и некоторых государственных церемоний, с помощью которых российские власти хотят вновь укрепить чувство национального достоинства: «Ты не пережил тяжелых бедствий России, ты не испытал вчерашнего уничтожения международным капиталом твоего гнезда, ты не впал в отчаяние из-за того, что твоя страна потеряла достоинство,

конечно, ты можешь спокойно в неплохой атмосфере Китая ругать русских за “глупость”»⁴⁷. Сделав оговорку, что вовсе не считает своим долгом выступать с апологией советской истории, Сун Цян заметил, что на примере распада СССР можно проследить, как на рубеже 1980 – 1990-х годов на смену одному господствующему дискурсу приходил другой. «Уничтожение истории, исправление памяти, ревизия повседневных представлений – именно таково искусное применение господствующего дискурса»⁴⁸.

“Националисты стремятся опереться на историю, чтобы помочь китайской элите избавиться от иллюзий в отношении Запада”.

Националисты стремятся опереться на историю, чтобы помочь китайской элите избавиться от иллюзий в отношении Запада. Они призывают быть готовыми к возможному разрыву связей с Западом, к росту внешней изоляции и враждебности. Сун Сяоцзюнь отмечал: «Посмотрите на историю. Если бы в 1840 году чужие корабли не находились у берегов Китая, разве смогли бы Сунь Ятсен и подобные ему наметить план будущей модернизации Китая? Поэтому при обсуждении формирования “великих целей” Китая нельзя не задаться вопросом: не приведет ли нынешний финансовый кризис к втягиванию Китая в войну?»⁴⁹. Хотя мировой статус окрепшего Китая в наши дни едва ли сопоставим с ослабленной империей середины XIX века, националисты проводят эту историческую параллель. Мировой финансовый кризис потряс западную экономику, у Китая появился шанс снизить зависимость от иностранных инвестиций и технологий, перестать смотреть на Запад как на образец для подражания, сформулировать собственные «великие цели» и заняться их реализацией. Однако решительность Китая,

предостерегают националисты, вряд ли придется по вкусу Западу, который будет всеми силами преодолевать внешние помехи на пути реализации своих «великих целей». Иностранное давление будет нарастать, и это должно побудить Китай ускорить модернизацию, поскольку в перспективе между крупными державами возможны вооруженные конфликты за обладание дефицитными сырьевыми ресурсами.

Воинственные рассуждения националистов, призывающих Китай по примеру

Запада «вести торговлю с мечом в руках», не отражают взглядов основного течения, поддерживающего официальную установку на «мирное развитие». Авторы книги «Китай недоволен» акцентировали внимание на конкуренции между странами, которая может перерасти в силовое соперничество. Они сочли, что официальные рассуждения о «мирном возвышении» и «возрождении китайской нации» слишком расплывчаты и не могут служить эффективным планом действий. В частности, они поставили под сомнение предложенную властями политику накопления «мягкой силы» и создания инструментов культурного влияния на другие страны⁵⁰.

Вместе с тем авторы книги заметили, что руководство страны понимает необходимость «превратить чувства, порожденные революционной памятью молодежи, в движущую силу модернизации и строительства»⁵¹. Именно так они восприняли упоминание о событиях XIX века в речи Ху Цзиньтао, посвященной 30-летию китайских реформ. Отметив, что древняя китайская нация за пять тысяч лет истории создала блестящую

культуру и внесла огромный вклад в прогресс человеческой цивилизации, китайский лидер продолжил: «После “опиумной войны” из-за агрессии западных держав и разложения феодальной власти Китай постепенно превратился в полукOLONиальное полуфеодальное общество, государство было очень бедным и очень слабым, конфликты и смуты в обществе не прекращались, народ бедствовал. Чтобы осуществить великое возрождение китайской нации, многие самоотверженные борцы с воодушевлением искали путь спасения государства и народа, путь возрождения Китая»⁵². Ху Цзиньгао соединил вместе три китайские революции минувшего столетия. Сначала революция под руководством Сунь Ятсена свергла монархию, потом новодемократическая и социалистическая революция под руководством КПК свергла власть империализма, феодализма и бюрократического капитализма, а третьей «новой великой революцией» стала политика реформ и открытости. Националисты увидели в этих словах стремление властей использовать уроки прошлого при решении современных проблем страны.

Китайские эксперты основного течения, разделяющие взгляды «реформаторского консенсуса», призывают к осторожности в поведении на международной арене и к трезвости в оценке перспектив страны в послекризисном мире. В частности, они рекомендуют проводить различие между ростом масштабов экономики Китая и его реальным весом в мире, ссылаясь на уроки истории. «О мощи государства и международном статусе нельзя судить лишь по масштабам экономики. По статистике, в 1820 году ВВП Китая составлял 28,7 проц. мирового, ВВП Англии, США и Японии — 5,2 проц., 1,8 проц. и 3,1 проц. соответственно. В 1830 году мировая доля китайской обрабатывающей промышленности составляла 29,8 проц., намного превышая долю Англии, Японии, Америки

(соответственно 9,5 проц., 2,8 проц., 2,4 проц.). Однако в 1876 году на всемирной выставке в Филадельфии в США, в которой участвовали 37 стран, Англия представила новейшую паровую машину, Америка — высокопроизводительные электромоторы и двигатели, Германия — высокоточный станок по обработке пушек, а Китай — 27 сделанных из чистого серебра ложек дляковыряния в ушах и расшитые туфли на маленькую ногу. Из-за серьезного спада [в сферах] науки и техники, военной мощи и мягкой силы Китай неоднократно сталкивался с агрессией сильных западных держав, разграблением и разрушением. К середине XIX века он превратился в полукOLONиальное, полуфеодальное общество. Горький урок истории состоит в том, что Китаю необходимо наращивать комплексную мощь»⁵³.

Китайские власти по-прежнему задают определяющую трактовку исторических событий после 1840 года. Вместе с тем многообразие мнений и дискуссий, в которых проявляются различные подходы к прошлому, стали реальностью. Либерально настроенные представители интеллигенции стремятся подвергнуть господствующую трактовку истории критическому переосмыслению, чтобы исключить из нее националистические идеи и сделать сознание китайцев более открытым для влияния извне. Их националистические оппоненты выступают с жесткой критикой Запада и обращаются к истории борьбы с империалистическими державами, чтобы призвать китайцев к сплочению вокруг «великих целей». КПК возвышается над схваткой как носитель центристского дискурса, сочетающего патриотизм и открытость внешнему миру; память о «столетии национального позора» и лозунг о всемирной гармонии; позитивные воспоминания о революции и твердую приверженность реформам.

Критика «исторического нигилизма» и появление законопроекта о борьбе с «изменческими высказываниями» о событиях прошлого высветили политические аспекты внутрикитайских споров об изучении истории. Попытки националистов найти исторические обоснования для ужесточения внешней политики и милитаризации экономики вызывают в обществе большой резонанс, но эти рассуждения лежат за пределами господствующего дискурса. Усиление Китая порождает желание освободить самосознание китайцев от образа жертвы, который сложился в прошлом. Фильм «Нанкин! Нанкин!» и книга «Китай недоволен» как два главных культурно-исторических феномена первой половины 2009 года выражают стремление

осознать «героическую» сторону китайской нации, заставить китайцев поверить в свои силы и отказаться от «пораженчества».

Еще в первой половине 2000-х китайские интеллектуалы обсуждали тему исторической вины Японии вместе с проблемой компенсации за ущерб, нанесенный Китаю в годы войны. Сегодня китайские эксперты полагают, что в 2009 году Китай сможет раньше других выйти из кризиса и стать второй после США экономикой мира, обогнав Японию по размеру ВВП. Осознание собственной силы растет одновременно с материальной мощью Китая, все менее склонного действовать по примеру малых стран, использующих историю для сведения счетов с былыми обидчиками и для предъявления претензий соседям. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ По мнению знатока китайской исторической мысли Бориса Доронина, в наши дни власти КНР используют традиционную историографию для решения современных общественно-политических проблем: «По давно сложившейся и хорошо апробированной традиции материалы официальных трудов прежде всего используются для консолидации общества, обеспечения его единства и стабильности в рамках проводимых в настоящее время кампаний по воспитанию “национального духа” (*цзин шэнь*), патриотизма, утверждения концепции “большой китайской нации” (*чжунхуа миньцзу*)». См.: *Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура* / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. С. 40.

² *Дэн Сяопин. Избранное. Т. II (1975–1982)*. 2-е изд. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1995. С. 432.

³ *Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 5*. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. С. 425.

⁴ Там же. С. 601.

⁵ Так в Китае именуют членов Политбюро ЦК КПК, игравших активную роль в организации «культурной революции» 1966–1976 годов: это

заместитель председателя ЦК КПК Ван Хунвэнь, заместитель премьера Госсовета КНР, начальник главного Политуправления НОАК Чжан Чуньцяо, жена Мао Цзэдуна Цзян Цин, второй секретарь Шанхайского горкома партии, публицист и литературный критик Яо Вэньюань. Их арестовали в октябре 1976-го вскоре после смерти Мао Цзэдуна и обвинили на судебном процессе 1980–1981 годов в попытке «фашистского переворота» и в массовых репрессиях.

⁶ *Дэн Сяопин. Указ. соч. Т. 2. С. 435.*

⁷ Там же. С. 379.

⁸ *Ху Цзиньтао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуйчжуй вэйда цичжи, вэй доцой цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй синь шэнли эр фэньдоу. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (2007 нянь 10 юэ 15 жи)* (Высоко несся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества: Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 года). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 7.

⁹ *Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 4*. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1969. С. 505.

¹⁰ Ху Цзиньгао цзай цзинянь цюаньго жэнь-да чэнли 50 чжоунянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь Ху Цзиньгао на собрании, посвященном 50-летию создания ВСНП). Синьхуа. Пекин. 2004. 15 сент. (<http://www.people.com.cn/GB/shizheng/1024/2786960.html>).

¹¹ *Цю Ши*. Вэй шэммо бисюй цзяньчи Чжунго гунчаньдан линдао дэ додан хэцзо хэ чжэнчи сешан чжиду, эр бу нэн гао сифан дэ доданчжи (Почему необходимо придерживаться системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК и нельзя выстраивать западную многопартийную систему) // Цюши. 2009. № 8. С. 4. Имя автора – псевдоним, в конце текста перечислены участники исследовательской группы.

¹² *Цю Ши*. Вэй шэммо бисюй цзяньчи жэньминь дайбяо дахуй чжиду эр бу нэн гао «саньцюань фэньли» (Почему нужно придерживаться системы народных представителей и нельзя вводить «разделение трех властей») // Цюши. 2009. № 7. С. 7. Имя автора – псевдоним, в конце текста перечислены участники исследовательской группы.

¹³ Система взаимоотношений КПК с восемью некоммунистическими партиями (Революционный комитет Гоминьдана Китая, Демократическая лига Китая, Ассоциация демократического национального строительства Китая, Ассоциация содействия развитию демократии, Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая, Партия стремления к справедливости, Общество «3 сентября», Лига демократического самоуправления Тайваня) сложилась в 1940-е годы, когда китайские коммунисты выдвинули лозунг, призывающий к созданию коалиционного демократического правительства. После образования КНР в 1949 году эти партии признали руководящую роль КПК и социалистический путь развития.

¹⁴ *Цзинти* лиши сюйчужуи сычао (Быть бдительными в отношении идейного течения исторического нигилизма) // Гуанмин жибао. 2005. 15 марта. Ша Цзяньсунь (р. 1934) – в прошлом зам. руководителя отдела изучения истории партии Партшколы ЦК КПК, проректор Пекинского университета, кандидат в члены ЦК КПК 13-го и 14-го созывов. Ныне профессор Пекинского университета, член Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), руководитель государственной научной экспертной группы по истории партии

и партийному строительству, заместитель председателя комиссии министерства образования по руководству преподаванием марксистских теоретических дисциплин в вузах, заместитель председателя Общества изучения государственной истории КНР. Автор ряда работ по истории КПК и китайской революции. Ли Вэньхай (р. 1932) – в прошлом декан исторического факультета Народного университета Китая, в 1987–1994-м – руководитель парткома университета, в 1994–2000 годах – проректор Народного университета, ныне директор Института истории династии Цин. Специалист по новой истории Китая. Депутат ВСНП, глава группы по историческим наукам при правительственном комитете по присуждению ученых степеней, руководитель Китайского исторического общества и Общества изучения государственной истории КНР. Гун Шудо (р. 1929) – в прошлом декан исторического факультета Пекинского педагогического университета, директор Института историографии, глава группы по историческим наукам при правительственном комитете по присуждению ученых степеней, заместитель председателя Китайского исторического общества, председатель Пекинского исторического общества, специалист по проблемам истории общества и культуры нового времени. Лян Чжу (р. 1935) – в прошлом проректор Пекинского университета, ныне профессор, заместитель директора Центра изучения теории Дэн Сяопина при Министерстве образования КНР, заместитель руководителя Общества изучения государственной истории КНР. Автор работ по истории КПК и китайской революции, по идейному наследию Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина.

¹⁵ *Лян Чжу, Гун Шудо*. Цзинти лиши сюйчужуи сычао (Быть бдительными в отношении идейного течения исторического нигилизма). Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2006.

¹⁶ *Лян Чжу*. Лиши сюйчужуи сычао пинси (Анализ идейного течения исторического нигилизма) // Хунци вэньгао. 2009. № 9. (<http://www.qsjournal.com.cn/hongqi/200909/hq153-03.htm>).

¹⁷ Синьхайская революция началась в год «синьхай» по старому китайскому календарю, привела к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению Китайской Республики.

¹⁸ *Ли Цзэху, Лю Цзайфу*. Гаобе гэмин (Прощаться с революцией). Гонконг: Тяньди тушу. 1995.

¹⁹ В докладе на съезде генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что КПК «из партии, ведущей народ на завоевание политической власти во всей стране, превратилась в партию, которая руководит народом, держащим в руках политическую власть, и осуществляет правление в течение длительного времени». См.: *Цзян Цзэминь*. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй, кайчуан Чжунго тэсэ шэхуйчжуй шиэ синь цзюймянь. Цзай Чжунго гунчаньдан ди шилу цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (2002 нянь 11 юэ 8 жи) (Всесторонне строить общество средней зажиточности, создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой: Доклад на XVI Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 8 ноября 2002 года). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 11.

²⁰ *Чжан Хайпэн*. Синь шици лиши яньцзю чжун дэ цзигэ взньги (Несколько вопросов по исследованию истории нового периода) // Цюши. 2009. № 7. С. 45.

²¹ *Лян Чжу*. Указ соч.

²² Образ поколения, выращенного на «волчьем молоке», появился и распространился в Китае на рубеже 1970–1980-х годов. Такими словами один китайский кадровый работник охарактеризовал молодежь времен «культурной революции». В ответ на выступление Юань Вэйши идеолог современного китайского национализма Ван Сяодун заметил, что нынешние школьные учебники предлагают не «волчье молоко», а нейтральный «жиденький супчик». По его мнению, эти книги неинтересны молодежи, патриотические взгляды которой формируют Интернет и СМИ. См.: *Е тань сяньдайхуа юй лиши цзяоэкэшу* (Тоже поговорим о модернизации и учебниках истории). Опубликовано в блоге на сайте: sina.com.cn 9 февраля 2006 года.

²³ Серия договоров, подписанных цинскими властями в Тяньцзине в июне 1858 года с Великобританией, Францией, США и Россией. Англичане добились открытия для торговли новых китайских портов, свободы передвижения по всей территории Китая, снятия ограничений для миссионерской деятельности, а также солидной контрибуции. Франция и США получили те же привилегии, только американцы не стали требовать денег. Тяньцзиньский трактат между Россией и Китаем был нацелен на решение проблемы

территориального разграничения между двумя странами, договор защищал российские торговые и дипломатические интересы в Китае.

²⁴ Beijing Review. 2009. Mar. 5. P. 19.

²⁵ На этот аспект рассуждений китайского автора обратил внимание авторитетный специалист по истории Китая С.Л. Тихвинский: «Юань Вэйши признает правильной только содержащуюся в этом учебнике критику действий русских войск в составе армии интервентов восьми государств, подавлявших восстания, и подробно цитирует соответствующие антироссийские места из учебника. Все остальное изложение школьного учебника, по его словам, “полно ошибок”». См.: *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. С. 208–209.

²⁶ *Ма Гочуань*. Чжэнфэн (Спор). Пекин: Чжунго шуйли шуйдянь чубаньшэ, 2008. С. 181.

²⁷ Использованное слово «ханьцзюнь» означает «изменник-китаец», относящийся к этносу хань.

²⁸ Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 168.

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Юй Цюаньюй указал, что в Австрии подобные действия караются тюремным заключением от одного года до десяти лет, а в случае особой опасности — до двадцати лет. В тексте обращения приводится пример правового преследования британского автора Дэвида Ирвинга, который публично отрицал массовое истребление евреев нацистами. В 2006 году в Австрии его приговорили к трем годам тюрьмы. «Этот приговор приветствовали и поддержали народы и правительства стран Европы и Америки, и даже британское правительство не высказало другого мнения». Там же. С. 173.

³¹ В этот день японские войска обстреляли Шэньян и начали наступление в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян, к концу года они оккупировали Северо-Восточный Китай. Полномасштабная агрессия Японии, нацеленная на захват всего Китая, началась в июле 1937 года.

³² Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 174.

³³ Чжунго цинняньбао. 2007. 6 марта.

³⁴ Цит по: *Ма Гочуань*. Указ. соч. С. 184.

Упомянутый ученым «мир великого единения» (*датун шицзе*) — это отсылка к древнекитайской утопии равенства и благополучия всех людей. На рубеже XIX–XX веков она обрела новую жизнь как идеальный путь преодоления противоречий между Китаем и Западом, интеграции человечества с

помощью социалистических принципов и мировой революции.

³⁵ *Ма Личэн.* Дуй Жи гуаньси дэ синь сьвэй — Чжун Жи миньцзянь чжи ю (Новое мышление в отношениях с Японией: Беспокойство среди народов Китая и Японии) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2002. № 6. С. 41–47.

³⁶ *Линь Чжибо.* Дандай Чжунго сюйяо миньцзучжуи — Цзянь лунь Чжун Жи гуаньси (Современному Китаю нужен национализм. Поговорим также о китайско-японских отношениях) // Чжунго юй шицзе гуаньча. 2005. № 1. С. 10–17.

³⁷ Синьхуаван. 2007. 4 апр. Цит. по www.news.xinhuanet.com

³⁸ *Чжан Цзяньцзин.* Чжунго цзюэци. Тунсян да го чжи лу дэ Чжунго цэ (Подъем Китая. Политика Китая на пути к великой державе). Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2005. С. 261–268.

³⁹ *Wong E.* Showing the Glimmer of Humanity Amid the Atrocities of War // *New York Times.* 2009. May 23.

⁴⁰ Почти одновременно с «Нанкин! Нанкин!» весной 2009 года в Китае вышел в прокат фильм немецкого режиссера Флориана Галленберга «Йон Рабе». Он рассказывает о немецком предпринимателе и члене нацистской партии, который вместе с несколькими другими иностранцами устроил в Нанкине «зону безопасности», где смогли укрыться от японцев десятки тысяч мирных жителей. Рабе присутствует и в фильме Лу Чуаня, но не как главный персонаж.

⁴¹ *Лю Вэй, Ван Наньнань, Ван Сюйгуан.* «Наньцзин! Наньцзин!» — синь шэндай дэ да чжицзо («Нанкин! Нанкин!» — большое творение нового поколения) // Ляован. 2009. 20 апр. № 16. С. 57–59.

⁴² *Ян Юй.* «Наньцзин! Наньцзин!»: Ишугуань и лю, лишигуань — сань лю («Нанкин! Нанкин!»: с точки зрения искусства — первый сорт, с точки зрения истории — третий) // Чжунго цинняньбао. 2009. 28 апр. (<http://culture.people.com.cn/GV/27296/9205676.html>).

⁴³ *Ван Цзиньсы.* «Наньцзин! Наньцзин!» бу ши дуй жибэнь пинминь дэ шэнтао («Нанкин! Нанкин!» — это не осуждение простого японского народа) // Чжунго цинняньбао. 2009. 24 апр. (<http://world.people.com.cn/GV/9186562.html>).

⁴⁴ «Наньцзин! Наньцзин!» чуаншэн цзи. Ваньцзюй вайго цзюйбэнь (Как создавался «Нанкин! Нанкин!»). Вежливый отказ от иностранного сценария // Синь цзин бао. 2009. 17 апр. (<http://ent.people.com.cn/GV/86644/9151992.html>).

⁴⁵ *Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисун, Сун Цян, Лю Ян.* Чжунго бу гаосин. Да шидай, да мубяо цзи вомэнь нэйю вайхуань (Китай недоволен. Великая эпоха, великие цели, наши внутренние тревоги и внешние беды). Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ, 2009. Книга поступила в продажу в марте 2009 года, за два месяца было продано около 600 тыс. экземпляров, китайские эксперты оценивают этот результат как несомненный коммерческий успех (см.: <http://culture.people.com.cn/GV/22219/9326091.html>). Помимо этого, сокращенный вариант текста был размещен в открытом доступе в Интернете.

⁴⁶ Там же. С. 144.

⁴⁷ Там же. С. 225.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 93.

⁵⁰ См.: *О. Борох, А. Ломанов.* Скромное обаяние Китая // *Pго et Contra.* 2007. №6. С. 41–60.

⁵¹ *Сун Сяоцзюнь, Ван Сяодун, Хуан Цзисун, Сун Цян, Лю Ян.* Указ. соч. С. 58.

⁵² *Ху Цзиньтао.* Цзай цзинянь дан дэ ши и цзе сань чжун цюаньхуй чжаокай 30 чжоунянь дахуй шан дэ цзянхуа (Речь на собрании, посвященном празднованию 30-летней годовщины открытия 3-го пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва) (18 декабря 2008 года). Синьхуа. Пекин, 2008. 18 дек.

⁵³ *Ли Чанцзо.* Гоцзи гэцзюй дуаньци нэй бу хуй фашэн гэнбэньсин бьяньхуа (Международная структура не претерпит коренных изменений за короткий период) // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2009. № 4. С. 12.

Германия и Франция: проработка прошлого

Важнейшие для Германии понятия преодоления и проработки прошлого, а также концепция исторической политики во Франции совершенно неизвестны. Отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти | **ЮТТА ШЕРРЕР**

Разгромное поражение Германии во Второй мировой войне потребовало принципиального изменения ее политической ориентации. В частности, пришедшие к власти правительства в западной и восточной частях Германии должны были определиться в своем отношении к недавнему прошлому. Притом память о национал-социализме и Сопротивлении в двух немецких государствах была отнюдь не общей. В ФРГ неотъемлемым элементом политической культуры стало признание вины за Холокост. Напротив, в ГДР, объявившей себя антифашистским государством, национал-социализм рассматривался как явление чужой, внешней по отношению к ней истории, а сама Восточная Германия провозглашалась сокрушительницей национал-социалистической диктатуры. После воссоединения в 1990 году обоих немецких государств стала актуальной еще и «проработка диктатуры ГДР» (*Diktaturaufarbeitung der DDR*), как это обозначено в официальном дискурсе ФРГ. Что касается Франции, то там историческая политика Де Голля и его последователей десятилетиями определялась памятью о *résistance* (Сопротивление). Лишь со временем изменившиеся историко-

политические обстоятельства позволили критически переосмыслить вопрос о коллаборационизме режима Виши и депортации евреев из той части Франции, которая находилась под контролем французского правительства, а позже сделать достоянием «долга памяти» (*devoir de mémoire*) войну в Алжире и пытки, практиковавшиеся в ходе ее французскими военными.

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (*Geschichtspolitik*), политики прошлого (*Vergangenheitspolitik*), политики идентичности (*Identitätspolitik*) и политики памяти (*Erinnerungspolitik*). Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти (*Erinnerungskultur*), культура истории (*Geschichtskultur*) и историческое сознание (*Geschichtsbewusstsein*), но прежде всего определить соотношение истории и памяти (а также индивидуальной, коллективной, национальной, социальной, коммуникативной и культурной функций памяти). Все эти понятия имеют отношение к идентичности либо же к поискам

идентичности того или иного рода. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с несколько расплывчатым и потому труднопереводимым понятием «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*). В то время как «преодоление прошлого» лишь очень отдаленно связано с памятью о террористическом режиме и учиненном им Холокосте, термины «политика прошлого» и «историческая политика» ориентированы

политика прошлого имеет дело с институциональным и персональным наследием прежней системы и нацелена на принятие в относительно короткие сроки некоторых законодательных и судебных решений, связанных с этим прошлым. Напротив, историческая политика в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности (*Geschichts- und Identitätsbilder*), которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевающая изменения со сменой поколений

“Сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого”.

на более прагматичную и одновременно реалистическую оценку прошлого.

Сегодня немецкое *Vergangenheitsbewältigung* («преодоление прошлого») употребляется в других языках, прежде всего в английском и французском, без перевода, но только по отношению к Федеративной Республике Германии и Третьему рейху. Напротив, возникший позднее концепт «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящий к статье Теодора Адорно 1959 года¹, не ограничивается только Федеративной Республикой, а распространяется и на другие государства. «Безжалостное осмысление (*schonungslose Reflexion*)» прошлого, утверждал Адорно, должно эффективно воздействовать изнутри, как самоанализ, а не служить внешним силам в качестве пропагандистского оружия. Следовательно, «проработка прошлого» означает критическую работу над памятью о прошлом.

В немецком языке понятие «политика прошлого» относится к немецкому прошлому и его преодолению или, по меньшей мере, проработке. Понятно, что

или по мере эволюции социальной среды. В демократических обществах историческая политика ни в коем случае не ограничена собственно политической сферой, в нее, наряду с политиками и публицистами, вовлечены также представители разных других профессиональных групп с различными интересами и стратегиями, которые они привносят в осмысление истории. В политическом оформлении исторических представлений решающая роль принадлежит историкам, действующим в сферах своей профессиональной компетенции: ученым и преподавателям, архивистам и кураторам экспозиций, музейным работникам и сотрудникам мемориалов. При этом сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого.

Поэтому историческая политика — это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку

включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика — это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит.

В данной статье я использую понятие «историческая политика» в широком смысле, как оно обычно употребляется в современной исторической и политической науке, а также в политической социологии, и в значительно меньшей степени прибегаю к понятиям «политика прошлого» и «политика памяти», имея в виду публичное обращение к истории и памяти². К этому же разряду, без сомнения, принадлежит использование истории в государственных и политических целях, однако ни в коем случае нельзя сводить историческую политику только к официальной трактовке истории.

Германия

По отношению к национал-социалистскому прошлому государства — преемники германского рейха, ФРГ и ГДР, придерживались совершенно разных стратегий, которые определялись соответствующими оккупационными властями.

ФРГ (ДО ВОССОЕДИНЕНИЯ С ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИЕЙ)

Переход от диктатуры к демократии был крайне трудным и длительным процессом. 1945-й год не стал точкой отсчета, знаменующей начало совершенно новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, к которой можно было бы перейти. Сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с наследством Третьего рейха. Огромное большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению,

вытесняя из сознания реалии нацистского государства, только-только ставшие прошлым. Нюрнбергские процессы³, которые, по замыслу держав-победительниц, должны были сыграть также и воспитательную роль, оставили немцев равнодушными или вызвали неприятие — населению Германии хотелось достичь хоть какой-то «нормализации». Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее — это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа. Исключениями стали лишь немногие общественно значимые фигуры и политики, которые, как философ Карл Ясперс, протестантский теолог Карл Барт и первый президент ФРГ Теодор Хейс, заговорили о коллективной вине и коллективном стыде и в конечном итоге заявили о «коллективной ответственности» немецкого народа за Холокост, имея в виду необходимость признания своей вины и обязанность ее искупить. Именно из осознания ответственности за преемственность и разрывы в культуре и обществе родился концепт «проработка прошлого».

Проработка прошлого в 1949-м и далее в 1950-е годы позволила историку Норберту Фрау говорить о «политике прошлого»⁴. Эта политика, которая формировалась по мере все более активной интеграции ФРГ в сообщество западных государств (в том числе и по мере расширения рамок исторической политики), означала в первую очередь:

- уголовно-правовую и судебную квалификацию совершенных нацистами преступлений с применением насилия;
- политико-правовое отношение к национал-социалистическому прошлому,

то есть компенсацию ущерба различным категориям жертв национал-социализма и персональное юридическое преследование конкретных преступников из числа национал-социалистов;

- критический разбор национал-социалистического прошлого и его проработка в исторических трудах, литературе, искусстве и философии.

Все эти три измерения политики прошлого были в известной степени идентичны политическим и общественным детерминантам «преодоления прошлого». В первые два десятилетия существования ФРГ здесь шли широкие политические дебаты о преступлениях, совершенных национал-социалистами, о компенсации ущерба различным категориям жертв, о реституции, репарациях, антисемитизме и процессах над национал-социалистами.

Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 году был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и в заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима. В эпоху Аденауэра политика прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов со ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн денацифицированных и десятков тысяч

амнистированных немцев. По большей части вышли на свободу и те, кто в 1945–1949 годах был осужден в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления.

Несмотря на вытеснение из сознания «проклятого» прошлого в первые два послевоенных десятилетия, дух преодоления прошлого был жив в литературе, театре, кинематографе и других видах искусства, оказывая воздействие на формирующееся историческое сознание. Достаточно упомянуть провокативный спектакль Рольфа Хоххута «Наместник» (1963) и два самых известных и успешных в западногерманской литературе романа, посвященных проработке национал-социалистического прошлого: «Жестяной барабан» (1959) Гюнтера Грасса и «Урок немецкого» (1968) Зигфрида Ленца.

В рамках преодоления прошлого, основной задачей которого применительно к современной истории стало критическое изучение нацистского периода и преступлений национал-социализма, в Мюнхене в 1952-м был основан Институт современной истории. В 1960-е годы кафедры современной истории стали создаваться при исторических факультетах. Тем не менее процесс включения в школьные программы взрывоопасных вопросов о причинах Холокоста и заражения всего общества национал-социалистической идеологией оказался длительным и трудным. Даже в 1960-е границы Германии в географических атласах указывались по состоянию на 1937 год, и бывшие немецкие восточные области обозначались как «находящиеся под управлением Польши».

Только в конце 1950-х и в начале 1960-х годов в ведущих средствах массовой информации постепенно начиналось обсуждение до тех пор вытеснявшегося из сознания прошлого, что в конечном счете привело к образованию той специфической

политической культуры ФРГ, важнейшим элементом которой является моральное неприятие нацизма. Процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961–1962), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963–1964) и другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге привели к заметному росту интереса в обществе к национал-социалистическому прошлому. Прежде всего, смена поколений явно способствовала тому, что в повестке дня

в Варшаве договор, в соответствии с которым граница между Германией и Польшей по линии Одер–Нейссе признавалась окончательной. При этом Брандт объяснил, что федеральное правительство просто приняло данный факт как «результат истории» (*die Ergebnisse der Geschichte*). В тот же день канцлер от имени немецкого народа преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод с преклонением колен, символизировавший радикальный раз-

“В 1949 году был принят закон об амнистии, который открыл бывшим национал-социалистическим чиновникам путь в государственные структуры”.

политики прошлого появилось требование критической проработки прошлого. В 1960-х возникло представление о «непреодоленном прошлом», которое вызвало многочисленные протесты людей, поддерживавших национал-социализм или даже активно участвовавших в его деятельности. Но смена ориентиров произошла, и во многом этому способствовало «поколение 1968 года».

Переоценка политико-культурных ценностей в 1970-х и 1980-х годах, в контексте которой формировалась доминирующая сегодня в ФРГ культура памяти, центрированная вокруг жертв нацизма, предполагала открытое критическое обсуждение и признание вины. Важным этапом на этом пути стала восточная политика Вилли Брандта, которая ориентировала политику прошлого, основанную на признании ответственности немцев за нацизм, в направлении исторической политики, имевшей целью повлиять на будущее.

7 декабря 1970 года первый социал-демократический канцлер ФРГ подписал

рыв с прежним курсом западногерманской внешней политики, а также просьба от имени немецкого народа о прощении за совершенные преступления поляризовали немецкое общество. Однако со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах. В рамках недели братства в 1971-м Брандт подчеркнул, что память об Освенциме будет оставаться душевной травмой и для будущих поколений.

Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в 1970-е годы, когда стали проводиться выставки и создаваться новые исторические музеи, которые способствовали пересмотру оценок нацистской диктатуры и политическому просвещению в целом. В 1973-м федеральный президент Густав Хайнеман инициировал конкурс «Немецкая история» для учащихся. Интерес к собственной истории должен был содействовать выработке у детей и молодежи

сознания ответственности. Без знания истории нельзя было преодолеть прошлое.

Историко-политическое обучение, историческая и политическая дидактика постепенно становились элементами образования, что создавало условия для проработки прошлого. Историческая дидактика (*Geschichtsdiaktik*) как наука об изучении истории стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся важнейшей категорией, какой является «историческое сознание». В 1970–1980-е

другая передача немецкого телевидения, посвященная современной истории.

Этот сериал имел также и семантическое влияние: с тех пор слово «Холокост» стало употребляться в Германии для обозначения нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», то есть полного уничтожения евреев. Общество немецкого языка объявило «Холокост» «словом 1979 года».

Тем не менее вытеснение из сознания и отрицание преступного характера

“Зарубежный, американский телесериал «Холокост» 1979 года, побудил массового зрителя к критическому анализу национал-социалистического прошлого”.

годы эта категория превратилась в ключевую в рамках исторической дидактики. На формирование исторического и политического сознания влияла также музейная и мемориальная политика. Начиная с 1980-х школы открыли свои двери для свидетелей событий нацистских времен, которые рассказывали о борьбе за выживание и преследованиях в национал-социалистическом государстве. В рамках политики прошлого устная история (*oral history*), то есть воспоминания современников событий, стали признанным методом изучения новейшей истории.

Хотя в немецких документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь зарубежный, американский телесериал «Холокост», выпущенный в январе 1979 года, смог потрясти сознание массового зрителя и пробудил у него готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Этот четырехсерийный телефильм каждый вечер собирал у экранов от 10 до 20 млн зрителей — больше, чем любая

национал-социализма, по мнению философа и публициста Ральфа Джордано, в 1980-е приняло в немецком обществе форму «повторной вины» (*«zweite Schuld»*) и «само-обмана» (*Lebenslüge*). Психоаналитики Александр и Маргарете Мичерлих еще в 1967 году в своей вызвавшей горячую дискуссию книге «Неспособность к скорби» (*«Die Unfähigkeit zu trauern»*), опираясь на примеры враждебного отношения отдельных людей и масс в целом к признанию вины за соучастие в политических преступлениях, указали на недостаточную активность властей и общества в эпоху Аденауэра в преодолении нацистских преступлений.

В 1970-е годы усилилась тенденция к отрицанию или преуменьшению масштабов уничтожения евреев и к отказу признать существование газовых камер. Подобные умонастроения были характерны преимущественно для крайних правых кругов, и это явление получило название ревизионизма, или «отрицания» (*Negationismus*). В 1985-м в ответ на попытку ревизионистов фальсифицировать историю был принят закон «О лжи об Освенциме»

(*Auschwitz-Lüge*) с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 годов, согласно которому отрицание Холокоста преследуется по закону. Раньше Холокост в уголовно-правовом отношении ставился в один ряд с насильственными действиями других диктатур, что серьезно затрудняло его осуждение. Авторитетным представителям общественности, которые ставили под сомнение введение уголовно-правового понятия «отрицание Холокоста» как средства «преодоления прошлого» и настаивали вместо этого на политическом просвещении, не смогли — в отличие от других стран — добиться своего ввиду специфики немецкого прошлого.

Заметной вехой в исторической политике ФРГ стала памятная речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985-го в честь 40-й годовщины окончания войны и ликвидации национал-социалистической тирании. Впервые человек, занимающий высший государственный пост в ФРГ, назвал 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха), который «освободил нас всех от системы национал-социалистической тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания обрушились на многих людей после 8 мая. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания и зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945-го от 30 января 1933 года». В этой речи фон Вайцзеккер впервые назвал все категории массовых жертв национал-социализма: евреи, западноевропейские и восточноевропейские цыгане, коммунисты, гомосексуалисты.

Следующим важным этапом поиска немецкой национальной идентичности стал так называемый спор историков,

который разгорелся в 1986—1987 годах в связи с обсуждением немецкого прошлого и сомнениями относительно совершенных немцами преступлений. Его инициаторами выступили философ Юрген Хабермас и историк Эрнст Нольте. Хабермаса поддержали историки Ханс Моммзен, Эберхард Йеккель и публицист Рудольф Аугштайн (издатель и шеф-редактор журнала «Шпигель»), а на стороне Нольте выступили историки Андреас Хиллгрубер, Иоахим Фест, Юрген Хильдебранд и советник Гельмута Коля Михаэль Штюрмер. В этом споре, в котором, по словам Хабермаса, речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», то есть об отношении к совершенным немцами преступлениям, впервые было использовано новое понятие «историческая политика» — в смысле возможности влияния исторических интерпретаций на политические дебаты.

Если говорить в общих чертах, то Нольте представлял войну Германии против СССР в 1941—1945 годах прежде всего как превентивную защитную меру национал-социалистов против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией, а создание национал-социалистических концентрационных лагерей и лагерей смерти — просто как реакцию на сталинский ГУЛАГ. При этом военные преступления немцев и практику геноцида во времена национал-социализма он объяснял не внутригерманскими, а внешними по отношению к Германии причинами⁵. Главный аргумент Хабермаса в полемике с Нольте состоял в том, что нацистские преступления, представляемые как «реакция на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, сводимый к формату технической инновации, теряют свою историческую «беспрецедентность». Возражая против историзации Эрнстом Нольте преступлений нацизма, Хабермас настаивал на том,

что искать национальную идентичность Германии следует в «конституционном патриотизме» (*Verfassungspatriotismus*), который видит гражданство единственной альтернативой этнической идентичности и который представляет собой единственно возможную форму патриотизма, «не отчуждающую нас от Запада»⁶.

С тех пор понятие конституционного патриотизма стало основным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида европейских евреев как исторически беспрецедентного феномена легло в основу политического самосознания ФРГ. «Спор историков» также ставит вопрос о том, можно ли сравнивать национал-социалистическую диктатуру с другими диктатурами и что именно позволило национал-социализму найти опору в широких массах.

ГДР История разделенной Германии стала также историей разделенного прошлого и разделенной памяти о национал-социализме и сопротивлении национал-социалистическому режиму. Каждое из двух немецких государств воспринимало себя как политическую альтернативу национал-социалистической диктатуре: ФРГ — как парламентскую демократию западного образца, а ГДР — как «антифашистское» государство. Еще до образования ФРГ и ГДР (1949) денацификация в западной и в восточной частях Германии проходила по-разному — согласно идеологическим установкам соответствующих оккупационных властей. В ГДР была проведена радикальная замена национал-социалистической функциональной элиты; в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло. В «антифашистской» ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-

социализма. Исходя из основополагающего мифа об антифашизме, ГДР также претендовала на наследие антигитлеровского Сопротивления. При этом внимание в Восточной Германии продолжительное время было сосредоточено на героизированном коммунистическом Сопротивлении, которое на Западе сначала игнорировали в пользу столь же идеализированного военного и гражданского Сопротивления. Евреи, как отдельная категория жертв, в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о Холокосте здесь не было. ФРГ как государство — преемник Третьего рейха взяла на себя всю ответственность за совершенную несправедливость и возмещала ущерб Израилю (не в последнюю очередь для того, чтобы интегрироваться в сообщество западных государств). Восточная Германия в этом процессе возмещения ущерба не участвовала. Согласно официальной позиции, ГДР, как антифашистское государство, не имела с Третьим рейхом ничего общего и поэтому не могла привлекаться к ответственности за преступления национал-социализма. Только весной 1990-го первая свободно избранная Народная палата и последнее правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Поскольку у Восточной Германии не было необходимых финансовых средств, чтобы выплачивать компенсации Израилю, она открыла свои границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

С 1950 года антифашистское самосознание ГДР подкреплялось празднованиями 8 мая как «Дня освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма». До 1966-го день 8 мая, как и в СССР, был узаконенным праздником. В 1985 году, в сороковую годовщину окончания войны, 8 мая снова отмечалось как праздничный день. Только в 1980-е миф об антифашистском Сопротивлении стал разрушаться.

Происходившие в ФРГ часто весьма напряженные обсуждения понятий «политика прошлого», «историческая политика» и «культура памяти» прошли мимо ГДР, не оставив там никакого следа. Напротив, понятие «историческое сознание» было включено в лексикон «второго немецкого государства». Историческое сознание (с помощью системы преподавания и пропаганды истории) стало синонимом социалистического сознания и должно

на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим.

Для проработки прошлого ГДР использовались почти те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945-м: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам. Однако, прежде всего, речь шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства. Снова вошло в оборот выражение «правосудие

“Понятие конституционного патриотизма стало главным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида евреев легло в основу политического самосознания”.

было содействовать победе в «классовом противостоянии между социализмом и империализмом». Несмотря на то, что история в ГДР была прерогативой политики и ее главной задачей было обоснование легитимности государства СЕПГ, порой приходилось серьезно менять исторические трактовки, прибегая к интеллектуальной эквилибристике. В ГДР велись исследования и по современной истории, однако, в отличие от ФРГ, лишь по послевоенной.

НОВАЯ ФРГ, ИЛИ ОБЪЕДИНЕННАЯ ГЕРМАНИЯ

Знаменательные события 1989 года и воссоединение в 1990-м немецких государств не изменили подхода новой ФРГ к национал-социалистическому прошлому. Напротив, общественный интерес к Третьему рейху и Холокосту даже возрос. Но теперь, после объединения двух частей Германии, прошлое ГДР тоже стало объектом политики прошлого и исторической политики. Запоздывание старой ФРГ в проработке «первой немецкой диктатуры» в 1950-е годы не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. Гдээрвовское прошлое как бы накладывалось

победителей», но на этот раз победителями были братья по крови, представители того же народа. Для пожилых людей это была уже вторая «нулевая точка»: для них второй раз пробил час «Ч», и в 1990 году, как и в 1945-м, они были дезориентированы. Потому что и теперь потерпевшее крах общество ГДР не могло сразу освободиться от тяжелого наследия диктатуры СЕПГ.

Проработка истории ГДР на основе массы архивных материалов, доступ к которым был открыт сразу после ликвидации восточногерманского государства, происходила с беспрецедентной скоростью. Длина полка только с документами Министерства государственной безопасности составила 170 погонных километров. Оценка этих документов шла непрерывно и опиралась на опыт, накопленный после 1945 года. Так, сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься «проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (чего не было в свое время сделано при сведении счетов с национал-социализмом), которая уже собрала девять томов экспертных материалов и опросов свидетелей.

И действительно, ни одна область современной европейской истории после 1945-го не исследовалась столь интенсивно, как исчезнувшее в 1990 году восточногерманское государство и общество ⁷. К тому же изучать ГДР помогали многочисленные специальные институты. Кроме уже упомянутой парламентской комиссии, созданной в 1992-м, заслуживают упоминания Центр исследования современной истории в Потсдаме, Институт Ханны Арендт в Дрездене,

укрепляли представление о ГДР как о «государстве Штази». Это часто больно било по чувству собственного достоинства бывших граждан Восточной Германии, которые видели в ГДР отнюдь не только неправое государство и диктатуру. ФРГ в рамках исторической политики пока так и не удалось интегрировать все пережитое бывшими жителями ГДР в новое общегерманское национальное самосознание. Так, 8 мая 2009 года уроженка Восточной Германии канцлер

“Дебаты вокруг мемориала Холокоста в Берлине проходили отнюдь не мирно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору”.

Отдел образования и исследований при Федеральном уполномоченном по изучению документов службы государственной безопасности бывшей ГДР (по имени его первого руководителя именованный «ведомством Гаука» — ныне «ведомство Биртлера»). Открытие новых исторических музеев, реконструкция мемориалов в память о жертвах национал-социализма и создание мемориалов жертвам политических преследований в ГДР позволили в самое короткое время сформировать новую культуру памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и о ГДР. Взять хотя бы известную практику использования НКВД/МВД бывших национал-социалистских лагерей (в частности, Бухенвальда), где в 1945–1949 годах коммунистические капо (надзиратели из числа заключенных) сотрудничали с бывшим фашистским руководством лагерей.

Так как в 1990-х проработка прошлого была в основном сосредоточена вокруг восточногерманской службы государственной безопасности ⁸, все новые и новые открытия

Ангела Меркель назвала ГДР «неправовым государством» и «государством доносчиков».

Берлин, как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано как бы оплатить двойной послевоенный счет Германии. В центре города в 2005-м возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это головной музей Холокоста в Германии, место памяти и воспоминаний о шести миллионах жертв-евреев. Однако публичные дебаты вокруг Берлинского мемориала Холокоста проходили отнюдь не умиротворенно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору. Еврейский музей в центре Берлина — самый большой музей такого типа в Европе — был открыт еще раньше (2001). В память о других категориях жертв, например, о цыганах, которые протестовали против деления жертв геноцида на первый и второй сорт, должен быть создан отдельный мемориал.

Сооружение памятника Холокоста является своего рода апогеем исторической политики и политики памяти в Германии, но, с другой стороны, в воссоединенной Германии укрепляется взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. В этой связи характерны историко-политические демарши объединений «изгнанных», которые намереваются создать в Берлине «Центр против изгнаний». Другие группы выступают против декретов Бенеша⁹. Переселение восточноевропейских этнических немцев трактуется как «преступление против человечности», при этом игнорируется исторический контекст, то есть вопрос о причинах переселения. В соседних Польше и Чехии план создания Центра изгнанных имел сильный политический резонанс: здесь возникли опасения, что музей такого рода завуалирует вопрос о том, кто несет ответственность за Вторую мировую войну и тем самым за последовавшие изгнания.

Ландшафт немецкой памяти порой дает трещины в самых неожиданных местах. Так, до сих пор политически безупречный писатель Мартин Вальзер в своей благодарственной речи 11 октября 1998 года в связи с награждением его Премией мира Немецкой книготорговли раскритиковал «долг памяти». Освенцим, по его словам, превратился в универсальную «моральную дубинку», а «наш позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому». Вальзер выступил против «ритуализации» общественной памяти и за перенос конфликта с национал-социализмом на уровень индивидуальной совести.

Другого рода провокативность в отношении немецкой исторической политики продемонстрировал американский политолог Даниэль Голдхаген. В своей опубликованной в 1996-м в США диссертации «Исполнители воли Гитлера», которая появилась в

немецком переводе в 1998 году, он утверждает, что немцы — самое позднее с XIX столетия — стали руководствоваться когнитивной моделью «антисемитизма, исключаящего евреев из числа представителей рода человеческого» (*eliminatory Antisemitismus*), в результате чего евреи представляли людьми, заслужившими ненависть. Вопрос «Так все-таки все немцы виновны?» спровоцировал новый спор среди историков, который, как никакая другая дискуссия до этого, пробудил в обществе интерес к исторической науке и одновременно удовлетворил потребность СМИ в скандалах.

Можно привести много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой. Это подтверждается настоящим бумом в музеях, на выставках и на мемориальных мероприятиях, посвященных жертвам национал-социализма, и вообще широким присутствием исторической тематики в аудиовизуальных СМИ, в связи с чем часто говорят о «рыночной стоимости воспоминаний» (*Marktwert der Erinnerung*) и «театрализации памяти» (*Gedchnistheater*), спорами вокруг закона о компенсациях лицам, угнанным на принудительные работы в Третий рейх, выставкой (1995), посвященной преступлениям вермахта во Второй мировой войне, процессом запрета НДП, спорами о перемещенных ценностях и все новыми процессами над военными преступниками.

По-видимому, национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики, потому что прошлое — это не только некая память, которую можно отработать или преодолеть. Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое без надрыва и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора,

подобного Гитлеру, человечным, как в фильме «Крушение» режиссера Оливера Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме «Мой фюрер» режиссера Дани Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете.

Франция

Вырастающие из семантического контекста и философии немецкого языка понятия преодоления и проработки прошлого во Франции совершенно неизвестны. Концепт исторической политики сюда тоже до сих пор не проник. Напротив, отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти и «работой памяти» (*travail de mémoire*). Определяющим событием здесь стало появление в 1978-м статьи историка Пьера Нора о «коллективной памяти». Так же, как и в случае общего определения памяти, для Нора важно то, что историки могут извлечь из нее пользу, отмечая и описывая все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до сих пор не подверглись критическому анализу в историографии. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» («*Lieux de Mémoire*») (1984–1992)¹⁰, в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. В общественном дискурсе сначала использовалось только понятие «политика памяти» (*politique de la mémoire*), а также — намного реже — «управление прошлым» (*gestion du passé*). В 1990-х появилось понятие «долг памяти» (*devoir de mémoire*), которое сначала использовалось применительно к депортации и геноциду французских (и других европейских) евреев и на котором настаивали союзы бывших жертв депортации. Между тем моральный и нормативный долг памяти имеет отношение также и к другим категориям жертв.

Проблематике памяти посвящено необозримое море литературы, размеры которой можно сравнить только с объемом теоретико-методических и концептуальных статей о политике прошлого, исторической политике и культуре памяти в Германии. Однако даже с учетом того, что «политику, имеющую дело с памятью» (*Politik mit der Erinnerung*), часто весьма трудно отличить от «политики, имеющей дело с историей» (*Politik mit der Geschichte*), и от «политики, имеющей дело с прошлым» (*Politik der Vergangenheit*), французская «политика памяти» имеет совсем иные корни, нежели политика прошлого и историческая политика в Германии, не говоря уже о том, что они весьма различны по своим целям. Ниже я опишу некоторые важнейшие этапы формирования французской политики памяти и долга памяти. Кстати, отмечу, что современная французская история и историография морально-нормативной формуле «долг памяти» предпочитает выражение «политическое использование прошлого» (*usage politique du passé*, иногда во множественном числе: *usages politiques du passé*)¹¹.

Капитуляция 1940 года и последующая немецкая оккупация страны, продолжавшаяся вплоть до лета 1944-го, разрушили единство французской нации. После окончания оккупации надо было создавать новую основу национального единства, и различные политические силы принялись разрабатывать, по существу, модели преодоления возникшей ситуации. Необходимо было ликвидировать появившиеся в обществе разломы, опираясь на идею некоей скрепляющей нацию идентичности. Ключевую роль в этом сыграло Сопrotивление, идеологическое использование которого было особенно выгодно голлистам и коммунистам. В послевоенной Франции оба движения пользовались большим влиянием, и хотя

в идеологическом плане между ними было мало общего, для тех и других история и память значили очень много. В обеих партиях Сопротивление трактовалось как вооруженная национально-освободительная борьба. Каждая из них считала, что она не только представляет определенные политические интересы, но и образует некую общность, которая строится и легитимируется на основе объединяющей ее членов интерпретации истории. Де Голль и его сторонники обращались к тому

освобождалось от подозрений в пассивной лояльности этому режиму или даже его поддержке.

От Де Голя до Миттерана история выполняла терапевтическую и педагогическую функции. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации. Де Голль с особой настойчивостью возвеличивал нацию как раз в то время, когда Франция всего за несколько лет потеряла свою огромную колониальную империю. Наследовавший Де Голлю Жорж

“От Де Голя до Миттерана история выполняла терапевтическую функцию. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации”.

большинству французского населения, которое не участвовало в Сопротивлении, но и не сотрудничало с немцами. В голлистской модели внешнее сопротивление нацистам за пределами Франции, но также и внутреннее сопротивление, были в первую очередь продолжением войны, пусть и нетрадиционными средствами. При этом господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом, так что картина Сопротивления обходилась без фигуры борца Сопротивления, что обеспечило ее позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Эта голлистская интерпретация Сопротивления, не в последнюю очередь под влиянием государственной режиссуры, в 1950-х и 1960-х годах стала господствующей. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции

Помпиду перед лицом страхов, пережитых в связи с войнами в Индокитае и Алжире, напротив, призывал «забыть об этих ранах, разделяющих французов, из уважения к Франции». Миттеран же воспринимался как «верный и доблестный наследник» Французской революции, двухсотлетие которой он пышно отпраздновал, обходя спорные вопросы о революционной диктатуре и насилии, в отношении которых французы до сих пор расходятся во мнениях. Революция, по Миттерану, олицетворяла только права человека.

Свою непосредственную причастность к истории французские президенты охотно подтверждают эффектными публичными жестами. Так, в день своего вступления в должность президента Франции (21 мая 1981) Франсуа Миттеран посетил Пантеон, чтобы продемонстрировать тесную связь с «великими людьми нации». Связь с историей должна была продемонстрировать и состоявшаяся в 1984-м на полях сражений Вердена встреча французского президента с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем, которые протянули друг другу руку над могилами

800 тысяч павших здесь французских и немецких солдат в знак примирения бывших «заключенных врагов» (это очень напоминает эпизод с преклонением колен Вилли Брандтом перед мемориалом еврейского гетто в Варшаве «ради наступления мира»). Эта сцена в Вердене вошла в новый немецко-французский учебник истории, появившийся в рамках совместной историко-политической инициативы обеих стран.

Единственный президент Пятой республики, воспринимавший прошлое как

масштабах, чем президенты и канцлеры ФРГ. Заложенная во французской президентской конституционной системе полнота власти первого лица, которая легитимируется процедурой прямых всенародных выборов президента, обеспечивает ему, в частности, привилегию охранять историю от имени нации и выступать в роли верховного арбитра в отношении различных исторических интерпретаций. Президент также имеет право, например, принимать окончательное решение о том, кто из великих французов

“Французский миф о Сопротивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает непрерывную деконструкцию”.

груз, от которого следовало освободиться, — это Валери Жискар д’Эстен. Он, в частности, отменил в 1975 году торжественное празднование 8 мая (в свою очередь Миттеран отменил это решение Жискар д’Эстена сразу после своего избрания в 1981-м). В своем новогоднем телеобращении в 1977 году Жискар д’Эстен призвал французов не поддаваться «ревматическим болям истории».

Если Де Гюль и Миттеран полагали, что республика не несет никакой ответственности за преступления, совершенные режимом Виши, то Жак Ширак по сравнению со своими предшественниками выглядел просто иконоборцем: в своей речи, произнесенной 16 июля 1995-го в память жертвам «Вель д’ив»¹², он признал ответственность французского государства за депортацию евреев и призвал французов к покаянию.

Несмотря на то что во французском лексиконе нет термина «историческая политика», президенты Пятой республики (с 1958 года) пользовались историей как стратегическим инструментом своей политики в несравненно больших

должен быть помещен в национальный зал славы Пантеон (пантеонизация) и кто — из стратегических соображений — должен быть «депантеонизирован». Однако, в обход этой важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия тесно увязаны с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы. Так, французский миф о Сопротивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает непрерывную деконструкцию. Появляется все больше свидетельств выживших евреев, которые рассказывают о своем пребывании в лагерях. Фильм Марселя Офюльса «Печаль и жалость» (1972) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами, то умел с ними договориться. Хотя президент

Помпиду запретил показ «Печали и жалости» по государственному телевидению, этот фильм положил начало той фазе памяти, которую историк Анри Руссо назвал «разбитым зеркалом». Еще в 1971 году Помпиду, самолично не участвовавший в Соппротивлении, помиловал Поля Тувье, одного из бывших руководителей милиции режима Виши, который помогал шефу гестапо Клаусу Барбье в преследовании евреев. Помпиду хотел подвести черту под периодом, когда «французы не любили друг друга». В 1973-м появился наконец французский перевод книги американского историка Роберта Пакстона «Франция в период Виши», который еще в 1964 году проследил историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979-м (при Жискара д'Эстена) закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало исторические исследования режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма и ответственности французов за депортацию евреев становилось достоянием общественности. В 1980 году в Париже был основан Институт современной истории (*Institut d'histoire du temps présent*) — первое научное учреждение во Франции по изучению новейшей истории.

Основанные на архивных материалах работа Анри Руссо «Синдром Виши: С 1944 года до наших дней» (1987) и совместная работа Анри Руссо и Эрика Конана «Виши: Прошлое, которое не проходит» (1994), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов над военными преступниками. В юридическом и в гражданском плане эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для

политического просвещения и культуры памяти в стране.

Первым стал большой процесс против Клауса Барбье, одного из самых активных проводников политики национал-социализма в оккупированной Франции. В 1994-м помилованный президентом Помпиду Поль Тувье был приговорен французским судом к пожизненному заключению за участие в казнях евреев. Следующим в 1998 году стал процесс против Мориса Папона, генерального секретаря префектуры Бордо, подписавшего приказы об аресте и депортации из этого региона более 1 600 евреев. После войны Папон скрывал свое прошлое и быстро продвигался на государственной службе. В 1958-м Де Голль назначил его префектом полиции Парижа, а в 1961-м вручил ему орден Почетного легиона. В том же году, пользуясь полномочиями префекта полиции, Папон разогнал на улицах Парижа демонстрацию сторонников алжирского освободительного движения, о котором стали открыто говорить только в 1980-х годах. В 1978-м Папон стал министром бюджета в либерально-консервативном правительстве Жискара д'Эстена. Политическая карьера Папона закончилась только в 1981-м с приходом к власти левого правительства. В том же году в Бордо начался первый процесс в связи с его участием в депортации евреев в 1942–1944 годах. В конце концов в 1998-м он был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах.

Этот последний процесс имел особенно широкий общественный резонанс, докатившийся даже до школ. В 2006 году Верховный суд обязал телеканал «История» («*Histoire*») показать наиболее существенные эпизоды процесса над Папоном. К тому времени на этом канале уже прошли две серии передач о процессах против Барбье и Тувье.

С 1970-х отношение общества к Холокосту стало меняться. Еврейские организации активизировались, а депортированные в прошлом евреи начали открыто рассказывать о том, что они испытали в лагерях. Но вместе с этим нарастало и отрицание Холокоста, то есть существования газовых камер. 13 июля 1990 года был принят «закон Гайсо» (*Loi Gayssot*), названный по фамилии предложившего его депутата-коммуниста, против расизма, антисемитизма и ксенофобии, который предусматривал наказание за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида в отношении евреев, во время Второй мировой войны.

Закон Гайсо стал первым в ряду так называемых «законов памяти» (*lois mémorielles*), которые образовали ядро системы, именуемой во Франции «политикой памяти» вместе с «долгом памяти» (*devoir de mémoire*) и «работой памяти» (*travail de mémoire*). 29 января 2001-го влиятельное армянское меньшинство добилось принятия закона, в соответствии с которым «Франция публично признала геноцид армян в 1915 году».

В октябре 2006-го парламент постановил, что отрицание геноцида армян должно влечь за собой такое же наказание, какое закон Гайсо предусматривает за отрицание геноцида евреев. Однако через сенат этот закон пока не прошел (дело тормозится из-за оглядки на Турцию). Еще один «закон памяти», так называемый закон Тобира (*Loi Taubira* — по имени депутата-социалиста от Французской Гвианы), принятый 21 мая 2001 года, признает «преступлением против человечности» рабство и работорговлю.

Наряду со Второй мировой войной важнейшей темой во французской исторической политике и политике памяти является война в Алжире (1954—1962). Ангажированные кинорежиссеры уже давно проинформировали французское

общество о преступных страницах истории этой военной кампании, однако в официальном лексиконе словосочетание «война в Алжире» долгое время оставалось под запретом, так как оно затрагивало «честь Франции». Вместо этого говорили об «операциях французской армии в Алжире». О совершенных военными преступлениях и пытках французский официоз до недавнего времени не распространялся. Бывшая французская колония Алжир оставалась незаживающей раной не только для Франции, но и для алжирской стороны, которая ожидала жеста покаяния от бывшей метрополии¹³.

23 февраля 2005-го был принят закон относительно роли Франции как бывшей колониальной державы, и не только применительно к Алжиру. Закон был внесен усилиями лобби ностальгирующих репатриантов и французов алжирского происхождения, то есть преимущественно переселенцев из Алжира. Статья 4 этого закона требует, чтобы на школьных уроках учителя истории подчеркивали «позитивную роль французского присутствия на заморских территориях и, в частности, в Северной Африке».

Эти «законы памяти» с самого начала вызвали противодействие французской общественности. С одной стороны, опасались, что многочисленные группы жертв и меньшинств, требуя реализации своих «прав» или исполнения «долга памяти», станут преследовать исключительно собственные узкие интересы. С другой стороны, существовала опасность, что законодатели будут выходить за рамки проблем, имеющих отношение к французской национальной истории и исторической идентичности (как это было в случае признания геноцида армян). Исходя из этого, историки выступили принципиально против вмешательства законодательной

власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований. Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии вызвал беспрецедентные протесты против «преподавания официальной истории». В них, кроме преподавателей истории и ученых-историков, приняли также участие многие известные люди, которые выступали против всех «законов памяти, недостойных демократического

всего лишь за несколько недель до этого в пригородах больших городов молодые «французы» из семей иммигрантов жгли машины и общественные здания. Наконец президент Ширак вынужден был вмешаться в «битву памяти» (*bataille des mémoires*) между гражданами, тоскующими по колонизации, и ассоциациями потомков рабов с Антильских островов и Гваделупы: «В Республике нет никакой официальной истории. История не пишется на основании закона. Писать историю — это дело историков». В конце

“Историки выступили против вмешательства власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований”.

государства». В крупнейших ежедневных газетах, таких как *Le Monde* и *Libération*, публиковались петиции и призывы против юридического ограничения исторических исследований и против клятв в верности «историческому долгу». Созданное в 2005 году объединение «За свободу истории» (*Liberté pour l'histoire*) приняло обращение, в котором говорилось: «История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства, даже если она исходит из лучших побуждений, не является исторической политикой». Этот закон мог иметь и неприятные внешнеполитические последствия, так как его резко осудил президент Алжира Абдельазиз Бутефлика в речи, посвященной 60-й годовщине резни в Сетифе, Гелме и Бужи, когда по вине колониальных властей погибло около 45 тыс. алжирских гражданских лиц.

Внутрифранцузские споры «о положительной роли колонизации» были особенно ожесточенными, потому что

2005-го была создана парламентская комиссия по «оценке действий парламента в области памяти и истории», а годом позже проект закона о «Позитивном влиянии французского присутствия на заморских территориях» был отозван. Не в последнюю очередь новейшие исследования истории рабства и колонизации¹⁴ способствовали тому, что Ширак объявил 10 мая Днем отмены рабства. Он заявил с пафосом: «Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история — это история великой нации. Мы смотрим на нее с гордостью. И мы видим ее такой, какая она есть».

На этом фоне дебатов вокруг законов памяти и культуры памяти Николя Саркози в своей предвыборной кампании использовал французскую историю как неистощимый источник материала для утверждения национальной идентичности; это стало одним из его главных лозунгов. Как соперник Жака Ширака, он хотел преодолеть «самоотрицание» и «тенденцию

к систематическому раскаянию» и восстановить заслуги Сопротивления, заявляя, что Францию нельзя упрекать в соучастии в преступлениях Второй мировой войны, в том числе и в Холокосте.

Вскоре после своего вступления в должность в мае 2007 года вновь избранный президент декретом предписал, чтобы ежегодно 22 октября во всех средних школах страны зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопротивления Ги Моке, расстрелянного в 1941-м немецкими солдатами. Он должен был служить примером мужества и самоотверженного патриотизма для нынешней молодежи. В феврале 2008 года Саркози предписал, чтобы каждый ученик французской начальной школы взял своего рода шефство над памятью одного из 11 тыс. депортированных во время Второй мировой войны еврейских детей: каждый ученик должен знать имя и биографию хотя бы одного ребенка, погибшего в Холокосте.

Это невиданное в Пятой республике вмешательство президента в школьные программы встретило жесткое сопротивление как преподавателей, так и ученых-историков. Они защищались от попыток навязать им сверху предписанную историографию и превратить ее в «политический инструмент». Однако звучали и другие голоса, например члена Французской академии историка Макса Голло, который выступил в поддержку Саркози: «По окончании периода, начавшегося с речи Жака Ширака 16 июля 1995 года о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем оставить от этого времени только Виши и исключить Сопротивление. Франция была также и нацией Сопротивления». Характерно, что именно Саркози впервые

создал Министерство национальной идентичности и иммиграции.

Борьба против французских законов памяти вышла на общеевропейский уровень, когда в 2007-м на совещании министров европейских стран обсуждалось предложение о том, чтобы в каждой стране ЕС «публичное отрицание геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, пренебрежительное отношение к ним или грубое их преуменьшение» наказывалось, как во Франции, «лишением свободы на срок от одного года до трех лет». Поскольку возникла реальная угроза того, что во всем Европейском союзе последнее слово об исторических фактах будет формулироваться в виде судебных приговоров, в октябре 2008 года Пьер Нора от имени объединения «За свободу истории» опубликовал документ под названием «Воззвание из Блуа» (см. подверстку на с. 107), который подписали многие видные европейские историки и который был напечатан во всех крупных западных газетах. В нем говорилось, что в свободном государстве политические власти не имеют права определять, что есть историческая правда, и что нельзя ограничивать свободу историков, угрожая им уголовным преследованием. Политики должны заботиться о коллективной памяти, но ни в коем случае не должны институционализировать ее от имени государства посредством правовых актов.

Конечно, у «Воззвания из Блуа» сразу же нашлись противники, которые упрекали историков в том, что они якобы присвоили себе исключительное право на историческую память. Однако недавно споры о «законах памяти» во Франции утихли. Своим постановлением президент Национального собрания Франции Бернар Акуайе в ноябре 2008-го запретил впредь принимать законы, подобные уже принятым законам памя-

Воззвание из Блуа

«История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры, ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания.

Мы обращаемся к историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближай-

шее время поименно подписать наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины.

Мы призываем ответственных политиков: осознайте тот факт, что, обладая властью воздействовать на коллективную память народа, вы тем не менее не имеете права устанавливать законом некую государственную правду в отношении прошлого, юридическое навязывание которой может повлечь за собою тяжелые последствия как для работы профессиональных исто-

риков, так и для интеллектуальной свободы в целом.

В демократическом обществе свобода историка — это наша общая свобода».

Среди первых подписантов документа были *Элен Каррер д'Анкокс* (Париж), *Этьен Франсуа* (Берлин), *Тимоти Гартон Эш* (Оксфорд), *Карло Гинзбург* (Болонья), *Жозе Готович* (Брюссель), *Эрик Хобсбаум* (Лондон), *Жак Ле Гофф* (Париж), *Кароль Модзелевский* (Варшава), *Жан Плюссан* (Брюссель), *Серджо Романо* (Милан), *Генрих Август Винклер* (Берлин).

ти, а вместо этого разрешил принимать резолюции, не имеющие юридических последствий.

Если законы памяти в Пятой республике свидетельствуют о грубом вмешательстве политики в культурное и историческое наследие, то «Воззвание из Блуа» доказывает, что история в плюралистском обществе может оспариваться и становиться событием политического значения. Оно подтверждает важную роль историков в развитии исторического сознания общества, их ответственность за преподавание в школах и за школьные учебники, а также за директивы Министерства по вопросам воспитания. Воззвание свидетельствует и о том, что историки и интеллектуалы в состоянии тормозить историко-политические инициативы также и на европейском уровне.

Будущее покажет, в каком направлении будут развиваться общеевропейские дебаты между политиками, членами самых разных организаций и историками.

Кратко обрисованные здесь различия исторической политики в Германии и Франции можно в значительной мере списать на особенности истории XX века и несходство политических культур двух стран. И все же при сопоставлении глубинной предрасположенности обоих обществ к той или иной политике возникает вопрос: возможно, был прав французский историк Марк Блок (в 1944-м расстрелянный нацистами), утверждавший, что немцы «интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые издавна склонны руководствоваться здравым смыслом»? ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Adorno Th. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd 10/II. Frankfurt a. Main, 1977. S. 555–572. Русский перевод: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого?» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 42.*

² Разнообразным определениям этих понятий и концепций посвящено несчетное число научных трудов. Из самых важных работ, посвященных исторической политике и политике прошлого, а также культуре памяти, которые я использовала, следует назвать: *Frei N. Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996; Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung: 1948–1990. Darmstadt, 1999; Reichel P. Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit. Frankfurt a. M., 1999.*

³ Нюрнбергские процессы — это, во-первых, международный военный трибунал над главными военными преступниками (20.11.1945 — 01.10.1946) и, во-вторых, 12 последующих процессов над нацистскими военными преступниками, которые проводились в американской оккупационной зоне американским военным трибуналом и завершились 14 апреля 1949 года.

⁴ *Frei N. Op. cit. S. 13–14.*

⁵ См.: *Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen // FAZ. 06.06.1986; Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1987.*

⁶ *Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung // Die Zeit. 11.07.1986.*

⁷ Обзор исследований ГДР см.: *Mählert U., Wilke M. Die DDR-Forschung — ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989 // Deutschland Archiv. 37 (2004). S. 465–474.*

⁸ Здесь из множества литературных источников прежде всего следует назвать: *Gieseke J. Mielke-Konzern: Die Geschichte der Stasi: 1945–1990. München, 2001; Staatssicherheit und Gesellschaft: Studien zum Herrschaftsaltag in der DDR / J. Gieseke (Hg). Göttingen, 2007.*

⁹ В настоящее время имеется в виду прежде всего ряд декретов о лишении гражданства и имущества немецкого и венгерского населения Чехословакии, что привело, в частности, к изгнанию немцев из этой страны.

¹⁰ *Nora P. Mémoire collective // La nouvelle histoire / J. Le Goff, J. Revel (eds). P., 1978. P. 398–401; Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.). 7 vol. P., 1984–1992.*

¹¹ *Hartog R., Revel J. Les usages politiques du passé. P., 2001; Andrieu C., Lavabre M.-C., Tartakowsky D. Politiques du passé: Usages politiques du passé dans la France contemporaine. Aix-en-Provence, 2006.*

¹² *Vel d'Hiv* — зимний велодром, превращенный в центр для интернированных, место, куда французская полиция сгоняла евреев перед отправкой в концентрационный лагерь.

¹³ Полное описание алжирской войны см.: *La guerre d'Algérie: 1954–2004, fin de l'amnésie // B. Stora, M. Habit (eds). P., 2004.*

¹⁴ *Régent F. Esclavage, métissage, liberté, la Révolution française en Guadeloupe. P., 2004; Idem. La France et ses esclaves: De la colonisation aux abolitions: 1620–1848. P., 2007.*

Эстония: политическая борьба за место в истории

Интенсификация исторической политики в Эстонии обусловлена «онтологическим кризисом», одной из причин которого является успешное завершение процесса вступления в ЕС и НАТО | **АЛЕКСАНДР АСТРОВ**

Во время «поющей революции» конца 1980-х Март Лаар, впоследствии не раз возглавлявший правительство Эстонии, выступил с лозунгом «Верните народу его историю!». С тех пор прошлое неизменно было важным аргументом в постреституционной эстонской политике; не было недостатка и в рефлексии на эту тему¹. В начале нового столетия наблюдается явная интенсификация исторической политики. Под интенсификацией я имею в виду не только повышение «градуса» дискуссий или то, что они стали происходить чаще, но и очевидное смещение акцентов. Прежде в политических целях использовались главным образом события межвоенного периода или коммунистическое прошлое отдельных представителей политической элиты, теперь же все более заметное место в соответствующей риторике стали занимать понятия «тоталитаризм», «геноцид», «преступления против человечности». Подобное смещение акцентов позволяет говорить именно об интенсификации исторической политики, поскольку «тоталитаризм» и сопутствующие ему преступления все чаще трактуются не как исторические события, допускающие различия позиций и оценок, а как незыблемое основание глобальной политической истории.

Опыт тоталитаризма выносится за рамки легитимного плюрализма в качестве своего рода «меры всех вещей политических».

Описываемая «фундаментализация» тоталитаризма облегчает государственное противодействие «переписыванию истории», как это происходит в России; с другой стороны, она определенным образом структурирует современный политический дискурс, открывая новые возможности для активного участия в нем малых государств, которые традиционно являлись всего лишь объектами политической активности «великих держав». Такая структуризация как раз и является предметом рассмотрения данной статьи. Иными словами, для сообществ, некогда зачисленных Гегелем в «народы без истории»², «историческая политика» становится инструментом политической борьбы за место в историческом процессе.

Следует сразу отмежеваться от некоторых трактовок происходящего, лишь на первый взгляд схожих с позицией автора. Например, от интерпретации, предложенной недавно активистом российской «исторической политики» Александром Дюковым: «После распада СССР Эстония, как и другие Прибалтийские государства, встала перед необходимостью построения

новой национальной идентичности, не советской, которая бы отвечала параметрам заданной независимости, антироссийским устремлениям и так далее. И у Эстонии, несмотря на то, что это замечательная страна и у нее накоплен достаточно маленький опыт собственного государственного бытия, к сожалению, не оказалось других национальных героев, кроме членов полицейских батальонов, Эстонского легиона ваффен-СС, которые сражались против Советского Союза. Именно поэтому их пытаются героизировать, лепят из них новых национальных героев»³.

Вышеприведенный пассаж перекликается с мнением российской журналистки Галины Сапожниковой, много лет работающей в Эстонии. Сапожникова считает, что смена официальной эстонской риторики произошла чуть ли не в одночасье, сразу после вступления страны в Европейский союз⁴. Подразумевается, что, почувствовав себя в безопасности от восточного соседа, политическая элита Эстонии наконец дала волю застарелым, но тщательно скрываемым до этого фобиям.

На первый взгляд у подобного подхода есть резон. Наиболее ярким свидетельством можно считать памятник эстонцам, сражавшимся во Второй мировой войне в частях ваффен-СС, установленный летом 2004 года, или статью известного журналиста Каарела Таранда, опубликованную за неделю до официального вступления Эстонии в ЕС. В этой статье, появившейся в одной из главных ежедневных газет, *Eesti Päevaleht*, Таранд открыто пишет: то, что было немислимым сразу после восстановления независимости, теперь становится осуществимым: всех недозвольных политикой интеграции «иноземцев» можно собрать в небольшом лагере на границе с Россией⁵.

Но, присмотревшись к этим двум примерам чуть внимательнее и поместив их в соот-

ветствующий контекст, можно убедиться, что речь идет не о целенаправленном стремлении реализовать давние чаяния. Скорее очевидно обратное: после вступления в НАТО и ЕС в Эстонии усилилось ощущение неопределенности. Это ощущение в конечном счете привело к целой череде внутривластных кризисов, ответом на которые и стала «анти-тоталитарная» риторика. Важно понять, почему был найден именно такой ответ и почему он лежит в сфере внешней политики.

Гипотеза, предлагаемая в данной работе, заключается в следующем. В течение десяти с лишним лет после восстановления независимости основные параметры эстонской публичной сферы во многом определялись внешнеполитическими ориентирами, заданными в самом начале 1990-х. Стремление в НАТО и ЕС и высокая степень согласия по этому вопросу среди политической элиты страны привели к тому, что болезненные и потенциально конфликтные обстоятельства прошлого были отодвинуты на второй план и не стали предметом обсуждения в обществе. С другой стороны, во имя скорейшей трансатлантической интеграции ключевые вопросы развития страны решались ограниченным сообществом экспертов-технократов, которые концентрировались вокруг исполнительной власти вообще и министерства иностранных дел в частности⁶.

Сразу после вступления в НАТО, а затем и в ЕС общество оказалось в непривычной для себя ситуации: в одночасье утратил свою актуальность единый, консолидирующий нарратив, который долгие годы подменял собой собственно публичную сферу. Более того, стало очевидным и отсутствие общественных институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов. Именно в это время в средствах массовой информации стала все чаще звучать мысль о том, что необходимо сформулировать новую общенациональную цель, а

среди политиков приобрела популярность идея заключения формального «общественного договора».

Ситуация, сложившаяся в обществе в период с 2004-го по 2007-й год, может быть описана термином «онтологическое беспокойство»⁷. Суть этого понятия сводится к тому, что в условиях неопределенности, угрожающей не столько физическому выживанию субъекта, сколько самой его идентичности, в качестве решения зачастую избирается привычная социальная роль, даже если она сопряжена с

определялся возможностью апеллировать не к интересам, а к идентичности могущественных западных партнеров. Поскольку для формулирования собственных интересов необходимо решить вопрос о своей идентичности, малые государства региона успешно использовали дискурс трансатлантической солидарности с целью обуздания эгоистических порывов великих держав¹⁰.

Этой стратегии был положен предел (не без участия самих малых государств) с началом войны в Ираке и вызванным

“Стремление в НАТО и ЕС привело к тому, что потенциально конфликтные обстоятельства прошлого не стали предметом обсуждения в эстонском обществе”.

очевидными рисками. Сама по себе очевидность и привычность такого рода рисков оказывается предпочтительнее неопределенности⁸. В моменты резкого изменения мирового порядка государства также предпочитают привычные конфликты новым, неопробованным моделям поведения⁹.

Однако для малых государств подобная стратегия выхода из «онтологического кризиса» далеко не всегда возможна. Риски, связанные с участием в «реальной политике», которая опирается исключительно на объективные национальные интересы и порой объявляется внеисторической константой мирового порядка, могут оказаться неприемлемо высокими. Не в последнюю очередь потому, что такого рода «политический реализм» не может гарантировать надежной поддержки со стороны великих держав, которые в рамках данной парадигмы международных отношений должны руководствоваться исключительно собственными интересами. Опыт участия в международной политике после окончания холодной войны, который представлялся успешным малым государствам Центральной и Восточной Европы,

ею расколом внутри трансатлантического сообщества. В новой ситуации, хронологически совпавшей с наступлением онтологического кризиса во внутренней политике малых государств, последние столкнулись с противоречиями по поводу американского вторжения в Ирак между США и влиятельными союзниками в Западной Европе¹¹. Малые государства должны были любыми путями избежать однозначного выбора между американцами и европейцами, поскольку он означал бы конец идеи либерального трансатлантического сообщества и лишил бы «младших партнеров» главного инструмента, с помощью которого удавалось сдерживать эгоистичные интересы как тех, так и других. Решению этой задачи мешало предложенное Дональдом Рамсфельдом деление на «новую» и «старую» Европы, а также российские внешнеполитические усилия, направленные на акцентирование двусторонних отношений с великими державами в ущерб любым формам многостороннего сотрудничества.

Иными словами, на рубеже столетий как во внутренней, так и во внешней политике малых государств Центральной и Восточной

Европы возникла потребность в новом дискурсе единства или сообщества, членство в котором им было бы гарантировано.

В Эстонии внешнеполитическая элита страны была лучше других подготовлена для того, чтобы артикулировать такой дискурс (или, по крайней мере, его разрабатывать). Один из ее беспорных лидеров Тоомас Хендрик Ильвес, в тот момент временно находившийся не у дел, в 2003 году, еще до формального вступления в ЕС, выступил с резкой критикой как Рамсфельда, так и совместного письма Жака Дерриды и Юргена Хабермаса. По его мнению, антиамериканизм последних грозил Европе ошибкой исторического масштаба¹².

Переход от критики разнообразных «раскольников» к некоему подобию позитивной программы потребовал времени. Первый серьезный документ такого рода появился примерно через год после публикации письма Дерриды—Хабермаса. Интересно, что среди его инициаторов оказались два американских сенатора, Джон Маккейн и Джозеф Байден, тогда выступавших единым фронтом против внешнеполитического курса Буша, Вацлав Гавел, а также один из ведущих европейских атлантистов Карл Бильдт, сыгравший не последнюю роль в формировании постреституционной идентичности Эстонии. Эстонию опять представлял Ильвес, но теперь уже в роли депутата Европарламента. Документ этот известен как «письмо 115-ти», написанное по поводу трагедии в Беслане, но посвященное, главным образом, критическому анализу российской политики.

Среди подписантов был и известный французский эссеист Андре Глюксман, один из основателей группы «новых философов». Именно их трактовка «тоталитаризма» и основанное на ней понимание характера современных международных отношений сыграли, на мой взгляд, не последнюю роль в упомянутой выше смене акцентов в эстонской исторической политике.

Если присмотреться к тому, как именно и почему «новые философы» переопределяют тоталитаризм, процитированная позиция Дюкова, например, представляется неоправданно эгоцентричной. Эстонских политиков, вполне сознательно переписывающих историю, меньше всего интересует при этом Россия¹³. Как и в экономике, основные интересы эстонской «исторической политики» находятся на Западе, где разворачивается весьма своеобразное противостояние, определенное Глюксманом как «Запад против Запада»¹⁴. Для Эстонии, помимо всего прочего, это означает выход за рамки другого, более раннего историко-политического дискурса «спора историков», в свое время во многом определившего параметры восстановления независимости.

Спор историков

Термин «спор историков», *Historikerstreit*, изначально обозначал полемику об отношении немцев к германской истории и идентичности вообще и, в частности, к Холокосту, которая развернулась в момент окончания холодной войны. Германские правые трактовали Холокост как вынужденный ответ Германии на равнозначные по сути сталинские репрессии, а левые — как уникальное по своей бесчеловечности преступление нацизма, коренившееся в «особом пути» развития Германии. Политически *Historikerstreit* закончился победой левых¹⁵, которая не только укрепила послевоенный консенсус в самой Германии, но и во многом определила общеевропейское отношение к истории в ходе начавшегося вскоре процесса расширения ЕС.

Когда после крушения Берлинской стены дебаты, подобные *Historikerstreit*, стали одним за другим вспыхивать по всей Центральной и Восточной Европе, ЕС выдвинул негласное условие: кандидаты на членство в сообществе должны были принять не столько конкретный европейский консенсус по вопросу

истории, сколько установку на создание единого коммуникативного пространства. Это пространство подразумевало разделение на «частную» и «общественную» сферы; участникам европейской интеграции предлагалось формировать общеевропейскую общественную сферу на основе консенсуса, заведомо оставляя за рамками этого процесса более спорные, зачастую вообще не поддающиеся обсуждению вопросы своей «частной» идентичности.

“Эстонских политиков, переписывающих историю, меньше всего интересует Россия. Основные интересы эстонской «исторической политики» находятся на Западе”.

Однако если для «старых» членов ЕС это означало подтверждение на новом уровне принципа невмешательства в их внутренние дела, то в случае с государствами-кандидатами все выглядело иначе. Многим из них еще только предстояло сформировать свою внутреннюю общественную сферу, в том числе и посредством выяснения отношений с прошлым. А поскольку отношения эти в Центральной и Восточной Европе редко когда были сугубо внутренним делом отдельно взятых государств, ЕС старался регулировать этот процесс, особенно когда дело касалось пограничных споров или статуса национальных меньшинств.

Применительно к Эстонии внешнее регулирование предполагало присутствие миссии ОБСЕ, мандат которой касался межэтнических отношений внутри страны, и требование разрешить пограничные споры с Россией. По мере того, как вступление в ЕС и НАТО все больше оформлялось в практическую задачу, подлежащую планомерной реализации в соответствии с жестким графиком, задаваемым извне, отношения с Россией, как и отношение к местным русским, стали все больше смещаться из сферы

общественных дебатов и законодательных инициатив в область рутинных административных решений.

При этом речь не шла о прямом давлении со стороны ЕС или НАТО; скорее о том, как сами эстонские политики понимали те, иногда негласные, правила игры, которым им надлежало следовать для достижения главной политической цели: вступления в обе международные организации. В этом смысле позиция многих из них была предельно

точно обозначена одним из бывших министров иностранных дел Тривими Веллисте. Активный противник поправок к Закону о языке, на которых настаивали накануне расширения ЕС международные организации, Веллисте в конечном счете согласился с тем, что их следует принять; аргументируя свою позицию в парламенте, он говорил о «конфликте между опытом Эстонии и опытом международного сообщества, который складывался в ином историческом контексте»¹⁶.

Как показали последующие события, подлинная проблема заключалась в том, что ко времени произнесения этих слов конфликт между опытом Эстонии и опытом «старой Европы», «сложившимся в ином историческом контексте», затрагивал не только отношение к истории и национальной идентичности. Он касался тех процедур, уже утвердившихся за годы восстановленной независимости, посредством которых это отношение выяснялось. Если в «старой Европе» новый консенсус стал результатом напряженной, многолетней и, главное, открытой полемики, наподобие *Historikerstreit*, в Эстонии произошла двойная деполитизация общественной сферы. Вопросы, лежав-

шие в основе государственной идентичности, вытеснялись оттуда, с одной стороны, в область технократического администрирования, а с другой — в сферу политики безопасности.

Кульминацией этой тенденции явился лихулааский кризис 2004 года. В августе в местечке Лихула был установлен монумент в честь эстонцев, сражавшихся во Второй мировой войне на стороне Германии, но поводом для кризиса стала не установка памятника, а его демонтаж, осуществленный спустя менее чем две недели ночью, без

ных полюсов эстонского общества. Позиция одних выразилась в крылатой фразе *ЖОКК*, расшифровывающейся как «юридически все корректно»; они настаивали на неуместности в политической жизни этических требований, выходящих за рамки формального соответствия закону. Другие формулировали свое неприятие словами *Kommarid ahju!*, которые можно перевести как «Коммуник — в печь!», и, наоборот, сознательно эпатировали общественное мнение, требуя отставки находившихся во власти бывших функционеров коммунистической партии.

“Эстонские общественные деятели призывали взглянуть истории в лицо: признать неоднозначность как советского периода, так и сотрудничества с нацистами”.

какого-либо общественного обсуждения. Тогдашний премьер-министр, выступая уже после демонтажа, объяснил решение правительства соображениями национальной безопасности. Под этим подразумевалось недовольство, которое мог вызвать изображенный на барельефе солдат в нацистском мундире со стороны влиятельных союзников Эстонии, прежде всего США. Однако подобные объяснения, равно как и обстоятельства сноса монумента, только усилили общественное раздражение, одним из следствий которого стала отставка правительства.

Лихулааский кризис обнажил не столько ущербность еще недавно популярного правительства, сколько кризис публичной сферы. В распоряжении исполнительной власти оказались лишь два инструмента: тяжелая техника и ссылка на внешнеполитическую необходимость. Реакцией стало широкое общественное недовольство, вне зависимости от отношения к самому демонтированному таким образом памятнику¹⁷. Возмущение в связи со сносом монумента объединило представителей противополож-

Ведущие эстонские общественные деятели определяли этический кризис, поразивший общество, как процесс «децивилизации» или «делигитимизации» и отмечали, что истоки его следует искать в отношении эстонцев к своей истории. История, утверждали они, отпустит нас лишь тогда, когда мы наберемся смелости взглянуть ей в лицо. А это требует признания неоднозначности как советского периода, так и сотрудничества с нацистами. В противном случае памятники, подобные лихулааскому или таллинскому, будут и впредь оставаться яблоком раздора.

На деле, однако, историческая тематика была узурпирована правым крылом эстонской политики. Правые политики активно использовали ее в ходе полемики 2005 года о том, следует ли президенту Рюйтею ехать в Москву на празднование шестидесятилетия окончания Великой Отечественной войны, а также в последующих дебатах о пограничном договоре с Россией. Заметно активизировались и наиболее радикально настроенные эстонские националисты. В апреле 2005 года они создали Эстонское национали-

стическое движение, активисты которого опубликовали письмо с требованием немедленного сноса монумента советскому солдату на Тынисмяги; в письме выражалось сомнение в способности государства, контролируемого из «Вашингтона, Брюсселя, Тель-Авива и Москвы», пойти на такой шаг. Излюбленными мишенями движения стали не только бывшие коммунисты в составе эстонских органов власти и памятник на Тынисмяги, но и ЕС и интеграционная политика внутри страны.

Таким образом, когда в мае 2006 года активисты Эстонского националистического движения оказались среди основных участников событий на Тынисмяги, тогдашнее правительство не испытывало к ним ни малейших симпатий. Ключевые для последующей эскалации конфликта слова премьер-министра Ансипа о том, что он не желает «разговаривать с маргиналами» и «не позволит самоchinному сообществу контролировать часть эстонской территории», в равной мере относились как к эстонским националистам, так и к русским активистам¹⁸.

Единственным крупным эстонским политиком, заявившим о своем желании открыто встретиться с активистами «Ночного дозора», стал Март Лаар, поставивший при этом одно условие: встреча должна была быть посвящена обсуждению истории, а не политики. Подобный подход отражал позицию, и поныне доминирующую в эстонском обществе: политические проблемы в отношениях между двумя общинами являются следствием различий в прочтении истории. При таком подходе история представляется набором объективных фактов, поддающихся беспристрастному обсуждению. Политика же сводится к вопросу, так сформулированному старейшим эстонским политическим комментатором Энном Соосааром: «Возможно ли вообще, и если возможно, то как именно, воспитать лояльных граждан Эстонской

Республики из тех десятков и десятков тысяч, что верят российской пропаганде больше, нежели историческим фактам и историческим документам?»¹⁹.

Но существует и другой взгляд, подразумевающий более сложное соотношение между историей и политикой и, как следствие, иную историческую политику. Одна из наиболее ярких формулировок этой позиции принадлежит Юри Луйку, в разные годы занимавшему посты министра иностранных дел, министра обороны, посла в США и в НАТО²⁰.

Потребность в новом дискурсе

Позиция Луйка, сформулированная в его статье в февральском номере *Diplomaatia* за 2008 год, резко отличается от работ других авторов. В Эстонии 2008 год прошел под знаком юбилея обретенной в 1918-м независимости. Выпуск *Diplomaatia*, ставший одним из первых юбилейных мероприятий, был похож на все предыдущие выпуски того же издания. Стандартный для подобных случаев ансамбль авторов рутинно обсуждал привычные темы: юридические аспекты утраты независимости в конце 1930-х; предпосылки ее восстановления в начале 1990-х... Лейтмотив номера в целом был также не оригинален: главной особенностью Эстонии в контексте мировой истории и международной политики является ее «малость» и связанная с ней необходимость полагаться на иные ресурсы, чем те, что имеются в арсенале «великих держав». Выпуск *Diplomaatia* был посвящен главному из этих ресурсов — международному праву.

В отличие от своих соавторов, Луйк с самого начала решительно дистанцируется от легалистской риторики. О правах Эстонии как члена международного сообщества, пишет он, часто говорят там, где следовало бы вести речь об обязательствах. Рассуждая же о специфических обязательствах государств, освободившихся от ком-

мунистического ига, действительно следует извлечь уроки из прошлого. Однако прошлое в данном случае лишь косвенно связано с историей. Оно — сугубо практическое, причем «практика» концептуально отделена от правовой стороны. Статья посвящена тому, что предшествует праву и является предпосылкой его функционирования, — политике.

Основной тезис Луйка сводится к следующему. Семнадцать лет, прошедшие с момента крушения коммунизма в Восточной и Центральной Европе, — не повод для того, чтобы забыть о преступлениях коммунизма. Наоборот, за эти годы многие восточно- и центральноевропейские государства сумели выстроить собственные правовые институты, достаточно крепкие для того, чтобы наконец заняться расследованием этих преступлений. Основой для такого расследования является отнюдь не «переписывание истории», не пересмотр итогов Нюрнбергского трибунала, а наоборот — следование их букве и духу в той части, что дает определение «преступлениям против человечности». Задача заключается не в ревизии этих определений, а тем более фактов, на основе которых они были сформулированы. Речь должна идти об их неукоснительном применении, но теперь уже и в отношении деяний, предварительно классифицированных как «преступления коммунизма» в изданной в 1997 году и вызвавшей весьма неоднозначную реакцию в Европе «Черной книге коммунизма»²¹.

На первый взгляд отсылка к книге, которая в свое время вызвала немало споров, может показаться слабым местом в аргументации Луйка. Но при более внимательном взгляде понятно, что Луйк не склонен безоговорочно солидаризироваться с утверждениями редактора «Черной книги» Стефана Куртуа. В частности, если Куртуа обвиняли — оправданно или нет — в антисемитизме за утверждение, будто нынешнее значение

Холокоста является результатом деятельности «международных еврейских организаций», Луйк, наоборот, ставит деятельность этих организаций в пример. Если в статье Луйка и идет речь об уроках прошлого, это прежде всего уроки, связанные с деятельностью неправительственных еврейских организаций. И главное, чему, по его мнению, у них стоило бы поучиться, это умению целенаправленно формировать международный политический консенсус посредством конкретных, четко сформулированных и эффективно реализованных инициатив.

Именно формирование консенсуса по вопросу о преступлениях коммунизма и является, по мнению Луйка, важнейшей задачей посткоммунистических обществ. При этом он настаивает, что институты, создаваемые для осуществления этой задачи, будь то национальные или международные, не должны иметь юридических полномочий. Прежде всего, они призваны инициировать публичное и как можно более широкое обсуждение тех событий, которые хорошо известны историкам. Нужны не альтернативные исторические или юридические расследования, а новая общественная сфера — что и является главным смыслом политики.

В завершение своей статьи Луйк пишет, в чем именно заключается важность создания новой публичной сферы. Посткоммунистические общества «начнут нормально функционировать лишь в том случае, если их боль будет открыто обсуждена и универсально признана». Государства, «испытывающие трудности, легче других становятся жертвами иллюзий об идеальном обществе»; молодые люди в майках с портретом Че Гевары — свидетельство того, что подобные иллюзии пользуются популярностью и в наши дни. «И только новый международный консенсус позволит нам избежать этих опасностей».

Это заявление интересно сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, спустя четыре

года после присоединения Эстонии к ЕС оно признает наличие «трудностей общественного роста». В нем говорится, что эстонское общество, как и многие другие в Центральной и Восточной Европе, нельзя назвать нормально функционирующим. Подобное заявление — не редкость в повседневном «домашнем» дискурсе практически любой страны. Но в данном случае оно явно диссонирует с общим тоном юбилейных торжеств, в рамках которых было сделано. Еще сильнее оно контрастирует с привычным для Эстонии характером обсуждения между-

то есть восстановления в отделившейся от СССР Эстонии идеализированного национального государства межвоенного периода. Тем более что такого рода признание не требовало бы титанических усилий по формированию нового международного консенсуса, а, наоборот, могло бы опираться на уже сложившийся после Второй мировой войны — и, в частности, в результате *Historikerstreit* — европейский консенсус в вопросе об издержках национального государства как такового.

Представляется, что причина заключается в отсутствии *какого бы то ни было* междуна-

“По мнению политика Юри Луйка, формирование консенсуса по вопросу о преступлениях коммунизма является важнейшей задачей посткоммунистических обществ”.

народных проблем, которое, как правило, выглядит как отчет об успехах уважаемых правительственных экспертов.

Между тем практически сразу после публикации статьи Луйка одобрительные ссылки на нее стали чуть ли не обязательными в любой сколько-нибудь серьезной общественной дискуссии. Что является косвенным свидетельством в пользу изначально заявленной нами гипотезы: интенсификация «исторической политики» в Эстонии обусловлена не укреплением позиций государства после вступления в ЕС и НАТО, а, наоборот, «онтологическим кризисом», одной из причин которого является успешное завершение этого внешнеполитического проекта.

Но почему Луйк считает, что стратегия преодоления этого кризиса должна опираться именно на историческую политику, при этом направленную почти исключительно на преодоление коммунистического прошлого? Если главную опасность он видит в соблазнительных мечтах об идеальном обществе, кажется, следовало бы признать, что подобного рода мечтой была и идея реституции,

родного консенсуса, будь то внутриевропейского или трансатлантического. Именно это является главным побуждающим стимулом для выступления Луйка и многочисленных подобных высказываний далеко за пределами Центральной и Восточной Европы. Данное предположение подтверждается тем, что Хабермас, чей «гражданский патриотизм» воспринимался в качестве европейского ответа на вопросы, поставленные в ходе *Historikerstreit*, теперь оказался в самом центре трансатлантического раздора. Впрочем, истоки этого разлада можно разглядеть задолго до окончания холодной войны, на самом ее пике, в ходе социальных потрясений конца 1960-х—начала 1970-х годов теперь уже прошлого столетия.

На это указывает и внутреннее напряжение, присутствующее в статье Луйка. С одной стороны, последовательно проводя различие между сугубо политическими вопросами и всеми прочими, он подчеркивает, что нынешний статус Холокоста ни в коей мере не был, да и не мог быть предопределен самими по себе юридическими решениями

Нюрнбергского трибунала или профессиональными исследованиями историков. Он стал результатом длительной и напряженной политической борьбы. Борьба эта, по собственному признанию Луйка, могла увенчаться успехом лишь в 1960-е, когда на смену первоначальному желанию поскорее оставить позади трагедию двух мировых войн пришло стремление заново оценить собственное прошлое. Пришло, опять же, не само по себе, но под напором радикально настроенного молодого поколения. С другой стороны, Луйк

в последнюю очередь те, что ассоциируются с появлением на политической арене «поколения шестидесятых». К тому моменту, когда представители этого поколения стали приходить к власти, за плечами у них был уже не один онтологический кризис, в том числе в связи с разоблачением преступлений коммунизма.

По свидетельству американского попутчика некогда «новых» европейских левых Пола Бермана, для будущих политиков типа Фишера или Кушнера главным вопросом не

“Концептуальный язык «новых философов» пришелся весьма кстати эстонским политикам, переживавшим кризис идентичности”.

явно озабочен пристрастием сегодняшних молодых к майкам с портретом Че.

Возможно, причины этого напряжения в том, что «молодые люди», вызывающие озабоченность Луйка, не так уж абстрактны и анонимны, как может показаться на первый взгляд. Среди поклонников Че был и молодой студент-медик Бернар Кушнер, который посвятил «доктору Эрнесто Че Гевара» свою диссертацию. В 2007-м, незадолго до появления статьи Луйка, он стал министром иностранных дел Франции. А в разнообразных антологиях, посвященных шестидесятым, его имя часто встречается в одном ряду не только с Йошкой Фишером или Даниэлем Кон-Бендитом, но и, скажем, Биллом Айерзом, основателем радикальной американской организации *Weather Underground*, в связях с которым пытались уличить Барака Обаму в ходе президентской гонки 2008-го ²².

Конечно, эти имена и ассоциации сами по себе не способны объяснить, почему Луйк так озабочен формированием нового международного консенсуса. Но невозможно отрицать, что за этими именами стоят конкретные перемены в мировой политике, не

только политики, но и идентичности вообще всегда был выбор между коллаборационизмом и сопротивлением ²³. Однако после того, как сгладились бурные противоречия шестидесятых, делать этот выбор становилось все труднее. К середине семидесятых, во многом под влиянием трудов Солженицына, во Франции сложилась группа «новых философов», в состав которой вошли интеллектуалы, некогда — как, кстати, и редактор «Черной книги» Куртуа — принадлежавшие к радикальным маоистским группировкам. Теперь для них именно «тоталитаризм» и «борьба с тоталитаризмом» стали ответом на вопросы, порожденные подобными кризисами.

«Новые философы» переопределяют тоталитаризм как «абсолютное зло», являющееся к тому же и непреложным историческим фактом. Неоспоримость этого факта определяется неразрывной связью между тоталитаризмом и геноцидом. Противостояние безусловному злу становится основой для выбора между коллаборационизмом и сопротивлением; абсолютный характер этого зла позволяет не только оградить идентичность от приступов «онтологического беспокойства», но

и позиционировать себя относительно сразу нескольких значительных политических сил. Это и антиамериканизм, и исламский фундаментализм, и «европейский нигилизм», косвенно потворствующий всевозможным тиранам. Мир, по словам одного из основателей группы, Глюксмана, делится на тех, «для кого не существует фактов, лишь чистые символы веры», и тех, для кого «свободная дискуссия, направленная на отделение правды от вымысла, имеет смысл; для кого политика, наука и сила суждения основаны на фактах, не зависящих от спорных или приобретенных пристрастий»²⁴. Тоталитаризм в различных его проявлениях, с точки зрения «новых философов», представляет собой именно такой непреложный факт.

Однако, при всей важности неоспоримых фактов для «новых философов», у них есть совершенно особый соперник — «политический реализм». Суть этого неприятия точно передает Берман: «Реализм никогда не противостоит геноциду. Современный геноцид всегда творится на периферии великих событий и никогда в эпицентре; а политический реализм озабочен калькуляцией могущества в центре, озабочен, по выражению [другого основателя “новых философов”, Алена] Финкелькраута, калькуляцией Большой Истории. Геноцид атакует слабых, реализм защищает сильных»²⁵.

В результате новая европейская идентичность тоже формируется на периферии большой европейской политики — если воспользоваться формулировкой Глюксмана, «на ветрах, дующих нынче между Тбилиси и Киевом». Она формируется вопреки «антилиберализму, антиамериканизму и страхам перед мигрантами с юга и, прежде всего, с востока»²⁶. Так что нет ничего удивительного в том, что в первые же дни российско-грузинской войны 2008-го Глюксман и его коллега Бернар-Анри Леви еще до выяснения обстоятельств происшедшего на Кавказе

ринулись на защиту Михаила Саакашвили, причем не только от «российского империализма», но и от «реализма» ветеранов американской внешней политики Шульца и Киссинджера. Как не удивительно и то, что их атака на «холодный реализм» была подхвачена на страницах *Die Welt* руководителями эстонского «Союза Отечества» Мартом Лааром и Андресом Херкелем²⁷.

Речь не о прямом словесном заимствовании, а о том, что концептуальный язык «новых философов» пришелся весьма кстати эстонским политикам, переживавшим кризис идентичности, — ведь те, кто создавал этот язык, находились в сходной ситуации. Если для Глюксмана, Леви и Финкелькраута это был кризис преодоления их собственного маоистского прошлого, то для политиков в Эстонии он стал реакцией на разлад внутри трансатлантического сообщества. Но и в том, и в другом случае возникла необходимость в новой, по возможности неизбежной, основе для групповой идентичности. И заново переосмысленный тоталитаризм вполне подходил для решения этой задачи — как атрибут больших коллективистских проектов, Большой Истории и великодержавности и как непредвиденное, но неизбежно трагическое следствие поминаемых Луйком грез об идеальном обществе. С одной стороны, такой тоталитаризм позволял оправдывать внешнюю политику США, вызывавшую все большее недовольство в «старой Европе»; с другой — позволял дистанцироваться от американских неоконков, позиция которых так или иначе пересекалась с идейными установками «реализма». По выражению Глюксмана, «новые философы» с их специфическим прочтением истории предлагали для малых государств Восточной и Центральной Европы особый вход в мировую политику (и мировую историю), вход для «всей этой “мелкоты”, за которую “реалисты” никогда не давали и ломаного гроша»²⁸.

Нельзя не заметить сходства аргументации «новых философов» с недавней речью эстонского президента Ильвеса в Университете города Турку. Как и Луйк в своей статье, Ильвес говорил о возможности (и необходимости) конструирования новых, основанных на консенсусе идентичностей, которые не были бы, как это случалось прежде, «навязаны нам историей и другими»²⁹. Другими, которые теперь, подобно гегелевским «народам без истории», в отведенной им роли «народов без демократии» оказываются также и вне истории³⁰.

“Политическим итогом «спора историков» на эстонской почве стало временное замораживание конфликтной полемики о сути двух тоталитарных режимов прошлого”.

Повторяя в этой речи свою шестилетней давности критику Хабермаса, Ильвес, возможно, сам того не замечая, воспроизводит не только хабермасовскую идею конструируемого «гражданского патриотизма», но и лежащее в ее основе дюркгеймовское деление на «традиционные» и «индустриальные» общества. Эта одномерная и эсхатологическая по сути модель истории позволяет Хабермасу предложить конкретное историческое наполнение для абстрактной кантианской критики «традиционного» метафизического сознания: «воля к разуму» находит конкретное воплощение в процессе модернизации, который Кант мог лишь предвидеть, а мы, согласно Хабермасу, обязаны завершить. Что, в свою очередь, требует отказа от любых форм «фундаментализма». С другой стороны, будучи все же теоретической моделью, конструкция Хабермаса избавляет от необходимости прислушиваться к конкретному историческому разнообразию всевозможных традиционалистских общин внутри Европы (или тех, что пытаются сохранить свой традиционализм). Как всякая модель,

она подразумевает, что «в принципе мы уже знаем все, что следует знать о религиозных мусульманах Европы, при этом никак не соприкасаясь с реальными заботами и стремлениями конкретных сообществ, каждое из которых порой приходит в демократическое общество по своей особой исторической траектории»³¹. В случае с «новыми философами» эта модель становится оправданием «самодовольного секуляризма, являющегося таким же заложником неоспоримых истин, как и самый “фундаменталистский” из мусульманских дискурсов»³².

Но эстонская историческая политика нуждается в неоспоримости: она необходима для того, чтобы прочертить четкую границу, отделяющую демократическое от недемократического, и тем самым обрести точку опоры для политического действия. Внутренний фундаментализм этой позиции в явном виде сформулирован в статье депутата Европарламента Тунне Келама об отношениях между ЕС и Россией: «Миссия объединенной Европы должна заключаться в том, чтобы говорить правду, устанавливая границы, подчеркивая, что наши принципы и ценности не являются предметом переговоров»³³.

При этом Келам преподносит свое видение отношений между ЕС и Россией как «реальную политику», ссылаясь на Черчилля, для которого ключом к загадке России являлись ее национальные интересы. Очевидно, что не подлежащие обсуждению принципы и ценности, о которых говорит Келам, имеют такое же отношение к «реальной политике», какое понимание российских национальных интересов Черчиллем имело к независимо-

сти Эстонии после Второй мировой войны. Учет национальных интересов России приходил в противоречие с независимостью Эстонии, которая и была принесена в жертву. Но я бы не спешил уличать Келама в невежестве. Как всякий искушенный в своем деле практик, он работает с тем, что имеет, не слишком заботясь об академической безупречности своих аргументов. А имеет он очевидное смещение акцентов в европейско-российских отношениях после грузинской войны в сторону «реальной политики». И вместо того, чтобы плыть против набирающего силу европейского течения, пытается направить его в нужное русло, обращаясь для этого к дискурсу «новых философов». При известном упорстве и умении искать союзников такое по силам и самым малым государствам, что видно на примере дискурса «новых философов», если теперь, в заключение, сравнить его с дискурсом *Historikerstreit*.

Политика «мелкоты»

Политическим итогом «спора историков» на эстонской почве стало временное замораживание потенциально конфликтной полемики о сути (и о возможном сравнении) двух тоталитарных режимов прошлого, столь важного для формирования государственной идентичности Эстонии. Практическим оправданием для такого замораживания являлась идея европейской стабильности, в свою очередь неразрывно связанная как с наличием трансатлантического консенсуса, так и с установкой на дружескую поддержку российских реформ со стороны Запада. В начале нового столетия обе эти внешнеполитические опоры несколько расшатались, а эстонская внутренняя политика оказалась в состоянии кризиса. Возникла необходимость в новом консолидирующем дискурсе, который отвечал бы как внутренним, так и внешним политическим приоритетам; и, как сказал в одном интервью президент Ильвес: «Пока

не напишем сами, будем переводить»³⁴. Образцов было предостаточно. Можно вспомнить, например, упомянутую выше (см. примечание 15) переписку Франсуа Фуре и Эрнста Нольге или многочисленные публикации близкого к неоконсерваторам Роберта Кейгана, одна из которых, например, была положена в основу проведенной в Таллине международной конференции³⁵. Но если европейский сравнительный анализ двух тоталитарных режимов с его консервативной критикой «нового времени» не мог служить источником искомой определенности, американский неоконсерватизм опасно граничил с «реалистской» фиксацией на Большой Истории и ее могущественных действующих лицах.

«Новые философы» сознательно позиционировали себя в качестве европейских партнеров американских неоконсервативов; они с готовностью опирались на американское могущество, но для решения политических задач ссылались на уроки европейской истории, главным из которых для них был тоталитаризм. При их трактовке тоталитаризма, однако, не могло быть и речи о следовании Хабермасу в другой части его анализа — той, где окончание холодной войны означало не только возможность преодоления тоталитарного прошлого, но и предвесье «возможного крушения другого режима, анонимно утверждаемого на мировом рынке... и, похоже, уже не способного контролировать растущую безработицу и бездомность, не говоря уже о растущем неравенстве между богатыми странами и остальным миром». Как заметил Ален Бадью, подобная философская позиция исключала возможность «объединить людей вокруг позитивной идеи Добра», ибо этический консенсус, основанный на априорном определении Зла, подразумевает, что «любой коллективный революционный проект... оборачивается тоталитарным кошмаром»³⁶.

Но в случае Эстонии все эти теоретические издержки могли бы с лихвой окупиться практической выгодой «политики мелкоты». Стоило попытаться заново выстроить вокруг нее утраченный международный консенсус, чтобы вновь использовать его в качестве эффективного внешнеполитического инструмента против интересов тех, кто, по словам Луйка, «утверждает, что мы разрушаем консенсус, создавая свою параллельную вселенную». Причем речь в данном случае не только об отношении к тоталитаризму. В структуре мирового порядка малые государства, вся эта «мелкота», почти всегда находились в параллельной вселенной, за рамками Большой Истории, творимой великими державами. При этом нет никакого сомнения в

том, что среди тех, кто сегодня практикует анти тоталитаристскую версию исторической политики, немало желающих просто свести счеты с конкретными державами, прежде всего с Россией, или использовать анти тоталитаризм в качестве внешнеполитического инструмента, который может обеспечить поддержку со стороны других великих держав, прежде всего США. Их выступления слышатся чаще и звучат громче. В том числе и в Эстонии. Однако в мою задачу входило обратить внимание на гораздо более серьезный и при этом гораздо менее заметный со стороны элемент эстонского интеллектуального дискурса, в котором историческая политика является инструментом политической борьбы за место в истории как таковое. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Собственно, сама по себе интерпретация вновь обретенной в результате распада СССР фактической независимости как «восстановленной» (отсюда термин «реституция», то есть восстановление эстонской государственности) стала результатом напряженной политической борьбы и исторической рефлексии. Если в общении с остальным миром Эстония выступала более или менее единым фронтом, внутри добивавшейся независимости республики вопрос о том, какую именно историю следовало вернуть народу, являлся ключевым вопросом «поющей революции».

² О том, как система международных отношений и политические системы вообще структурируются посредством вынесения за их рамки определенных элементов, будь то «народы без истории», «государства-изгой», «апатриды» или «люмпен-пролетариат», см., например: *Simpson G.* Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereignties in the International Order. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004; *Laclau E.* On Populist Reason. L.: Verso, 2005.

³ *Kanoos E.* Российский историк надеется на дискуссию с эстонскими коллегами // DELFI (Таллин). 2009. 28 марта.

⁴ *Трошкина Р.* Обратный код: разговор с врагом народа // Суббота (Рига). 2009. 14 мая.

⁵ *Tarand K.* Eesti keel on venelastele parim // Eesti Päevaleht. 2004. Apr. 24.

⁶ См.: *Raik K.* Bureaucratisation or Strengthening of the Political? Estonian Institutions and Integration into the European Union // *Cooperation and Conflict*. Vol. 37. No 2. 2002. P. 137–156; *Idem.* EU Accession of Central and Eastern European Countries: Democracy and Integration as Conflicting Logics // *East European Politics and Societies*. Vol. 18. No 4. 2004. P. 567–594.

⁷ Термин предложен Энтони Гидденсом. См.: *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. N. Y.: Polity Press, 1991.

⁸ Так, например, в определенном социальном контексте подвергающаяся домашнему насилию женщина может рассматривать постоянные побои как меньшее зло по сравнению со статусом «брошенной жены».

⁹ *Mitzen J.* Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. Vol. 12. No 3. 2006. P. 341–370.

¹⁰ *Schimmelfennig F.* The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action, and the Eastern Enlargement of the European Union // *International Organization*. Vol. 55. No 1. 2001. P. 47–80. Под

«идентичностью» в данном контексте понимается та социальная роль, которая отводится субъекту в рамках мирового порядка. После окончания холодной войны идентичность западных держав формулировалась, главным образом, вокруг либеральных ценностей, к которым и апеллировали малые государства Центральной и Восточной Европы, пытаясь убедить своих западных партнеров во второстепенности, а то и этической неприемлемости таких традиционных интересов, как защита внутренних рынков от наплыва дешевой рабочей силы с Востока или сохранение партнерских отношений с Россией ценой ограничения процесса расширения НАТО.

¹¹ Наиболее ярким выражением этого конфликта стало заявление так называемой «вильнюсской десятки» новых членов НАТО с поддержкой интервенции в Ираке, появившееся в то время, когда Франция и Германия активно противостояли идее интервенции в ООН.

¹² *Ives T. H. Taassünni ajalooline valu // Eesti Päevaleht. 2003. Jul. 17.* Письмо Дерриды и Хабермаса, достаточно неожиданное в свете давних философских разногласий между ними, было одновременно опубликовано во Франции и Германии. Суть его заключалась в том, что отдельные методы «продвижения демократии» являют собою угрозу демократии. См.: *Derrida J., Habermas J. Unsere Erneuerung. Nach dem Krieg: Die Wiedergeburt Europas // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2003. Mai 31; Idem. Europe: plaidoyer pour une politique extérieure commune // Libération. 2003. Mai 31.*

¹³ См.: “We Want to Re-Write History”: Interview with Estonian President Toomas Hendrik Ilves // Spiegel Online. 2007. Jun. 26.

¹⁴ *Glucksmann A. Ouest contre ouest. P.: Plon, 2003.*

¹⁵ На уровне собственно истории полемика продолжалась гораздо дольше. Одним из самых интересных ее документов является переписка Франсуа Фуре и Эрнста Нольте, опять же несущая на себе, если воспользоваться выражением Нольте, отпечаток «западной гражданской войны». См.: *Furet F., Nolte E. Fascisme et Communisme: échange épistolaire avec l'historien allemand Ernst Nolte prolongeant la Historikerstreit. P.: Plon, 1998.* (Более подробно о «споре историков» см. в материале Ютты Шеррер на с. 89–107.)

¹⁶ Спорные поправки, рекомендованные международными организациями, были призваны изменить законодательство, которое ограничивало использование иностранных языков (к числу которых относился и русский) не только в государственных учреждениях, но и в частном бизнесе, например. Кроме того, существовал ряд специфических языковых ограничений на участие в муниципальных выборах.

¹⁷ См.: *Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the “War of Monuments” in Estonia // Nationalities Papers. Vol. 36. No 3. 2008. P. 425–448.*

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Аспов А. Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? Таллин: Издательство Таллинского университета, 2007.*

¹⁹ *Soosaar E. Muulaste lõimumise rajad // Postimees. 2007. Oct. 22.*

²⁰ *Luik J. Meie kohustus // Diplomaatia. No 54. Febr. 2008.*

²¹ *Le Livre noir du communisme: Crimes, terreur, répression / S. Courtois (ed.). P.: Robert Laffont, 2000.* Главное разногласие связано с тем, следует ли считать вслед за некоторыми авторами сборника, что преступления коммунизма — явление того же порядка, что и преступления нацизма. На эту тему на Западе уже много лет идет интенсивная полемика.

²² Тут следует отметить, что эстонская политическая элита весьма настороженно отнеслась к выдвижению Обамы на авансцену американской политики. В ходе президентской гонки большинство эстонских политиков не скрывали, что предпочли бы видеть в Белом доме Маккейна. Ни одна из эстонских газет не уделила сколько-нибудь серьезного внимания предвыборной речи Обамы в Берлине или — уже после избрания его президентом — выступлениям в Каире и Москве. Зато действующий при Министерстве обороны Эстонии Центр стратегических исследований стал одним из организаторов письма бывших центрально- и восточноевропейских политиков, выразившего озабоченность возможным ослаблением роли НАТО в регионе и трансатлантических связей вообще. См.: *The New York Times. 2009. Jul. 20.*

²³ См.: *Berman P. Power and the Idealists: Or, the Passion of Joschka Fischer, and Its Aftermath. N.Y.: W.W. Norton, 2007.*

²⁴ *Glucksmann A. Mohammed und die Gaskammern // Die Welt. 2006. März 6.*

²⁵ *Berman P.* Power and the Idealists. P. 84.

²⁶ *Glucksmann A.* Das Land der Europa-Nihilisten // *Die Welt*. 2005. Jun. 1.

²⁷ *Herkel A., Laar M.* Russland ausschließen! // *Die Welt*. 2008. Sept. 14.

²⁸ *Glucksmann A.* Beslán, la moral y la política // *El Pais*. 2009. Jun. 15.

²⁹ *Iltves T. H.* Kes me oleme? Kus me oleme?: Rahvuslik identiteet ja vaimne geograafia // *Akadeemia*. No 6. 2009. P. 1067–1074.

³⁰ Мысль о демократии как части эсхатологического по сути исторического процесса наиболее отчетливо звучит в наделавшей немало шума другой речи Ильвеса, произнесенной им на форуме угро-финских народов в Ханты-Мансийске. За неимением места, отмечу лишь, что речь в Турку почти дословно повторяет некоторые основные мотивы того выступления.

³¹ *Henkel H.* “The Journalists of Jyllands-Posten Are a Bunch of Reactionary Provocateurs”: The

Danish Cartoon Controversy and the Self-image of Europe // *Radical Philosophy*. Iss. 137. May/June 2006.

³² *Ibid.*

³³ *Kelam T.* An EU *Realpolitik* to Unravel the Riddle of Unruly Russia // *Europe’s World*. No 11. Spring 2009.

³⁴ *Iltves T. H.* Kuni me ise ei kirjuta, peame tõlkima // *Sirp*. 2007. Jan. 26.

³⁵ *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N.Y.: Knopf, 2008. (Перевод его статьи “End of Dreams, Return of History”, которая легла в основу этой книги, см. в *Pro et Contra*. 2007. Т. 11. № 6. — **Прим. ред.**)

³⁶ *Badiou A.* L'éthique: Essai sur la conscience du Mal. P.: Nous, 2003. Один из крупнейших современных философов, Бадью, был хорошо лично знаком с Глюксманом и Леви во времена их тогда еще совместного маоистского активизма.

Проблема вынужденной федерализации

Огромная территория России, ее многообразие и заложенный в Конституции федеративный порядок создают дополнительные ограничения на пути демократизации страны

Ирина Бусыгина, Михаил Филиппов

Нынешняя общественно-политическая система России была сформирована в условиях благоприятной мировой экономической конъюнктуры, которая на протяжении десяти лет создавала возможности для непрерывного роста бюджетных ресурсов государства и повышения доходов населения. С 2000 года постепенное улучшение экономических условий происходило на фоне высокой популярности президента. Российские власти объявляли важнейшей целью экономическую и политическую стабильность. Между тем критики выстроенной при Путине политической системы указывали, что ключевым ресурсом политической стабильности является высокий рейтинг российского руководства. Система как таковая еще ни разу не проходила проверку на устойчивость при понижении рейтинга высшего должностного лица, а потому не ясно, какие нагрузки она может выдерживать и насколько велика ее способность к адаптации в кризисных условиях. Без такой проверки о стабильности политической системы говорить по меньшей мере преждевременно. В конце 2008 года из-за мирового экономического кризиса ситуация в России принципиально изменилась: доходы россиян стали уменьшаться, начала расти безработица. В случае затяжного экономического кризиса популярность россий-

ского руководства может упасть; такое падение и станет первым серьезным испытанием существующей политической системы.

В нашей статье мы исходим из того, что продолжение мирового экономического кризиса — вынужденно — создаст запрос на реформы в России. Иными словами, внешние шоки и кризисы могут стать стимулом для поиска новых моделей, теорий, политических инноваций. В этом случае между возможными «проектами» по выходу из кризиса развернется конкуренция: сторонники альтернативных решений будут стараться убедить себя и других в том, что они наиболее адекватно понимают суть проблем и могут предложить оптимальные решения.

Для успеха демократических реформ в любой стране существует немало препятствий и ограничений. Как объяснял на страницах этого журнала Леонид Григорьев¹, важнейшим требованием для осуществления модернизации и реформ является наличие коалиции политических сил, которая опирается на граждан и различные (конкурирующие) группы бизнеса и может в течение длительного времени поддерживать реформаторский выбор. При этом неизбежны серьезные разногласия и конфликты интересов внутри коалиции по поводу возможных целей и приоритетов развития страны и, соответственно, направлений реформ.

Формирование такой коалиции в сегодняшней России кажется маловероятным. Однако мы полагаем, что при дальнейшем ухудшении экономической ситуации готовность элит создавать такую коалицию и рассматривать возможные варианты реформ может существенно повыситься.

Вслед за Антоном Олейником мы признаем, что кризис «делает пороки существующих “правил игры” рельефными, облегчает осознание необходимости действовать, а не сидеть сложа руки, искать эффективные альтернативы»². На этом основании мы стремимся, подобно Олейнику, видеть в кризисе источник оптимизма, но тем не менее вероятность оптимистического сценария кажется нам не слишком высокой. Наша задача — показать, что дополнительными ограничениями на пути демократических преобразований могут стать размер страны, ее многообразие и федеративный порядок, заложенный в Конституции.

Демократизация и федерализм в России: ограничения, связанные с размером и разнообразием страны

Одна из наиболее серьезных проблем, возникающих на пути демократической трансформации России, связана с размером страны и ее территориальным устройством. Огромное географическое пространство России и ее многонациональный состав будут неизбежно ограничивать скорость и характер проведения реформ, сильно повышая издержки и риски.

Многие авторы, обсуждающие тему возможного демократического будущего России, исходят из того, что с началом демократической трансформации произойдет и возврат к федеративным принципам, в частности, к выборности губернаторов. Согласно опросам, большинство россиян хотели бы, чтобы губернаторы избирались путем народного голосования³. Даже те, для кого демокра-

тические преобразования нежелательны, признают, что в условиях экономического кризиса и сокращения бюджетных ресурсов федерального центра определенная степень «вынужденной федерализации» неизбежна⁴.

На основании теоретического анализа и практического опыта других государств можно заключить, что демократическая политическая система в большой и многонациональной стране возможна только на основе федеративного государственного устройства. Действительно, все большие многонациональные демократические государства являются федеративными⁵. И напротив, ни одно из *современных* многонациональных государств, отказавшихся от практики федерализма, пока еще не преуспело в демократическом развитии. С другой стороны, все большее число исследователей приходит к выводу, что федерализм — сложная и «капризная» конституционная форма государства, для которой требуется как минимум хорошо функционирующая демократическая политическая система⁶. Без полноценной демократии, в особенности на региональном уровне, невозможно обеспечить стабильность, а значит, и эффективность федерации. Более того, в отсутствие развитого демократического процесса и партийной системы федерализм как конституционная форма приводит к росту анархии, которая либо заканчивается распадом федерации, либо провоцирует переход к жесткой централизации, то есть фактический отказ от федерализма. Такой теоретический вывод подтверждается как опытом последних лет Советского Союза, так и политической динамикой Российской Федерации. Отсюда следует, что Россия, по всей видимости, не сможет позволить себе «роскошь» федерализма, поскольку не является полноценной демократией ни на центральном уровне, ни тем более на уровне регионов.

Проблема взаимозависимости демократизации и строительства федеративных

отношений не сводится к тому, какой из двух процессов должен стартовать раньше. Более важным представляется то, что возврат к федерализму — будь то в результате демократической трансформации или как реакция на экономический кризис и ограниченные ресурсы Центра — неизбежно влечет за собой политическую нестабильность в регионах, вплоть до угрозы территориальной целостности страны. Такая угроза дает серьезный аргумент противникам демократизации, которые на этом основании требуют отказа от демократических методов. В более общем виде проблема заключается в том, что в российских условиях переход к институционализованной либеральной демократии на некотором этапе неизбежно сопровождается повышенными политическими рисками.

А потому этот переходный период вызывает опасения даже у тех, кто твердо убежден, что целью России должно быть развитие либеральной демократии. Социологические данные, полученные на основе работы с фокус-группами, подтверждают подобное предположение⁷.

Мы считаем, что в России для осуществления демократизации в целом и федерализации как части этого процесса (прежде чем возникнут первые положительные плоды таких реформ) необходимо время, вложение значительных экономических и политических ресурсов, и к тому же этот процесс сопряжен с серьезными рисками. Политические реформы потребуют терпения как от населения, так и от политических игроков. Меры, которые будут приняты на начальном этапе таких реформ, могут оказаться непопулярными и вызвать сопротивление со стороны влиятельных политических игроков и населения. Так что реформаторы должны будут проявить политическую волю: не только принять решение о проведении реформ, но и не отступать от непопу-

лярного курса, невзирая на краткосрочные и среднесрочные издержки.

Любые демократические реформы неизбежно ослабляют Центр и его способность контролировать положение дел в регионах, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе. При этом утрата Центром политических и экономических рычагов воздействия на регионы возвращает Россию в ситуацию 1990-х годов. Тогда многие демократически ориентированные эксперты исходили из принципа «нулевой суммы», то есть «или сильный Центр — или сильные регионы», но это противопоставление оказалось ошибочным. В стабильных федерациях сильны и Центр и регионы.

Одна из наиболее острых проблем связана с этническими регионами⁸. В 1990-е годы лозунги федерализма служили прикрытием и оправданием стихийной децентрализации, то есть массового присвоения регионами функций и полномочий федерального центра. С возникновением публичной политики «расколы» в обществе, прежде всего этнические, приобрели политическое значение, так что в этнических регионах мобилизация избирателей происходила под лозунгами суверенитета или даже автономии своей республики.

«J-кривая» результатов экономических реформ

Обсуждая необходимость или желательность демократических реформ в России, нередко игнорируют проблему издержек переходного периода. Подразумевается, в частности, что движение в сторону демократизации и федерализации будет способствовать улучшению экономической и политической ситуации в стране и регионах. Например, Константин Сонин утверждает, что обществоведами установлена зависимость: «чем конкурентнее выборы, тем меньше коррупции». Поэтому для уменьшения коррупции в России пред-

лагаются увеличить возможности для политической конкуренции — «в нашем случае это означает вернуть выборы губернаторов и избрать новый парламент по одномандатным округам»⁹.

Не вдаваясь в детали перехода к демократии («Это выяснится в конкретном политическом процессе. Формулы из политологических учебников здесь не работают»), Егор Гайдар призывает российское руководство поскорей вязаться в бой: «Важно принять стратегическую линию на демократическую трансформацию, а дальше решать конкретные

жек и результатов экономических реформ. В исследованиях указывается, что на первом этапе экономических реформ правительству следует готовиться к ухудшению экономической ситуации и только потом может наступить улучшение. В частности, экономисты предсказывали, что в посткоммунистических странах экономическому росту будет предшествовать падение объемов производства, нарастание инфляции и безработицы. В действительности в большинстве стран экономический упадок оказался даже глубже, чем прогнозировали экономисты. Заметим, что

“Некоторые исследователи пришли к заключению о несовместимости одновременной либерализации экономики и демократизации политической системы”.

политические и технические вопросы»¹⁰. В качестве необходимых шагов Гайдар называет «демократизацию режима, разделение ветвей власти, восстановление независимости прессы, реальных выборов, федерализма, независимости судебной системы — всего того, что позволяет обществу приспосабливаться к реалиям меняющегося мира». Правда, Гайдар добавляет, что «это путь непростой, его не пройдешь за несколько месяцев, но многие страны на этом пути преуспели»¹¹.

Комментируя идеи Гайдара, Олег Сысуев выразил еще больший энтузиазм: «Как ни странно, сейчас надо заняться решением политических проблем. Надо усилить шаги по демократизации общества, надо вернуться к рассмотрению проблемы федерализма... предоставления компетенции, денег, свободы и расширения компетенции местного самоуправления»¹².

Игнорирование вопроса об издержках демократической трансформации со стороны ведущих экономистов не может не удивлять, при том какое внимание экономическая наука уделяет соотношению издер-

социальные издержки и давление общества на реформаторов с требованием свернуть реформы считались ключевыми препятствиями для успеха экономических преобразований. Хотя в долгосрочной перспективе рыночные реформы должны были создать выгоды для всех граждан, ожидалось, что в начале реформ проигравшие в процессе изменений (в результате сокращения государственных субсидий, закрытия убыточных предприятий, перевода скрытой инфляции в открытую форму и т. п.) сформируют мощную оппозицию. Так, Адам Пшеворский еще в конце 1980-х выдвинул гипотезу о том, что в условиях демократии болезненные последствия преобразований в ряде посткоммунистических стран приведут к победе на выборах и приходу к власти антиреформаторских или популистских сил, которые де-факто свернут реформы¹³. На основе такого аргумента некоторые исследователи пришли к заключению о несовместимости одновременной либерализации экономики и демократизации политической системы. Для того чтобы противостоять нажиму со

стороны противников рыночных реформ, правительство реформаторов должно оградить себя от политического давления. Если же антиреформаторские силы в обществе преобладают, то необходимо защититься от влияния общества в целом. В частности, Стивен Хаггард и Роберт Кауфман, ссылаясь на примеры двенадцати стран Латинской Америки и Азии, утверждали, что «политическая изоляция» правительства от оппозиции особенно важна в начале реализации проекта трансформации¹⁴.

Пшеворский обозначил основную проблему экономических реформ в посткоммунистических странах как болезненный спуск в «долину трансформации» для последующего подъема на «высокие вершины» рыночной экономики». Наглядно проблему можно проиллюстрировать с помощью «J-кривой», на которой по вертикали отмечены показатели экономического благополучия населения в гипотетической посткоммунистической стране, а по горизонтали — этапы трансформирования экономики от плановой до рыночной. Кривая, отражающая изменение экономического положения страны по мере продвижения экономических реформ, напоминает английскую букву «J». На ней видно, что экономические реформы сначала вызывают трансформационные издержки и лишь после этого начинают приносить обещанные экономические выигрыши.

«J-кривая» положена в основу часто цитируемой работы Джоэла Хеллмана, в которой проанализирована политика «частичных реформ» в посткоммунистических обществах¹⁵. Хеллман предложил оригинальное объяснение «основному парадоксу политической экономии реформ», который, по его мнению, заключается в следующем: если экономические реформы в конечном счете улучшают жизнь всех или большинства жителей страны, почему они вызывают такие политические разногласия, особенно в демо-

кратических системах? С его точки зрения, трудности реформирования объясняются не только и не столько действиями тех, кто пострадал в процессе изменений — то есть «проигравших» от реформ. Более серьезная проблема заключена в «победителях», а точнее, в «ранних победителях» в результате частичных реформ. Оказалось, что многих «ранних победителей» в процессе трансформации весьма устраивает ситуация половинчатых реформ, поскольку именно она позволяет им удерживать свои позиции и извлекать различные «ренды» как из государства, так и из общества. Представители группы, выигрывающей от половинчатых реформ, будут стремиться к сохранению сложившейся ситуации до тех пор, пока она не перестанет приносить им выгоду. Поэтому, утверждал Хеллман, необходимо широкое политическое участие: даже если оно повысит политическое влияние представителей «проигравших», все равно без него не удастся преодолеть давление «победивших», стремящихся заморозить реформы. Напротив, чем более процесс принятия решений изолирован от общества, тем большую власть получают те, кто пытается заморозить процесс реформ во имя максимизации преимуществ от своего привилегированного статуса.

«J-кривая» результатов демократизации

Проблемы политической трансформации авторитарных обществ в сторону большей открытости были проанализированы Иэном Бреммером¹⁶. Его метод весьма схож с анализом издержек экономических реформ. В своей книге, в какой-то момент ставшей бестселлером в США, Бреммер предложил использовать «J-кривую» для объяснения трудностей политической трансформации авторитарных режимов. Автор указывает на взаимосвязь между стабильностью государства и демократической открытостью. По

его определению, «стабильность» включает в себя два важных элемента: эффективное противостояние политическим, экономическим и социальным кризисам и способность избегать ситуаций, которые к ним приводят. «Открытость» имеет как внешнюю, так и внутреннюю составляющие. Внешняя — мера того, насколько свободно государство позволяет людям, идеям, информации, товарам и услугам пересекать границы. «Внутренняя открытость» подразумевает свободный поток информации и идей внутри страны: могут ли граждане свободно говорить друг с другом? есть ли у них доступ к точной информации о событиях, происходящих в других частях страны? могут ли они влиять на ход управления страной?

Некоторые страны (Северная Корея, Мьянма, Зимбабве, Беларусь) стабильны именно благодаря закрытым недемократическим политическим режимам, которые не позволяют политическим конфликтам выйти из-под контроля государства. Другие — США, страны ЕС, — напротив, стабильны, поскольку опираются на «открытую» демократическую политическую систему. Такие системы менее приспособлены для подавления конфликтов, но способны их лучше разрешать. Граждане этих стран и внешние наблюдатели уверены, что политические и социальные проблемы можно разрешить мирным путем при посредстве независимых институтов; при этом граждане страны будут считать легитимными и сам процесс решения, и его результаты. В таких открытых демократических системах институтам — а не конкретным личностям — принадлежит важнейшая роль; именно институты, а также согласие населения и политических игроков следовать кодифицированным правилам обеспечивает высокий уровень стабильности.

Бреммер предлагает построить график, на котором по вертикали отмечена политическая стабильность различных стран

мира, а по горизонтали — их открытость, как внешняя, так и внутренняя. При размещении стран в виде точек на графике образуется та же «J-кривая». На ней видно, что страна, «стабильная благодаря закрытости», может стать «стабильной благодаря открытости», только преодолев опасный период политической нестабильности. Некоторые государства, например, Южная Африка после отмены апартеида и Испания после Франко, смогли пережить этот период. Югославию и Советский Союз попытки подобного перехода привели к распаду.

Другие страны, пытавшиеся строить демократическую политическую систему, потеряли часть своей территории (Эфиопия, Индонезия, Малайзия, Индия).

Многие полиэтничные страны просто отказались от демократической трансформации.

Движение слева направо вдоль кривой показывает, что с началом движения стабильность резко падает, при этом открытость повышается непропорционально медленно. Следующий отрезок как раз и описывает опасный период нестабильности. Важно подчеркнуть, что сократить его невозможно, поскольку авторитарные элиты не могут в одночасье быть заменены легитимными институтами. Но если признать, что переходный период неизбежен, то задача может заключаться в том, чтобы сделать его менее опасным, то есть «приподнять» среднюю часть петли.

Россия: трудности демократизации, связанные с размером и многообразием

Нам представляется, что упомянутые выше, а также многие другие экономические исследования имеют прямое отношение к той проблеме, которая обсуждается в данной статье: к издержкам демократической трансформации и переходу к федерализму в современ-

ной России. Если отдача от экономических и политических реформ может наступить лишь после периода нестабильности, то в большой и многообразной стране с федеративным устройством трудности многократно возрастают. Обращаясь к логике «J-кривой», мы утверждаем, что в такой стране переходная «петля нестабильности» проходит ниже по оси, чем в небольших и однородных государствах.

Заметим, что в федеративном государстве процесс демократизации — это не только и даже не столько реформирование централь-

ного федерализма может создать угрозу для политиков, находящихся у власти, именно благодаря незавершенности федеративных реформ. Это означает, что любые реформы, вероятно, займут даже больше времени, чем можно было бы рассчитывать исходя из расчетов минимизации издержек.

При этом процесс федерализации и без того требует значительного времени для успешного воплощения. Для того чтобы федерализация была успешно осуществлена, недостаточно, рассчитав баланс выгод и издержек, построить эффективную схему

“Выбор степени децентрализации в федеративном государстве существенно осложняется из-за взаимодействия нескольких равноправных уровней власти”.

ного правительства, сколько преобразование политического процесса в регионах страны. В условиях России центральная власть в среднем более демократична, чем регионы. Например, степень «управляемости» демократии в этнических республиках всегда была выше, чем в целом по стране, а тем более в Москве. Мы считаем, что при обсуждении перспективы политических реформ в России необходимо обратить особое внимание на повышение риска политической нестабильности в регионах в начале процесса демократизации.

Особенно интересным представляется вывод, сделанный в ряде экономических исследований, о сопротивлении реформам со стороны тех, кто выигрывает от их половинчатого характера. Применительно к федерализации России это может означать, что те самые региональные лидеры, которые сегодня выступают за возврат к федеративным отношениям, завтра могут решить, что им выгодно заморозить «переходный», неустойчивый характер федерализма. Развитие в сторону консолидированной демократии и эффектив-

децентрализации государственных функций; основная сложность федерализации — политическая.

С политической точки зрения выбор степени децентрализации в федеративном государстве существенно осложняется из-за взаимодействия нескольких равноправных уровней власти, между которыми необходимо поддерживать баланс.

Децентрализация в унитарном государстве означает, что центральное правительство из своих соображений решает делегировать определенные полномочия на более низкие уровни. В условиях федерализма способ разделения полномочий, функций и обязанностей совершенно иной. Главное отличие в том, что федерализм предполагает *равноправие* сторон федерального и регионального уровня, хотя бы в тех сферах, в которых стороны выстраивают договорные отношения. Такие отношения означают, что стороны отстаивают собственные интересы, конкурируют друг с другом за полномочия и ресурсы, торгуются, соглашаясь в итоге на некий компромисс. Данный процесс способствует тому,

чтобы наиболее привлекательные свойства федерализма проявились на практике.

Успешное развитие федерализма должно привести к плодотворной конкуренции между разными регионами и уровнями государственного управления — за потребителей, инвестиции, потоки миграции и т. д. Такая конкуренция лежит в основе «сохраняющего рынок» федерализма¹⁷. Знаменитый «механизм Тибу», позволяющий достичь оптимального соотношения между частным и общественным потреблением, также основан на территориальной конкуренции¹⁸. В успешно функционирующей федерации регионы становятся своего рода лабораториями законодательных инноваций, благодаря которым можно снизить отрицательные последствия ошибочных централизованных решений.

Однако для того, чтобы потенциальные выгоды территориальной конкуренции и договорных отношений реализовались на практике, необходимо обеспечить стабильность правил игры (институтов). Здесь уместно провести аналогию с рынком и административно-плановой системой советского типа. Потенциальные преимущества рынка всем известны, однако оказывается, что они не реализуются автоматически и в одночасье. Опыт постсоветских реформ показал, что для реализации преимуществ рыночных отношений необходима кропотливая работа по выстраиванию сложной системы институциональной поддержки. Для того чтобы рынок эффективно функционировал, нужно обеспечить не только соответствующее законодательство и механизм выполнения законов, но и готовность участников следовать определенным неформальным правилам и нормам. В сложной современной экономике без такой системы институциональной поддержки рыночные отношения принимают неприглядный вид, знакомый нам из опыта реформ 1990-х годов. У многих россиян уродливые формы перехо-

да к рынку вызвали ностальгию по временам административно-планового застоя.

Для эффективного функционирования конституционного федерализма также требуется институциональная «поддержка», особенно в такой огромной многонациональной стране, как Россия. Без такой поддержки конституционная практика федерализма не только будет неэффективной, но и может быстро переродиться в опасную и разрушительную форму государственной анархии и безответственности.

Федерализм как вынужденный выбор

Огромный размер России и ее исключительное многообразие крайне затрудняет переход к демократии; федерализм еще более обостряет ситуацию. Однако выхода нет: альтернативой федерализму выступает либо распад на более мелкие и однородные образования, либо отказ от демократии и построение многонациональной империи. В России, во имя поддержания территориальной целостности, приходится выбирать между имперской моделью и, по существу, моделью этнической федерации¹⁹.

Этническая модель федерализма основывается на признании особых прав национальных меньшинств, что неизбежно приводит к ограничению или даже ущемлению интересов большинства. Однако в то же время такой подход может быть вполне разумной ценой за минимизацию центробежного давления на государство со стороны этнических регионов.

Критики этнической модели федерализма справедливо указывают на ее многочисленные недостатки и в России, и в других странах. Организационная сложность, децентрализованность и неизбежная хаотичность этнического федерализма, его асимметричность с присущей ей «несправедливостью» и множественными перекосами хорошо знакома как российским исследователям,

так и населению России по политическому опыту 1990-х годов. Тем не менее мы убеждены, что реальной альтернативы этническому федерализму у территориально целостной России нет.

Применительно к России мы вынужденно склоняемся к этнической модели федерализма как к меньшему из возможных зол; это та цена, которую надо заплатить за сохранение целостности страны. При этом подразумевается, что выбор в пользу этнической модели будет сделан навсегда, а не «всерьез и надолго», как у Ленина. Более того, политическая

принуждение не может обеспечить жизнеспособность многонационального государства, если это идет вразрез с интересами региональных элит.

Империя и федерация применяют разные механизмы для того, чтобы обеспечивать заинтересованность региональных элит в стабильности Центра. Если империя добивается этого путем устранения политической конкуренции и подбора элиты по принципу личной преданности центральному руководству, то федерация для достижения желаемой цели, напротив, использует политическую

“Империя и федерация применяют разные механизмы для того, чтобы обеспечивать заинтересованность региональных элит в стабильности Центра”.

система должна быть выстроена таким образом, чтобы этнические меньшинства были уверены: выбор в пользу этнической модели федерализма — не пустые слова, а добросовестные обязательства национального большинства. В этом и заключается связь федерализма с демократией: только в полноценной демократической политической системе у национальных меньшинств возникают основания доверять тем обязательствам, которые взяло на себя большинство.

Важно подчеркнуть, что в многонациональной стране модели империи и демократического федерализма опираются на схожие источники стабильности — заинтересованность региональных элит в Центре. В обоих случаях устойчивость режима требует, чтобы региональные элиты были непосредственно заинтересованы в поддержании институционального статус-кво и федерального или имперского Центра, который выступает его гарантом. Если заинтересованность национальных элит исчезает, и империя и федерация в равной мере обречены. В современных условиях внутрисистемное

конкуренцию. Конкуренция создает центростремительные стимулы, давая преимущество тем региональным кандидатам, которые готовы конструктивно поддерживать баланс между федеральным Центром и регионами. Механизм империи можно сопоставить с плановой директивной экономикой (региональные руководители прямо назначаются из Центра — «сверху»), а механизм многонациональной федерации — с рыночной экономикой (руководители отбираются в процессе конкуренции — «снизу»).

Сегодня в России политические эксперты, близкие к власти, выдвигают концепцию «вертикали политического лидерства». Так, в докладе Института общественного проектирования о перспективах политической системы РФ говорится следующее: «Перспектива развития российской политической системы состоит в том, чтобы политическое лидерство спускалось по пирамиде политической системы вниз и расширялось. Именно здесь решение вопросов кадровой политики, представляющей собой многолетнюю проблему. Способствовать появлению политических

лидеров — одна из основных задач политических партий...»²⁰.

Соблазн собрать воедино все лучшее из федеральных и имперских подходов, или из плана и рынка, исторически порождал гибридные институциональные комбинации. Эти конструкции отличаются неустойчивостью и обычно мутируют в сторону одной из двух форм, причем этот процесс сопровождается серьезными социальными сдвигами. Более того, колебания между империей и федерацией могут происходить многократно: распадающаяся империя становится этнической федерацией, а та снова сменяется имперской моделью. В качестве примеров можно привести режимы в СССР, Пакистане, Индонезии, Эфиопии, Уганде и Нигерии. Нам представляется, что в России с 1999 года начался дрейф в сторону имперской модели.

Проблема с империями заключается в их финансовой убыточности. Для обеспечения лояльности национальных меньшинств и региональных лидеров национальному большинству приходится перераспределять значительные ресурсы в пользу этнических элит. Когда таких ресурсов оказывается недостаточно, империи теряют устойчивость. Классик американской политической науки Уильям Райкер, чьи работы лежат в основе современных теорий федерализма, еще в 1960-е годы объяснял, почему в начале XX века на смену империям пришел федерализм как основной механизм обеспечения контроля над большими территориями²¹. Развитие технологий, прежде всего технологий вооруженного сопротивления, сделало практически невозможным удержание больших территорий с помощью грубой силы. Тот же самый технологический прогресс упростил передачу информации и политическую организацию населения, что повысило значимость региональных элит как агентов сдерживания недовольства на местах.

Соответственно, выросла плата за лояльность региональных элит, поэтому вслед за силовыми, политические методы поддержания империй стали также непосильно дорогими. В тот же самый период, когда для Великобритании ее многочисленные колонии начали становиться обузой, поддержание Российской империи постепенно сводилось к попыткам — все более дорогостоящим — сохранять лояльность окраин.

Те методы контроля, которые используются в современной России, отчасти опираются на имперскую модель, а потому являются дорогостоящими и убыточными. Лишь временно, в эпоху подскочивших цен на нефть, можно было щедро перераспределять ресурсы в пользу агентов Центра на местах. При снижении доходов от экспорта и продолжении экономического спада имперские механизмы, скорее всего, окажутся непозволительно дорогостоящими, а значит, неработоспособными²².

Когда ресурсы иссякают, имперские модели вынужденно заменяются федеративными (обычно к этому времени территория оказывается усеченной). При этом в российских условиях альтернативой империи является не классический федерализм американского типа и даже не более кооперативная немецкая или австрийская версии, а асимметричная этническая федерация, в которой значительное дотирование меньшинств по-прежнему необходимо. Однако по сравнению с империей, в работающей этнической федерации поддержание территориальной целостности обходится большинству все же намного дешевле. В такой федерации прямая покупка лояльности этнических элит отчасти заменяется перераспределением прав и прерогатив. Но при том, что этнический федерализм отличается большей финансовой эффективностью, эта модель сложнее имперской, а для ее реализации требуется политическое мастерство.

Европейский союз как модель многонациональной федерации

Случаи успешно работающих многонациональных федераций единичны — большинство попыток оказалось неудачными. Тем интереснее взглянуть на многонациональную модель федерализма, которая функционирует в непосредственной близости от России, — речь идет о Европейском союзе. Например, российский исследователь федерализма Андрей Захаров, анализируя перспективы этнического федерализма в России, опирается на опыт европейской интеграции, рассматривая его как попытку построения этнической федерации на добровольной, договорной основе²³. Можно спорить об объективных пределах европейской интеграции, в том числе о перспективах политического объединения — например, о шансах перехода к общеевропейским президентским выборам, развития общеевропейских политических партий или принятия общей внешней политики ЕС. Более того, многие в Европе возражают против самой идеи движения от национальных суверенитетов к европейской федерации. Однако представляется, что ЕС как федерация может строиться исключительно по многонациональной федеративной модели. Другими словами, в той мере и поскольку ЕС развивается в направлении федерализма, это движение приближает ее к этнической (многонациональной) модели.

Спецификой ЕС, определяющей его успешное функционирование, является то, что это союз демократических государств. Европейский союз развивается как многоступенчатое взаимодействие лидеров демократических государств Европы, направленное на поиск взаимоприемлемых компромиссов. Между демократически избранными лидерами стран Союза (или даже лидерами одной и той же страны ЕС) всегда существовали разногласия по поводу целей европейской интеграции. Это неизбежно, поскольку стра-

ны Европы слишком разнородны, различна их политическая культура, политические режимы, наконец, уровень и характер их экономического развития. Сторонникам объединенной Европы с самого начала было ясно, что демократически избранные лидеры европейских стран никогда не согласятся на принуждение со стороны Союза или других стран-участников. Только принцип полного равноправия, независимо от размера и экономического потенциала государств — членов ЕС, мог служить основой интеграции. Поэтому для успеха интеграционного процесса требовался институциональный механизм, позволяющий находить компромисс и развивать интеграцию, несмотря на значительные противоречия между участниками. Компромисс является ключевой характеристикой европейской модели, объясняющей историю ЕС, происхождение и функционирование его институтов. В целом опыт ЕС показывает, что именно на основе демократических режимов можно проводить объединение народов, проживающих на огромной территории, и при этом сохранять экономическую эффективность союза.

Дизайн институтов для успешного перехода

Основная задача нашей статьи — указать на риски для политической стабильности в регионах, а возможно, и для территориальной целостности страны, которые будут сопровождать переход от текущей полумперской модели к федерализму, происходящий на фоне демократизации страны. Невнимание к сложностям, возникающим в процессе демократизации, грозит очередной быстрой дискредитацией демократического идеала в общественном мнении и может существенно уменьшить шансы на успех трансформации.

После выявления рисков демократического перехода в большой стране с федера-

тивным устройством следующим логичным и желательным шагом было бы определение набора рекомендаций. К сожалению, современные экономическая и политическая науки могут предложить в лучшем случае только «дорожную карту» политических трансформаций с указанием на особо опасные участки и ловушки для реформаторов²⁴. В рамках журнальной статьи мы ограничимся указанием на главную опасность: надежду на «хороших» политических лидеров, которые, придя к власти, смогут изменить ситуацию. Но кто бы ни возглавил страну, его действия будут неизбежно определяться теми же стимулами, что и у предшествующих элит; если стимулы не меняются, то и политические стратегии вынужденно остаются прежними²⁵. В лучшем случае новые лидеры смогут разрушить систему, однако политические реформы не могут дать положительного результата, если не меняются мотивация и приоритеты ключевых политических игроков (как и населения страны в целом). Тем самым задача политических реформ — не привести к власти новых лидеров, а, опираясь на сегодняшних политиков, бизнесменов и общество в целом, изменить мотивацию участников политического процесса — установить новые правила игры и создать условия, при которых игроки будут им следовать²⁶.

Кризис или изменение конфигурации власти в Кремле может дать толчок реформам, но такие реформы едва ли будут последовательными и успешными в отсутствие действенных политических институтов, понимаемых как комплексная, многоуровневая система формирования стимулов для политических игроков — от высшего руководства и лидеров национальных партий до региональных и местных лидеров и избирателей. Каждое государство имеет свою собственную систему политических стимулов, которая закреплена в формальных правилах (в частности, в законах страны), но в немалой сте-

пени зависит также от истории, композиции общества, его культуры и традиций.

Из представленных выше аргументов следует, что реформаторы, которые видят своей задачей переход России к демократии и федерализму, должны сосредоточить основное внимание на создании условий и стимулов для успешного перехода, а не на том, как будет работать выстроенная демократическая федеративная система. Вопрос о том, насколько эффективны либеральная демократия и федерализм, не так важен, пока мы не знаем, как обеспечить переход России к этой модели и при этом снова не «зависнуть» на полпути.

Заключение

Нам представляется, что сегодняшнее российское руководство не станет искать в кризисе «источник оптимизма», а предпочтет тактику реактивных мер. Расчет в этом случае будет заключаться в том, чтобы свести риски к минимуму в надежде на то, что мировой кризис не будет слишком затяжным. Хотя, разумеется, нет гарантий, что у кризиса не будет второй и даже третьей волны. Если мировой кризис будет продолжаться и реактивный подход не сработает, альтернативой могла бы стать попытка экономической децентрализации с предоставлением регионам больших экономических ресурсов, но без возвращения к принципам федерализма. Другими словами, речь могла бы идти о предоставлении регионам определенной экономической автономии (что означало бы оставить регионы наедине с кризисом), сохраняя за Центром монополию на политические решения. При этом можно надеяться, что если регионам будет предоставлена большая экономическая автономия (своего рода региональный хозрасчет), то у их руководителей появится стимул к поиску дополнительных внутренних ресурсов. При такой стратегии экономическая децентрали-

зация рискует перерасти в политическую — под давлением регионов, выходящих из-под контроля Центра. В этом случае Центр будет вынужден либо прибегнуть к жесткой форме давления на регионы, либо утратит рычаги воздействия на них с возвращением (в лучшем случае) к ситуации 1990-х. Такая стратегия не способна вывести Россию на иную траекторию развития, поскольку она будет означать очередное колебание все того же маятника.

Иную траекторию могла бы задать стратегия действий «на опережение», при которой российское руководство инициировало бы процесс формирования новых демократических институциональных правил. Иначе говоря, российское руководство могло бы попытаться возглавить процесс «вынужденной федерализации», стараясь при этом ее контролировать и одновременно меняя мотивацию региональных политических лидеров — как тех, кто уже у власти, так и потенциальных оппонентов. Выше мы привели аргументы, указывающие на то, что такая стратегия является долгосрочной и потому весьма рискованной: размер тер-

ритории страны, ее многообразие на фоне федерализации могут привести страну к потере управляемости и, как следствие, к «замораживанию» процесса демократизации. Однако необходимо помнить, что переход к демократическому федерализму неизбежно сопряжен с рисками и негативными последствиями. Все альтернативы рискованны, и тем не менее только развитие федеративных отношений может дать нашей стране шанс на развитие демократического общества²⁷.

В заключение заметим, что даже если в ближайшие годы сохранится существующая политическая модель с постоянным укреплением унитарных или имперских элементов — то, скорее всего, федерализм останется лишь «бумажным» конституционным принципом. Но только до нового кризиса: проблеме все равно придется решать под давлением общественного недовольства, которое рано или поздно потребует возвращения к федеративным принципам на практике. Такое случалось во многих «унитарных» конституционно-федеративных странах, в том числе в СССР. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Григорьев Л. Конфликты интересов и коалиции // *Pro et Contra*. 2007. № 4–5. Июль–октябрь. С. 104–117.

² Олейник А. Кризис как повод для оптимизма // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 6 (62). С. 238.

³ Опрос, проведенный Левада-Центром 11–17 июня 2009 года, показал, что большинство граждан выступают за возвращение прямых выборов губернаторов (20 проц. из них уверены в необходимости этого, еще 36 проц. склоняются к этому). См.: Костенко Н., Холмогорова В. Кризис в пользу демократии // *Ведомости*. 2009. 26 июня (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/06/26/202145>).

⁴ Рогожников М. Федерализация поневоле // *Эксперт*. 2009. 22 июня. № 24 (662).

⁵ *Stepan A. Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model // Journal of Democracy Vol. 10. No 4. October 1999.*

⁶ *Bednar J. The Robust Federation: Principles of Design. Cambridge Univ. Press, 2008*

⁷ См.: Мельвил А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия–2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения // *Полис*. 2008. № 4.

⁸ *Heinemann-Grüder A. Federal Discourses, Minority Rights, and Conflict Transformation // Federalism and Local Politics in Russia / Ross C., Campbell A. (eds). Rutledge, 2009.*

⁹ Сонин К. Правила игры: Непозволительная роскошь // *Ведомости*. 2009. 26 янв. № 12 (2282) (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/01/26/178501>).

¹⁰ <http://empedocl.livejournal.com/43639.html>

¹¹ *Гайдар Е.* Развилка: России хватит революций // Ведомости. 2009. 16 июня (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/06/16/200373>).

¹² На вопрос ведущей: «И что, Олег Николаевич, политические свободы делают кредиты дешевыми для физических лиц?» — Олег Сысуев ответил совершенно серьезно: «Вы знаете, да. Как когда-то демократия принесла колбасу на наши полки». Передача «Кредит доверия» на Радио «Эхо Москвы», 16 июня 2009 года (<http://echo.msk.ru/programs/creditworthiness/598568-echo/>).

¹³ См., например: *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

¹⁴ *Haggard S., Kaufman R.* The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton Univ. Press, 1995.

¹⁵ *Hellman J.* Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. Vol. 50. 1998. No 2.

¹⁶ *Bremmer I.* The J-Curve: A New Way to Understand Why Nations Rise and Fall. Simon & Schuster, 2006.

¹⁷ *Weingast B.* The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Growth // Journal of Law, Economics, and Organization. Vol. 11. No 1. Oct. 1995.

¹⁸ *Tiebout C.* A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. Vol. 64. 1956. No 5.

¹⁹ В российских условиях федерация будет вынужденно строиться на принципах, обеспечивающих прежде всего отношения с этническими регионами. Это делает федерацию, по существу, этнической. Не так уж важно, какие формальные названия при этом будут использоваться — главное, что практика такой федерации неизбежно окажется, в главных своих чертах, неразличимой от практики других этнических федераций — прежде всего в принципиальной асимметричности подходов к различным регионам.

²⁰ Ежегодный доклад Института общественно-проектирования «Оценка состояния и перспек-

тив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года» (<http://www.inop.ru/page484/>).

²¹ *Riker W.* Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston: Little, Brown, 1964.

²² *Паин Э.* От империи к федерации и обратно: Этнополитические тенденции и их испытание кризисом // Независимая газета. 2008. 17 дек. (http://www.ng.ru/ideas/2008-12-17/7_imeria.html).

²³ *Захаров А.* Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

²⁴ Отчасти именно оттого, что невозможно с уверенностью предсказать, к чему приведут политические реформы, исследователи предпочитают термин «трансформация» более оптимистическому «демократизация». См. например: *Мельвил А.* О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2.

²⁵ *Ordeshook P., Shvetsova O.* Federalism and Constitutional Design // Journal of Democracy. Vol. 8. 1997. No 1.

²⁶ Например, при трансформации СССР мотивация многих представителей действующей элиты радикальным образом изменилась из-за дискредитации КПСС и открывшихся возможностей рыночных отношений.

²⁷ Правящие элиты могут решиться на такие реформы с тем, чтобы подготовиться к будущим кризисам и избежать потери большей части своей политической и экономической власти, в том числе под влиянием общественного (уличного) давления. Заметим, что «общественное давление» это еще не «демократическое общество», а всего лишь набор требований — по большей части социально-экономического характера — со стороны групп населения, пострадавших от экономического кризиса. Однако в условиях авторитарного правления, на волне таких требований может подняться альтернативная группа элит, ориентированная на отстранение старого руководства. Демократизация, по крайней мере, обещает, что в случае смены власти представители прежней элиты останутся в безопасности, а возможно, даже в почете.

Искушение верховенством закона

Продвигаясь вперед, следует трезво различать, когда проблематика верховенства закона используется во благо, а когда во зло, чтобы не поддаться неоправданным надеждам, не стать жертвой упрощенных формул и избежать других ловушек

Томас Карозерс

В статье «Возрождение принципа верховенства закона», опубликованной в *Foreign Affairs* десять лет назад, я попытался привлечь внимание читателей к любопытной тенденции — постоянно возрастающему интересу в международных политических кругах к правовому государству и его укреплению в разных странах мира. Неожиданно выяснилось, писал я, что разговоры о верховенстве закона идут повсеместно и утверждение этого принципа, по общему мнению, должно помочь решению множества разнообразных политических проблем, среди которых, например, следующие: как России сделать более устойчивым свой неуверенный и шаткий посткоммунистический транзит, Китаю — поставить на твердую основу свой головокружительный экономический взлет, а Мексике — противостоять захвату государственных институтов наркобаронами?

Я отнес этот знаменательный рост интереса к правовому государству на счет тех политических и экономических переходных процессов, которые в 1990-х годах в значительной мере определяли перемены во многих развивающихся и посткоммунистических

обществах. В этом контексте утверждение принципа верховенства закона было призвано облегчить переход к рыночной модели экономики, обеспечив предсказуемое и эффективное действие законов и институтов в сферах, критически важных для функционирования свободного рынка. Кроме того, оно должно было стимулировать первые демократические эксперименты по принятию новых конституций, введению современных избирательных систем и расширению политических и гражданских свобод. К тому же построение правового государства способствовало бы смягчению двух острейших проблем — коррупции и общеуголовной преступности, резкий рост которых оказался, по-видимому, побочным следствием экономического и политического транзита во многих странах. Короче говоря, полагал я, принцип верховенства закона привлек к себе повышенное внимание в международных политических кругах потому, что в нем увидели панацею от негативных побочных эффектов, сопутствующих транзитам.

За прошедшие с тех пор десять лет международное внимание к утверждению верховенства закона продолжало нарастать, и политические лидеры во всем мире спешат заявить о своей приверженности этому принципу. Официальные лица в странах-донорах сообщали о своей решимости поддерживать

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ТОМАСА КАРОЗЕРСА (THOMAS CAROTHERS) "RULE OF LAW TEMPTATIONS", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ THE FLETCHER FORUM OF WORLD AFFAIRS (VOL. 33, NO 1, WINTER/SPRING 2009). © 2009, THE FLETCHER FORUM OF WORLD AFFAIRS. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE FLETCHER FORUM OF WORLD AFFAIRS

становление правового государства по всему миру, а число организаций и инициатив, ставящих себе задачу содействовать достижению этой цели, продолжает расти. От самой темы верховенства закона по-прежнему исходит ощущение первостатейной новизны. Политики и практики вновь и вновь открывают для себя это явление, и их охватывает энтузиазм. Поэтому они часто бывают удивлены, когда узнают, что то, что казалось им наисовременнейшим феноменом, на самом деле лишь возрождение процесса, имеющего довольно давнюю историю.

фактом сползания России к мягкому авторитаризму, некоторые западные наблюдатели пришли к выводу, что Запад (как и сама Россия) совершил ошибку, не обратив достаточного внимания на принцип верховенства закона сразу после распада Советского Союза. Катастрофические проблемы в Ираке, возникшие после смещения Саддама Хусейна, подтолкнули к подобному выводу и некоторых американских наблюдателей, которые утверждают, что проекту внедрения демократии должна была предшествовать кропотливая работа по построению правового

“Упрощенная идея, будто при верховенстве закона развитие экономики автоматически ускоряется, подверглась здоровому критическому пересмотру”.

Столь продолжительное пребывание на политическом небосклоне звезды под именем «верховенство закона» отражает тот факт, что связь между правовым государством, с одной стороны, и экономическим и политическим развитием — с другой, все же существует, хотя она, возможно, и не так прямолинейна, как в свое время полагали некоторые убежденные сторонники этой точки зрения. Упрощенная идея, будто при верховенстве закона развитие экономики автоматически ускоряется, подверглась здоровому критическому пересмотру¹. Тем не менее определенная положительная корреляция между правовым и экономическим факторами кажется достаточно правдоподобной, чтобы воодушевить доноров помощи.

Что касается политической стороны, то проблемы, с которыми сталкиваются многие страны в области демократизации, лишь укрепили некоторых западных экспертов во мнении, что принцип верховенства закона — это необходимый центральный элемент общей демократической конструкции. Например, столкнувшись с прискорбным

го государства. Когда в 2005-м на парламентских выборах в Египте поразительного успеха добились «Братья-мусульмане», некоторые аналитики выступили с предостережениями, утверждая, что эта страна не должна двигаться к большей политической открытости до тех пор, пока в ней не укоренится принцип верховенства закона.

Кроме того, в прошлое десятилетие продвижение принципа верховенства закона получило дополнительный импульс от непрекращающегося прогресса глобализации. Уже в конце 1990-х годов стало ясно, что глобализация стимулирует и даже принуждает к установлению верховенства закона как внутри стран, так и в отношениях между ними. Государства, стремящиеся обрести свою долю в нарастающих трансграничных перемещениях капитала и товаров, обнаруживают, что неразвитость правовой системы тормозит осуществление их намерений. Например, слабая юридическая защищенность иностранных инвесторов может стать препятствием для прямых зарубежных инвестиций. Столь же существенной помехой

является высокий уровень преступности, в частности коррупции. Увеличивающиеся потоки товаров и капиталов требуют регулирования, что, в свою очередь, благоприятствует утверждению верховенства закона.

В текущем десятилетии глобализация оказалась менее продуктивной и меньше благоприятствовала процессу распространения западных норм, чем ожидали или надеялись многие американские специалисты. И все же по мере ее интенсификации становится более настоятельной потребность в построении правового государства во все большем числе стран. Для многих американцев глобализация в первом десятилетии нового века ассоциируется с проблемами или даже угрозами для Соединенных Штатов, например, с подъемом новых мощных экономик в мире или с вызывающим тревогу использованием средств глобальной связи «Аль-Каидой» и другими террористическими группами. Однако, несмотря на изменение характера глобализации, почти каждый ее элемент, будь то огромный рост потоков информации через Интернет, диверсификация транснационального гражданского общества или активное перемещение индустрии услуг через государственные границы, так или иначе работает на продвижение принципа верховенства закона в качестве либо организующего начала, либо противовеса.

В атмосфере постоянно растущего интереса, граничащего с энтузиазмом, к построению правового государства и верховенству закона становится заметной склонность западных политиков и лиц, реализующих программы помощи, не только к не критическому взгляду на этот предмет, но и к принятию желаемого за действительное. Некоторые из таких воззрений можно даже назвать искушениями, так как они, будучи совершенно бесполезными, только дезориентируют. Можно выделить по меньшей мере четыре такого рода искушения, заслуживаю-

щих внимания, — назовем их «консенсус», «редукционизм», «очередность задач» и «кажущаяся простота».

Консенсус

Степень видимого международного согласия по вопросу ценности и важности верховенства закона просто поразительна. Почти все остальные элементы консенсуса западных государств-доноров относительно того, что хорошо и что плохо для других стран, являются темой жарких дебатов. Например, желательность Вашингтонского консенсуса как экономического рецепта для развивающихся обществ постоянно обсуждается и в развитых, и в развивающихся странах. И то, что называют «консенсусом», на самом деле является постоянным источником полемики. Если обратиться к политике, то мы увидим, что либеральная демократия, которая в какой-то момент, казалось, стала нормативной идеей почти повсеместно, теперь ставится под сомнение сторонниками «авторитарного капитализма», боливарианской демократии, исламской революционной демократии и других альтернативных политических моделей. В противоположность этому почти никто из национальных лидеров не выступает открыто против верховенства закона и не заявляет публично, что данный принцип не подходит для какого-то конкретного общества. И почти повсюду рядовые граждане положительно реагируют на обещания политиков построить правовое государство.

Столь широкое согласие в отношении ценности верховенства закона весьма впечатляет. Тем не менее следует быть осторожным и не преувеличивать значение этого факта. Во-первых, декларации властей предержащих об их приверженности верховенству закона, как правило, не претворяются в реальные действия. Многие лидеры в развивающихся и посткоммунистических странах

приходят сегодня к власти, обещая обуздать коррупцию, восстановить законность и общественный порядок, сделать некоторые другие шаги в направлении правового государства. Борьба с коррупцией стала одним из ключевых пунктов избирательных кампаний во многих странах, как развитых, так и развивающихся. Но эти твердые обещания имеют тенденцию терять свою твердость, как только новые руководители сталкиваются с прочно укоренившимися и глубоко эшелонированными социальными группами, заинтересованными в поддержа-

ховенство закона как желанную цель развития, поскольку они находят в этом принципе то, что особенно ценят, например, неприкосновенность права собственности, справедливое отношение к иностранным инвесторам, сильную полицию и особый упор на закон и порядок. На левом идеологическом фланге эту концепцию толкуют совсем по-иному. Для левых важен прежде всего преимущественный акцент на правах, справедливом и равном отношении ко всем, помощи социально незащищенным и расширении возможностей граждан в целом. Что касается цен-

“Для левых важен прежде всего преимущественный акцент на правах, справедливом и равном отношении ко всем, помощи социально незащищенным”.

нии существующих коррупционных схем. Удручающе часто вновь избранные руководители кончают тем, что воспроизводят старые формы коррупции или придумывают свои собственные. В Венесуэле Уго Чавес пришел к власти, обличая коррумпированность власти, однако его правление отмечено не меньшим, если только не большим мздоимством. И мало кто в странах бывшего Советского Союза, в Южной Америке, Африке южнее Сахары, Южной Азии и в других местах может сказать, что несомненный глобальный консенсус в отношении важности правового государства претворился в сколько-нибудь заметные реальные достижения по части соблюдения законности.

Во-вторых, даже если считать, что заверения политических деятелей, доноров помощи и других акторов в преданности верховенству закона искренни, сама эта концепция настолько неопределенна, что открывает широкий простор для заметно различающихся интерпретаций и расстановок акцентов. Иногда такие различия коренятся в идеологии. Консерваторы часто приветствуют вер-

тристов, то для них принцип верховенства закона — это некий технократический идеал, обеспечивающий эффективное управление благодаря подотчетности, прозрачности и антикоррупционной установке власти.

Подобные идеологические размежевания свойственны как донорам помощи, содействующим утверждению верховенства закона, так и простым гражданам стран, в которых реализуются такие программы. В Колумбии, например, реформа, имевшая целью обеспечить верховенство закона, много лет была крайне политизированной. Эта политизация исходила как от многих американских доноров колумбийской реформы (начиная с министерства юстиции и Агентства США по международному развитию и кончая различными правозащитными группами), так и от самого колумбийского общества, где соперничающие политические силы зачастую существенно расходились в вопросе о том, как следует подходить к реформам по продвижению верховенства закона.

Однако различия в подходах к правовым реформам не обязательно имеют в основе

идеологию. Иногда это просто различные видения перспективы в зависимости от профессиональной принадлежности заинтересованных лиц. Так, в комплексе правовых преобразований судьи склонны подчеркивать важность судебной реформы. Полицейский чиновник приведет доводы в пользу выделения больших ресурсов для принуждения к исполнению законов. Адвокаты выдвинут на первый план потенциально важную роль коллегий адвокатов. Специалисты по разрешению конфликтов обратят внимание на значение арбитража и посредничества и т. д. Кроме того, различные организации, оказывающие помощь в утверждении верховенства закона, имеют свои интересы и предпочтения, стремясь сделать приоритетными проблемы, связанные с областями их собственной специализации ².

В результате, когда различные национальные и международные акторы, утверждающие, что они стремятся содействовать продвижению верховенства закона в данной стране или в каком-то ином контексте, собираются вместе, то, как правило, оказывается, что поле реального консенсуса значительно уже, чем казалось вначале. Участники могут даже приступить к обсуждению якобы общей повестки дня правовых реформ, но на деле будут преследовать совершенно разные цели, которые либо слабо связаны между собой, либо и вовсе противоречат друг другу.

Редукционизм

По мере усиления интереса к верховенству закона во всем мире в 1980-х и 1990-х годах трактовка этого принципа становилась все более широкой. Вначале некоторые его сторонники, особенно те, кто видел в верховенстве закона прежде всего подспорье для экономического развития, склонялись к его скорее формальной, или «процедуралистской», интерпретации. Такой подход озачен больше всего вопросами процедурной

объективности и институциональной неэффективности. Его адептов «верховенство посредством закона» (*rule by law*) интересует ничуть не меньше, чем «верховенство закона» (*rule of law*).

Как бы то ни было, в последние два десятилетия в международных кругах, связанных с развитием, усилили свои позиции сторонники более широкой трактовки, согласно которой верховенство закона имеет отношение к реальным, содержательным вещам, а не только к процедурным нормам. И именно основополагающие политические и гражданские права, будучи неотъемлемой частью правового государства, обеспечивают законность и справедливость в обществе.

Более широкое понимание предмета позволило связать становление принципа верховенства закона с повесткой дня демократизации. Продвижение принципа верховенства закона влечет за собой институционализацию основных демократических прав. А поддержка демократии способствует закреплению базовых элементов правового государства. Некоторые организации, оказывающие помощь в становлении верховенства закона, например Всемирный банк, официально придерживаются нейтральной позиции, когда речь заходит о политическом развитии. Однако на практике их все более активная деятельность в этом направлении постепенно сближается, а порой и сливается с аналогичной активностью организаций, которые, наряду с утверждением принципа верховенства закона, открыто провозглашают своей целью политическую демократизацию.

Тем не менее в последнее десятилетие тенденция к расширенной трактовке верховенства закона столкнулась с контртенденцией. Авторитарные и полуавторитарные режимы все чаще публично приветствуют сам этот принцип, но настаивают на редуцированной, «процедуралистской» его трактовке. Они

обещают своим гражданам справедливость и эффективность, но при этом выносят права человека за рамки концепции верховенства закона. Таким образом, они стремятся разорвать связь между утверждением принципа верховенства закона и построением демократии. Особенно наглядно это демонстрируют два крупнейших государства, бросающих вызов демократии западного образца, — Россия и Китай. Владимир Путин, придя к власти, обещал не сворачивать с правового пути и действительно следовал этой линии (по крайней мере, на словах) даже тогда, когда все больше отходил от демократических экспериментов своих предшественников. Новый президент России Дмитрий Медведев выдерживает тот же курс, подчеркивая свою приверженность реформам, обеспечивающим верховенство закона, но одновременно продолжает политику ограниченной политической открытости. Правители Китая, реагируя на рост недовольства граждан и протесты против коррупции и неэффективного управления на местах, осуществили некоторые реформы, направленные на утверждение верховенства закона, однако по-прежнему ограничивают политическую конкуренцию и политическую свободу. В этих странах у власти находятся сторонники твердой руки, которые считают, что верховенство закона — это хорошая альтернатива демократизации, что это не дополнение к ней, а скорее ресурс, позволяющий сохранить авторитарное или полуавторитарное правление. Таким образом, продолжающийся в текущем десятилетии рост международного интереса к верховенству закона в некоторых странах означает повышенное внимание к его редуцированным формам. Что свидетельствует скорее об изнашивании международного консенсуса относительно политических ценностей, чем о нарастающей политической конвергенции. Западные политики, часто жадно ловящие малейшие

признаки позитивных изменений или хотя бы позитивных намерений у правительств, обещающих строить правовое государство, упускают из виду тот ущерб, который редуционистские трактовки могут нанести всей повестке дня продвижения верховенства закона.

Очередность задач

Еще одно опасное искушение верховенством закона, свойственное в этом десятилетии международным политическим кругам, — это идея очередности решения задач (*sequencing*). Имеется в виду, что страны, переживающие транзит, не должны одновременно заниматься построением правового государства и внедрением демократии: этих целей нужно добиваться в определенной последовательности — сначала утверждение верховенства закона, и только после этого демократизация. Подразумевается, что пока страна не стала нормально функционирующим государством, способным обеспечить должный уровень экономического развития и верховенство закона, она не готова к демократии. Растущая популярность этой идеи идет рука об руку с редуционистской трактовкой того, что собой представляет верховенство закона: построение правового государства и демократизация мыслятся как отдельные процессы в духе узкой, «процедуралистской» интерпретации верховенства закона.

Новый всплеск популярности представления об определенной последовательности реформ отражает беспокойство среди влиятельных западных ученых и политических экспертов по поводу огромных рисков, возникающих, когда страны со слабой государственностью, неразвитой правовой системой и недостаточным опытом политического плюрализма пытаются запустить процесс ускоренной демократизации³. Подобное развитие событий несет в себе риск появления нелиберальных демократий и развязывания

гражданских или межгосударственных войн. Примерами последних могут служить геноцид в Руанде и Бурунди в начале 1990 годов, а также вооруженные конфликты между бывшими республиками в составе Югославии в тех же 1990-х.

Сторонники идеи установления очередности задач — назовем их секвенциалистами (*sequentialists*) — полагают, что если сначала в традиционно авторитарных обществах утвердить принцип верховенства закона, то там сформируются необходимые механизмы и навыки управления, не позволяющие

заться от нее. В рамках концепции, утверждающей некую последовательность проведения реформ, откладывание демократизации на потом (а это обычно означает установление и сохранение репрессивного политического контроля) выглядит уже не просто авторитарным маневром, а единственно правильным путем к демократизации.

Идея секвенциализма действительно привлекательна. Она обещает порядок и рациональность там, где в ином случае процессы социально-политических изменений могли бы стать непредсказуемыми и опасны-

“Правители Китая осуществили некоторые реформы, направленные на утверждение верховенства закона, однако по-прежнему ограничивают политическую конкуренцию”.

выйти из-под контроля процессам массового политического участия, в которых заключен огромный потенциал хаоса и неуправляемости. Они аргументируют свою точку зрения, ссылаясь на то, что именно по такой схеме в XVIII—XIX веках развивались события в тех странах Европы и Северной Америки, которые теперь являются развитыми демократиями.

Идея очередности задач (секвенциализм — *sequentialism*) привлекает внимание не только ученых и политических экспертов, озабоченных неудачами экономических и политических транзитов. Ее с готовностью подхватывают авторитарные и полуавторитарные лидеры. Китайские руководители любят подчеркивать, что Китаю необходимо модернизировать государство и достичь прогресса на пути верховенства закона, прежде чем он будет готов приступить к демократизации. Арабские автократы, в частности президент Египта Хосни Мубарак, прибегают к аналогичной аргументации. Это позволяет всем им найти оправдание своим усилиям блокировать демократизацию или даже вообще отка-

ми. Тем не менее эта идея, увы, ущербна⁴. Действительно, прежде чем пытаться ввести политический плюрализм и политическую конкуренцию, общество должно обеспечить некоторый минимум порядка и устойчивости государственных институтов. Но при всем при том идея, что общество должно мириться с авторитаризмом до тех пор, пока не будет полностью реализован принцип верховенства закона и не будет создано надежно функционирующее государство, ошибочна.

Основной порок этой идеи заключается в вере, будто авторитарный лидер действительно поведет свое общество по пути к верховенству закона. Образ строгого и мудрого автократа, который хоть и медленно, но систематически строит правовое государство, возможно, весьма привлекателен, однако это редкое исключение из правила. Среди развивающихся стран полно таких, которые пострадали от злоупотреблений, насилия и экономических потрясений в условиях правления авторитарных лидеров, обещавших установить законность и укреплять государство как основу для будущей демократизации.

Например, хроническая слабость государства и законности почти во всей Латинской Америке — это наследие целых поколений правящих авторитариев, которые на каждом углу кричали о своем стремлении укрепить государство и право. То же самое можно сказать и об Африке южнее Сахары. Пожалуй, лишь несколько авторитарных лидеров из небольшой группы азиатских стран, каждая из которых по-своему уникальна, действительно пошли по заявленному пути. И вообще, видеть в авторитаризме лекарство от произвольного, хаотического строительства

верховенству закона. В развивающемся мире слишком хорошо знают цену сусальным обещаниям установить верховенство закона.

Не следует считать, что при демократическом устройстве принцип верховенства закона реализуется с легкостью или даже автоматически. Наоборот, молодые, еще не оперившиеся демократические правительства часто борются против утверждения этого принципа. Новые политические элиты нередко сами впадают в коррупцию. Демократическое правительство может сосредоточить внимание лишь на краткосрочных целях выживания,

“У авторитарных лидеров имеются вполне веские структурные резоны тормозить подлинное установление законности и всячески его урезать”.

государственных институтов и неуважения к закону — этих слабых мест, присущих как раз авторитарным режимам, весьма курьезная идея.

На первый взгляд может показаться, что повышенное внимание автократов к подержанию порядка и сохранению своего контроля есть естественная прелюдия к утверждению верховенства закона, однако у авторитарных лидеров имеются вполне веские структурные резоны тормозить подлинное установление законности и всячески его урезать. Им нравится использовать закон в качестве инструмента государственного контроля. Но коренные принципы верховенства закона (по-настоящему независимая судебная власть, подконтрольность правительственных должностных лиц закону, отношение ко всем гражданам в духе доктрины равных возможностей, уважение политических и гражданских прав) представляют угрозу для авторитарной власти. Поэтому обычно они сопротивляются реформам, которые могли бы приблизить страну к этим идеалам, вопреки их высоким словам о приверженности

пренебрегая долгосрочной институциональной реформой. На государство оказывается давление снизу, чтобы оно усилило борьбу с криминалом. А это может привести скорее к урезанию гражданских прав, нежели к реформам в духе верховенства закона. Проблемы с соблюдением этого принципа возникают даже в развитых демократиях. Италия — демократия уже в нескольких поколениях, но не без хронических дефектов. А Соединенные Штаты в последние годы подвергаются резкой критике со стороны многих других стран за пренебрежение к праву в местах заключения, где содержатся подозреваемые в причастности к международному терроризму.

Однако, в отличие от авторитарных режимов, демократические правительства не сталкиваются с какими-либо врожденными или структурными противоречиями между следованием принципу верховенства закона и удержанием власти. Создание альтернативных центров власти, беспристрастное отношение к гражданам, уважение их прав — все это способствует не только утверждению

верховенства закона, но и также углублению демократии. Более того, некоторые элементы демократии активно содействуют утверждению законности. Например, периодическая смена власти помогает разрушать образующиеся центры влияния и контроля в государственных ведомствах, понижая таким образом уровень коррупции и повышая ответственность чиновников. Свобода прессы, которая почти всегда существует при демократии, но редко при авторитаризме, служит мощным орудием привлечения внимания к нарушениям закона властями и помогает торжеству верховенства закона.

Еще один недостаток, присущий секвенциализму, это убежденность в том, что демократизацию можно просто отложить на более или менее длительное время, необходимое для утверждения верховенства закона. При этом игнорируется тот факт, что за последние два десятилетия норма демократического участия граждан широко распространилась по всему миру. Когда авторитарные правительства теряют власть и терпят крах, как это было в Индонезии в конце 1990-х, граждане обычно массово участвуют в выборах независимо от того, насколько хорошо или плохо — согласно классическому «анализу предварительных условий» — данная страна подготовлена к демократии. Некоторым авторитарным режимам удается ослабить давление со стороны граждан, стремящихся расширить свое участие в политической жизни, благодаря успехам в экономике. Чаще всего это страны, богатые нефтью, которые умело пользуются нефтяной рентой. Правда, Китай и Вьетнам сумели сделать то же самое за счет впечатляющего экономического роста, который связан прежде всего с развитием обрабатывающей промышленности, ориентированной на экспорт.

Наконец, утверждение, будто очередность выполнения задач и есть та формула успеха,

которая обеспечила построение устойчивых демократических государств на Западе, — в лучшем случае упрощение, а в худшем — просто миф. Возьмем в качестве примера Соединенные Штаты. Неверно, что юные США сначала установили верховенство закона, а затем постепенно надстраивали над этим фундаментом элементы демократизации. Утверждение верховенства закона, с одной стороны, и демократии — с другой, представляло собой сложный, интерактивный процесс, в котором каждый из компонентов продвигался вперед неравномерно, рывками. В XIX столетии в Соединенных Штатах имели место существенные нарушения и верховенства закона (вряд ли самосуды на американском Западе можно считать признаком надежно функционирующего права), и принципов демократии (рабство было самым вопиющим, но отнюдь не единственным нарушением демократических норм). И только в XX веке относительно бесперебойное функционирование и закона, и демократии стало определяющей чертой американского образа жизни. Шери Берман утверждает, что и Европа продвигалась к своему современному состоянию по тому же маршруту, в котором сложно переплелись становление законности и развитие демократии ⁵.

Кажущаяся простота

По мере того как в последнее десятилетие рос интерес к глобальному продвижению верховенства закона, эта проблема выходила за пределы узкого круга специалистов по демократии и развитию. Ныне к международным дискуссиям на эту тему подключились дипломаты, военные, представители правоохранительных органов, ученые-политологи, политические деятели и др. Масштабы обсуждения расширяются, и все чаще звучит мнение, будто задача установления верховенства закона сравнительно проста и не тре-

бует долгого времени, по крайней мере, по сравнению с усилиями по укоренению демократии. Так, например, ламентации в политических кругах Запада по поводу того, что Россия могла бы добиться гораздо большего, если бы западные правительства сразу после 1991 года сосредоточили усилия на утверждении здесь верховенства закона, исходят из того, что эту задачу решить легче и проще, чем построить демократию.

Представление о том, что относительно просто помочь другой стране в установлении в ней верховенства закона, сложилось давно, как минимум, еще в 1960 годы — в начале первой волны программ, призванных содействовать построению правового государства (в частности, по линии *Law and Development Movement*), и господствовало в 1980-е — в первые годы действия нынешнего поколения аналогичных программ. Такое представление произрастает из склонности (обычной для американских поклонников правового государства) видеть в становлении законности либо природный процесс, который начинает действовать, как только в данную страну вброшены правильные идеи, либо как процесс технократический, движимый исключительно логикой. Однако в обоих случаях трудности конвертации благих намерений в реальные достижения быстро остужают пыл энтузиастов. Они осознают, что помощь в становлении верховенства закона, подобно почти всем другим видам внешней помощи, в лучшем случае лишь малая толика того, что требуется для успешного протекания этого процесса, который неизбежно сталкивается с огромными трудностями. Хотя те, кто занимается оказанием помощи, не отказываются от своих целей после столкновения с суровой действительностью, им приходится серьезно пересмотреть свои представления о том, чего и в какие сроки можно достигнуть, и умерить свои ожидания, сделав их более скромными и реалистичными.

Напротив, существенно расширившемуся кругу людей, вовлеченных в сферу правовых реформ за последние десять лет, недостает такого опыта, и они обречены повторять тот же самый путь от бьющего через край оптимизма первоначальных ожиданий к разочаровывающему конечному результату. Достаточно почитать в высшей степени легковесные программы утверждения законности, которые американские военные пытались реализовать в Ираке после свержения Саддама Хусейна. Эти программы предусматривали отправку в Ирак нескольких групп американских юридических советников, не имеющих ни опыта работы в арабском мире, ни каких-либо представлений о правовой культуре Ирака, с тем чтобы они консультировали там скоропалительную перестройку иракской судебной системы.

Полные оптимизма к перспективам утверждения верховенства закона, западные политики, дипломаты, военные, политические обозреватели упускают из виду то, что правовые реформы предполагают нечто гораздо большее, чем просто подготовку судей, оснащение полиции современными техническими средствами, издание и распространение юридических текстов. Это глубокий преобразующий процесс, который многое меняет в исполнении и распределении власти в обществе и тем самым несет в себе угрозу для держателей власти. Он также влечет за собой радикальные перемены в отношениях граждан с государством и между собой.

Не исключено, что утверждение верховенства закона — более сложная и фундаментальная задача, чем демократизация. В своих глубинных основаниях демократизация — это прежде всего процесс организованной политической конкуренции, который может и не затронуть многие социальные структуры. Напротив, право глубоко проникает во все поры политической, экономической и обще-

ственной жизни. Во многих обществах элиты продемонстрировали способность приспосабливаться к демократизации без потери своего привилегированного положения в обществе и без существенных изменений в образе жизни. В то же время они всячески сопротивлялись и чинили препятствия угрожающим их интересам реформам, имеющим целью обеспечить подотчетность власти закону.

Выводы

Политика установления верховенства закона таит в себе огромный нереализованный потенциал и ценна во многих отношениях. В современных парадигмах развития — как экономического, так политического — ей уделяется незаслуженно мало внимания. Между тем она может сыграть роль жизненно важной соединительной ткани, связывающей между собой и оздоравливающей многие проблемные точки в обществах, уходящих от авторитаризма и вступающих в нынешний глобализирующийся мир. В ней заложен свободный от идеологизации мессидж, что весьма важно в сегодняшней международной атмосфере повышенной чувствительности к навязыванию идеологий. Но именно эти качества и делают ее уязвимой для описанных выше искушений. Это и переоценка степени достигнутого консенсуса относительно того, что означает верховенство закона на практике, и тяга к узкому, редуцированному взгляду, сводящему верховенство закона к верховенству посредством закона, и ложные посулы секвенциализма, отрывающего правовые преобразования от общей задачи демократизации, и недооценка трудности самой задачи.

Подобные искушения не создают фатальной угрозы для программ утверждения верховенства закона как таковых и не пред-

ставляют смертельной опасности для стран, в которых они осуществляются. Однако они вредны тем, что могут направить адептов утверждения принципа верховенства закона по неверному пути, и тогда все кончится пустой тратой энергии и принятием ошибочных политических решений. Искушения, о которых идет речь, — результат сложного взаимодействия разных факторов, порой противоречащих друг другу. В какой-то степени они представляют собой плод энтузиазма многих активистов продвижения верховенства закона, истово верящих в его приоритетность и неотвратимость. В то же время отчасти это и результат цинизма держателей власти в несвободных или частично свободных обществах, использующих лозунг верховенства закона для легитимации собственных антидемократических устремлений. Еще это и почти неизбежный продукт развития международной ситуации, когда всеобщая движущая сила — глобализация, с одной стороны, ориентирует страны на некую общую цель становления верховенства закона, а с другой — порождает процессы разделения и фрагментации в таких важных областях, как идентичность и идеология.

Поэтому, продвигаясь вперед, следует трезво различать, когда проблематика верховенства закона используется во благо, а когда во зло. Это важно, чтобы не поддаваться неоправданным надеждам, не стать жертвой упрощенных формул и избежать других ловушек. Как и в остальных областях международной помощи, сориентированных на то, чтобы делать добро сразу на многих направлениях, здоровая доза сдержанности и в теории, и на практике обеспечит актуальность ключевых тем и приоритетов в сфере утверждения верховенства закона на многие годы вперед. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См., например: *Haggard S., MacIntyre A., Tiede L.* The Rule of Law and Economic Development // *Annual Review of Political Science*. Vol. 11. 2008. P. 205–234.

² О различиях реформ в области утверждения принципа верховенства закона см.: *Carothers Th.* The Many Agendas of Rule-of-Law Reform in Latin America // *Rule of Law in Latin America: The International Promotion of Judicial Reform* / P. Domingo, R. Sieder (eds). L.: Institute of Latin American Studies, 2001. P. 4–16.

³ См., например: *Mansfield E. D., Snyder J.* Electing to Fight: Why Emerging Democracies Go

to War. Cambridge: MIT Press, 2005; *Zakaria F.* The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. N. Y.: Norton, 2003.

⁴ Подробнее критику секвенциализма см.: *Carothers Th.* The “Sequencing” Fallacy // *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 1. Jan. 2007. P. 12–27.

Отклики на эту критику см.: *The Debate on Sequencing* // *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 3. July 2007. P. 5–22.

⁵ Подробно см.: *Berman Sh.* Lessons from Europe // *Journal of Democracy*. Vol. 18. No. 1. Jan. 2007. P. 28–41.

Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. Неизданное, малоизвестное, забытое / Сост. А.А. Яковлев. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. 872 с. (Серия «Россия XX век. Документы»).

Книга, изданная Международным фондом «Демократия», — вероятно, самый важный корпус источников по истории перестройки в СССР, опубликованный за последние несколько лет. Это собрание документов из личного архива члена Политбюро ЦК КПСС, «архитектора перестройки» Александра Николаевича Яковлева (1923—2005), подготовленное его сыном Александром при участии вдовы политика Нины Ивановны Яковлевой. Основная часть документов из личного архива Яковлева-старшего после его смерти была передана в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), откуда и взяты тексты, опубликованные в книге. Надо отдать должное Александру Яковлеву-младшему: он не только подготовил их к печати, но и сопроводил тщательными и компетентными комментариями. Правда, ни из его предисловия, ни из комментариев невозможно понять, по каким критериям проводился отбор документов для публикации и что именно в книгу не вошло.

В книгу включены аналитические записки Яковлева и письма к нему от политиков и различных деятелей культуры, стенограммы его избранных выступлений и закрытых дискуссий с его участием, протокольные записи встреч с представителями иностранных политических и культурных элит или написанные самим Яковлевым для членов Политбюро отчеты о таких встречах. Некоторые из своих записок Яковлев успел — полностью или частично — опубликовать при жизни сам, в своих многочисленных книгах, вышедших в 1990-е и начале 2000-

годов: «Муки прочтения бытия» (1991), «Предисловие. Обвал. Послесловие» (1992), «Горькая чаша. Большевизм и Реформация России» (1994), «Омут памяти» (2001) и др. Однако там эти тексты были элементами выстроенных самим автором коллажей, необходимых для аргументации того или иного идеологического «мессиджа». Поэтому событием рецензируемый сборник делает не столько публикация неизвестных ранее текстов — хотя таковых в книге большинство, — сколько тот контекст, который возникает в результате представления в хронологическом порядке самых разных по жанру и генезису документов.

Для того чтобы оценить важность такой, казалось бы, малозаметной новации, стоит прежде всего вспомнить, что биография Яковлева и история того, как менялись его политические взгляды, изучены очень мало. Хорошо известны ключевые события его жизни — но лишь начиная с 1972 года. Позволю себе кратко напомнить главные из них.

В 1972-м Яковлев, тогда — и.о. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, опубликовал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», направленную против усилившихся националистических и антисемитских тенденций в советской официальной культуре. За этим последовали резкая реакция Политбюро и особенно Михаила Суслова¹ и «почетная ссылка» послом в Канаду. В мае 1983 года Яковлев встретился в Оттаве с членом официальной советской делегации Михаилом Горбачёвым (ранее они были знакомы, но, по уверениям Яковлева,

сугубо формально), и два политика обнаружили близость в понимании политических проблем, стоявших перед советскими элитами. Практически сразу после этой беседы Яковлева отозвали в Москву и назначили директором Института мировой экономики и международных отношений АН (как мы увидим в дальнейшем, это назначение было совершенно нетривиальным с аппаратной точки зрения). В 1985-м Яковлев, по его собственным воспоминаниям, выступил посредником в тайных переговорах между Андреем Громыко и Михаилом Горбачёвым, в результате которых Горбачёв согласился на то, чтобы Громыко выдвинул его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

После прихода Горбачёва к власти Яковлев стал одной из ключевых политических фигур. В 1991 году он публично разошелся с Горбачёвым в оценке текущей политической ситуации, несколько раз предупредил о близкой опасности государственного переворота и вышел из КПСС. В 1990-е, в отличие от большей части бывшей «команды Горбачёва», Яковлев смог остаться влиятельной фигурой в российской политике: в 1993–1995 годах он руководил Федеральной службой по телевидению и радиовещанию и Государственной телерадиокомпанией «Останкино», короткое время был председателем совета директоров ОРТ, на протяжении многих лет возглавлял Комиссию при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, занимал пост президента Международного фонда «Демократия», под эгидой которого были изданы около трех десятков томов с неизвестными ранее документами по истории России XX века, а также создал Партию социальной демократии, которой, правда, не удалось стать сколь-либо значимой политической силой. В 2005-м, незадолго до смерти, Яковлев вошел в наблюдательный

совет «юкосовской» организации «Открытая Россия».

Все эти факты, повторяю, хорошо известны, однако, говоря о Яковлеве, мы не знаем ответов на важнейшие вопросы, связанные с его ролью в новейшей истории нашей страны. Из всех функционеров «горбачёвского призыва» Яковлев в наибольшей степени претендовал на роль идеолога — и в 1980-е, и позже. Тем не менее до сих пор не проанализированы источники и смысл той политической концепции, которую вполне последовательно развивал Яковлев в постсоветские времена, называя ее то социальной демократией, то (в 2000-е) социальным либерализмом. Если Яковлев был в самом деле «архитектором перестройки», то какие идеи он планировал реализовать в ходе преобразований? Зачем человек, много раз называвший себя социал-демократом, клялся на каждом шагу именем авторитарного модернизатора Петра Столыпина? По утверждениям Яковлева-младшего, свою политическую концепцию его отец выработал в конце 1960-х — начале 1970-х годов, но был вынужден ждать полтора десятилетия, пока наступит время сделать ее основой собственных политических действий². Однако и по сей день остается загадкой, какую внутреннюю трансформацию Яковлев пережил в конце 1960-х (по-видимому, действительно радикальную), что смог выработать столь необычную — а по меркам ЦК просто диссидентскую — политическую позицию либерала-просветителя?

В 1950–1960-е годы Яковлев, делавший очень успешную аппаратную карьеру, входил в неосталинистскую группу «комсомольцев»: она сформировалась вокруг тогдашнего председателя КГБ СССР Александра Шелепина, а ее члены принимали активное участие в свержении Никиты Хрущёва. Яковлеву, который находился на хорошем счету у Суслова, доверяли писать важнейшие программные

идеологические тексты: редакционную статью в «Правде», клеймившую политические прегрешения Хрущёва, и первую речь Леонида Брежнева на посту генсека — перед космонавтами. В 1968 году Яковлев был отправлен в составе идеологического десанта в Чехословакию, только что оккупированную войсками стран Варшавского договора, как заместитель главы этого десанта — зампреда Совмина СССР, члена Политбюро Кирилла Мазурова. В конце 1960-х группировка Шелепина была разгромлена (Брежнев не хотел зависеть от тех, кто привел его к власти; окружение Брежнева, по всей видимости, энергично стравливало Шелепина с новым, назначенным в 1967 году, председателем КГБ Юрием Андроповым), ее члены были направлены послами в разные страны мира. Яковлев сманеврировал и остался в ЦК, хотя и на должности «и.о.». Кроме резко изменившего свои взгляды Яковлева, почти никто из «шелепинцев» позже не вернулся к политической жизни — вот почему его переезд из Канады в Москву в 1983 году, санкционированный Андроповым и Черненко, столь удивителен.

Насколько можно судить по косвенным данным, в конце 1960-х взгляды Яковлева изменились под воздействием нескольких факторов — все они были следствием произошедшего в то время «завинчивания гаек». Во-первых, это разгром редакции «Нового мира»: Яковлев, видимо, испытывал многолетнюю глубинную симпатию к Александру Твардовскому — тоже крестьянскому сыну и участнику войны, сделавшему успешную советскую карьеру «с нуля». Во-вторых, Яковлев пережил потрясение, увидев, насколько сильны протестные настроения в оккупированной Чехословакии, до этого восторженно встречавшей советских солдат в 1945-м. В-третьих, Яковлева мучила неопределенность его должностного и политического положения в конце 1960-х

годов. Об этом пишет в своих мемуарах израильский политолог Илья Земцов, который поддерживал общение с Яковлевым на протяжении многих лет и утверждает, что встречался и говорил с ним в самые ответственные моменты его жизни. Многие факты в мемуарах Земцова требуют критической проверки, но воспроизведенные им реплики Яковлева близки к формулировкам самого Александра Николаевича, приведенным в его мемуарах или в документах, впервые обнаруженных только в рецензируемом томе. По утверждению Земцова, Яковлев, будучи послом в Канаде, говорил ему, в ту пору организовавшему неофициальный канал для контактов между правительствами Израиля и СССР³: «...По существу, я не вписывался в партийный аппарат. Был самостоятелен, независим. Мое скольжение вниз началось со снятия моего шефа [Леонида Ильичева] с заведования отделом пропаганды [в 1965 году]. Стали примерять меня на его место. Начали прощупывать. Выяснили: готовность служить у меня есть, но готовность прислуживать отсутствует. И четыре года я был в подвешенном состоянии. <...> Тогда мне стало ясно: недолго мне оставаться в ЦК. И я по старой армейской привычке решил упредить удар — выступил против двоемыслия»⁴. В интервью известному американскому журналисту Хедрику Смитту, до выхода рецензируемой книги публиковавшемуся по-русски только частично, Яковлев называет еще один фактор, который способствовал его «переходу в оппозицию», — необходимость принимать участие в прославлении Брежнева «по образцу» Сталина (с. 355).

Именно совпадение всех этих процессов, вероятно, и привело Яковлева к мысли о том, что знания, приобретенные во время стажировки в Колумбийском университете в 1958–1959 годах, можно использовать не только для анализа американской оборонной доктрины⁵, но и для понимания кризиса, к

которому пришла советская система. Тогда-то и вышли на первый план сомнения в справедливости режима. Впервые они зародились, скорее всего, после XX съезда КПСС, но в 1960-е еще соседствовали с привычным цинизмом аппаратчика. К концу 1960-х — началу 1970-х годов они стали основой для формирования искреннего и последовательного, хотя внешне и очень эклектичного мировоззрения.

К этой любопытной картине, которую можно реконструировать по другим источникам, новая книга добавляет несколько важнейших, иначе невозможных сюжетов. Например, основываясь на материалах сборника, можно детально проследить роль Яковлева как посредника между «горбачёвской командой» и западными (в особенности американскими) политическими элитами во внешнеполитическом обеспечении интересов Советского Союза в период перестройки. С одной стороны, Яковлев стремился «прощупать» настроения элит на Западе и «навести мосты» с той их частью, которой были выгодны контакты с СССР (он был одним из первых советских руководителей, встречавшихся с Джорджем Соросом, запись их беседы приведена в книге), с другой — именно у Яковлева иностранные политики и бизнесмены пытались узнать подробности о планах и прогнозах советского руководства.

Отчеты Яковлева о его переговорах дают возможность заключить, что некоторые из его собеседников были для него еще и постоянными и активными союзниками. Например, много раз встречавшийся с «архитектором перестройки» известный американский советолог польского происхождения Северин Биалер (р. 1926) регулярно и весьма откровенно информировал Яковлева (а через него и Горбачёва) о настроениях в конгрессе и среди руководства двух ведущих партий США. Комментарии Яковлева в его отчетах о встречах с Биалером не зафик-

сированы, но, вероятно, не без влияния этих бесед в 1988 году Биалер подготовил вместе с Майклом Мандельбаумом сборник «*Gorbachev's Russia and American Foreign Policy*»⁶.

Еще один сюжет книги — борьба Яковлева за возвращение церковного имущества Русской православной церкви. Если знать о том, какими проклятиями осыпали Яковлева в 1980—1990-е годы националисты и фундаменталисты, невероятно трогательным предстает направленное ему письмо «патриотов от культуры» Валерия Ганичева, Валентина Распутина, Георгия Свиридова и т. п. (еще один «подписант» — не принадлежавший к «русской партии» певец Иван Козловский) с горячей благодарностью за содействие в возвращении Оптиной пустыни РПЦ и просьбой поспособствовать присоединению к новому церковному имуществу еще одного скита. Письмо написано 19 декабря 1989 года, а уже 3 февраля 1990-го Распутин отправляет Яковлеву новое послание: скит и женский монастырь Шамордино присоединены к Оптиной пустыни. «Примите, Александр Николаевич, благодарность и от меня, и от многих и многих, кто умеет разобраться в добрых и полезных деяниях. А кто пока не умеет — наше дело помочь разобраться им в этом» (с. 402). Ох, как потом помогли...⁷

Книга, изданная фондом «Демократия», показывает Яковлева не только как идеолога, но и как нетривиального политического эксперта. Экспертом Яковлев был куда лучшим, чем Горбачёв, так как анализировал ситуацию рационально и излагал свои выводы в записках для того же Горбачёва, в то время как его патрон всегда интуитивно чувствовал, «куда ветер дует», но не оставлял и не хотел оставлять никаких внятных комментариев по поводу своих подлинных намерений и задач⁸.

Из книги становится понятно, что анализ ситуации в СССР и за его пределами

Яковлев проводил по разным правилам и в разной модальности. Это обстоятельство многое говорит о мировоззрении не только Яковлева, но и Горбачёва, которому Яковлев адресовал свои умозаключения.

События за пределами СССР, в особенности связанные с США — объектом его профессионального интереса, Яковлев трактует стратегически, даёт долговременные и обоснованные прогнозы. Так, инструктируя Горбачёва перед первой встречей того с Рональдом Рейганом (1985), Яковлев пишет: «...Дело не только в антикоммунистическом догматизме Рейгана; жесткий курс США диктуется *характером переходного периода США от абсолютного господства в капиталистическом мире к доминирующему партнерству, а затем и к относительному равенству*. <...> Болезненность этого процесса... еще будет долго сказываться на внешней политике» (с. 12)⁹.

А вот события внутри СССР Яковлев определяет прежде всего тактически, молчаливо признавая невозможность каких бы то ни было прогнозов. Так, комментируя обострившуюся ситуацию в Нагорном Карабахе, Яковлев в январе 1988-го призывает Горбачёва: «...Есть математические задачи, которые не имеют решения, — они неразрешимы. <...> Подобно им, *карабахская проблема сегодня неразрешима, не может быть решена. Любое мыслимое решение сегодня окажется неприемлемым для одной из двух сторон*.

Следовательно, нужно остановить пустую трату времени на поиски *решения* и вместо этого найти *выход* из сложившегося положения — понизить уровень перенапряжения...» (с. 165)¹⁰.

Чем в более узком кругу говорит Яковлев, тем более он пессимистичен. Выступая на партийном собрании в отделе пропаганды ЦК 29 августа 1985 года, он без обиняков ошарашивает аудиторию: «Мы проспали полтора десятилетия. Страна слабеет, и к 2000 году мы станем второразрядной держа-

вой. Главное сейчас — убедить людей, что на работе нужно работать! И только!» (с. 14). Выступая всего через полгода, 6 декабря, перед руководителями советских СМИ, Яковлев бодр и лучится официальным оптимизмом, требуя усиления антиамериканской пропаганды и обличения программы СОИ (с. 15—27). Тем-то и полезно соположение документов, подготовленных в разных условиях и имевших разную адресацию, что оно даёт возможность понять, насколько изощренным аппаратчиком был Яковлев, насколько дозированно он излагал свои взгляды в зависимости от характера аудитории (хотя о самом факте, что в перестройку ему приходилось много лгать и лицемерить, Яковлев неоднократно писал в мемуарах и говорил в поздних интервью).

В записках, адресованных Горбачёву, Яковлев в конце 1980-х предлагает все более радикальные политические и экономические меры. Некоторые из них впоследствии были реализованы — но в отрыве от контекста, в котором были сформулированы первоначально. Так, в записке от 2 июня 1990 года Яковлев предложил провести конфискационную денежную реформу, почти такую, какую весной 1991-го провело правительство Валентина Павлова («Обменять деньги 1:1, кроме 50 и 100 рублевых купюр. Купюры этого достоинства из обращения изъять» (с. 475)). Однако остальные предложения Яковлева: начать немедленную передачу в аренду убыточных предприятий и приватизацию учреждений бытового обслуживания, установить свободные цены на промтовары долговременного пользования, резко расширить сеть коммерческих продуктовых магазинов — реализованы не были. Сама возможность их реализации была блокирована тогда же, летом 1990 года, действиями Николая Рыжкова, который публично пообещал повысить цены, но сохранил сам механизм их государственного регулирования. Те, кто был

тогда в сознательном возрасте, помнят, как после транслировавшейся в прямом эфире речи Рыжкова с магазинных полок были сметены все оставшиеся в продаже товары.

И наконец, сборник позволяет понять особенности политического поведения Яковлева в 1980-е годы: оно причудливо сочетало черты советского аппаратчика и политика западного типа. На выдающихся — не рядовых — западных политиков Яковлев был похож неинструментальным отношением к ценностям. Проще говоря, он на протяжении нескольких десятилетий искренне верил в совершенно определенные политические идеалы, которые считал важными для России, и готов был публично их провозглашать и отстаивать. Они не были связаны с идеями экспансии или гегемонии: Яковлев очень хотел быть современным и надеялся сделать современной Россию. Например, в своих аналитических записках 1980-х он пересказывает Горбачёву теории постиндустриального и информационного общества.

В то же время другой, идущей от советских аппаратчиков чертой Яковлева был «синдром заложника» — глубокая бессознательная убежденность в том, что собственную программу, отличавшуюся от того, что было принято Горбачёвым и его «командой», нужно держать при себе.

Это противоречие становится заметным в одном из самых важных текстов новой книги — ранее не публиковавшейся записи полуофициальной беседы Яковлева со Збигневом Бжезинским (на тот момент — сопредседателем консультативной группы по национальной безопасности при президенте США Джордже Буше-старшем), которая состоялась 31 октября 1989 года (с. 372–387). Бжезинский упрекает Яковлева в том, что у горбачёвской команды нет собственного «проекта будущего»: «И в Польше, и в Венгрии людей окрыляют определенные чувства: вера в то, что положен конец совет-

скому влиянию, надежда на введение современной парламентской системы, развитие рыночного механизма, копирование модели западного образца. А у вас? Для современного советского грамотного человека пока нет еще ответа на вопрос: а что будет дальше? Что будет, когда перестройка победит? Вы говорите им о социализме, а они сами знают, что такое социализм. Они знают это уже на протяжении семидесяти лет. Поэтому ни у вас, ни за границей нет чувства стабильности и уверенности в будущем».

Яковлев, по-видимому, не хотел защищать социализм, но и не был готов соглашаться с антисоциалистическими декларациями Бжезинского, поэтому вынужденно констатировал, что «проекта будущего» у горбачёвской команды в самом деле нет: «...К нам иногда относятся со скепсисом, а иногда с доверием. А как постоят больше трех часов в очереди за молоком, так сразу бегут слушать Ельцина. Пока в нашей стране не будет жилья, молока и мяса, нам никто не поверит. <...> Нельзя сказать, что ничего за эти [советские] годы не было сделано, и тем, что сделано, мы гордимся. А нам сейчас говорят, вот вы все развалили, вы и делайте».

Однако любопытно продолжение беседы: как только Бжезинский ослабил психологический нажим (в эти минуты он явно собирался с мыслями, чтобы заговорить о самом важном для себя — о Катыни), Яковлев стал излагать свой собственный, личный проект будущего — но в очень неуверенной модальности: «Надо думать... о выработке нормальных, разумных потребностей человеческой личности. Об этом, кстати, следует задуматься и в странах Запада. Вы, по-моему, в свое время писали о конвергенции. **З. Бжезинский.** Я тогда сказал, что этого не случится¹¹. **А.Н. Яковлев.** <...> Ведь не все же на свете имеет классовый характер. Мы с вами определенным образом будем все равно двигаться к более здоровому, нравственному обществу».

Эти расплывчатые, под стать туманной риторике Горбачёва, заявления можно оценить в полной мере только ретроспективно, сопоставляя их с более поздними текстами Яковлева, в первую очередь с его главным манифестом — книгой «К социальной демократии» (1996)¹². Яковлев был одним из немногих людей в советских и постсоветских элитах, кто всерьез полагал, что *реформы «сверху» должны решать этические задачи*, иметь собственное этическое содержание, а не восприниматься как сугубо технологическая проблема. Необходимость преодоления «технологического» подхода к реформам Яковлев уже в декабре 1986 года понимал как вызов многовековой инерции насильственной модернизации России: «Речь... идет не только о демонтаже сталинизма, а о замене тысячелетней модели нашей государственности», — констатировал он в аналитической записке для Горбачёва (с. 65)¹³ и повторил в 1996-м в книге «К социальной демократии».

Однако о том, какие этические ценности можно было бы положить в основу реформ, Яковлев в период перестройки говорил уклончиво. Позже, во времена, когда его не связывали обязанности функционера «горбачёвской команды», он смог их определить хоть и утопически, но несколько более конкретно:

«Встань, Россия! Ибо ходишь ты сейчас вяло, вразвалку, шаркая паркинсонно.

Облейся потом трудовым! В труде, и только в труде обретишь ты и свободу, и процветание»¹⁴.

Здесь мы сталкиваемся с невероятной эклектичностью и анахроничностью языка Яковлева: содержательно эти призывы явно апеллируют к веберовским идеям «протестантской этики», а грамматически копируют афоризм немецкого юриста Рудольфа фон Йеринга, в России известный как лозунг партии эсеров: «В борьбе обретишь ты право свое». С таким же вдохновением, как эсеров, Яковлев «перелицовывал» и Столыпина.

Обращенная к Горбачёву в 1985 году броская фраза «Мы хотим, чтобы у каждого были великие гражданские обязанности, но это возможно лишь в том случае, если будут великие гражданские права» (с. 35) подозрительно похожа на общеизвестный лозунг о великих потрясениях и великой России — взятый, напомним, из речи 1907 года, в которой премьер-министр призывал думцев к долгой, постепенной работе по культивированию в среде крестьян идеи частной собственности.

У Яковлева ни во времена перестройки, ни даже в 1990-е *не было языка* для выражения своей политической позиции, и поэтому он брал «с миру по нитке». Именно так: ценности были, а собственного языка для них не было. А вот для выражения экспертного мнения, подготовленного лично для «самого» или для узкого круга специалистов, язык у него был — и прекрасно разработанный.

Источник этой проблемы не только в том, что в СССР середины 1980-х не существовало языка публичных политических дискуссий. Это было бы полбеды. Дело еще и в том, что во второй половине 1980-х годов в качестве главного объекта своей критики Яковлев уже выбрал большевизм, дискурс которого тоже был изначально эклектичен¹⁵. Стремясь разгромить оппонента «на всех фронтах», Яковлев вынужден был создать столь же «бриколажную» риторику.

Вместе с тем при всей хаотичности яковлевских аллюзий за ними проступает определенная положительная программа — левый либерализм скорее североамериканского, чем европейского толка. Левый либерализм Яковлева, как становится заметным уже в документах конца 1980-х, предполагал опору на мелких собственников и государственных служащих низшего и среднего звена, апелляцию к гражданскому обществу и правам личности и идею эволюционного развития.

Скорее всего, окончательно взгляды Яковлева оформились в 1970-е годы, когда,

будучи послом в Канаде, он испытал заметное влияние Пьера Эллиотта Трюдо¹⁶ — тогдашнего премьер-министра этой страны (1968—1979, 1979—1984), одного из самых ярких леволиберальных политиков эпохи холодной войны. Яковлев неоднократно называл Трюдо своим близким другом, и, судя по опубликованному в новой книге теплому письму от 17 октября 1986 года, канадский реформатор хорошо понимал своего коллегу. Комментируя вроде бы сугубо пропагандистскую, написанную в духе холодной войны книгу Яковлева «*On the Edge of an Abyss: From Truman to Reagan...*» (Moscow, 1985)¹⁷, Трюдо отмечает ее большую близость с еще не вышедшей тогда (но известной Трюдо в рукописи) работой Артура Шлезингера-младшего «Циклы американской истории» (с. 63)¹⁸. Действительно, Яковлев в некоторых отношениях был вполне близок адепту рузвельтовского «нового курса» и наверняка согласился бы подписаться под фразой из «Циклов...»: «Идеология антиисторична. Она живет моделями и заменяет ими реальность. <...> Идеология изымает проблемы из бурного потока реальности и занимается ими в отрыве от непрерывного водоворота жизни»¹⁹.

Видимо, это сходство было не случайным: взгляды Яковлева в 1980-е во многом близки взглядам Шлезингера, а возможно, и испытали прямое влияние американского эксперта (напомню, что «Циклы американской истории» написаны на основе статей, опубликованных в американской политической и научной прессе 1950—1980-х годов, которые наверняка были известны Яковлеву²⁰). Если искать единомышленников Шлезингера среди советского руководства, на эту роль лучше всего подходит именно Яковлев. Как никому другому ему могла быть близка мысль американского аналитика: подчинение внешней политики Рейгана неоконсервативной идеологии опасно в первую очередь «симме-

тричным» усилением «ястребов» в советском руководстве и реанимацией одряхлевшего советского экспансионизма²¹.

Наличие осознанных политических ценностей и готовность их последовательно отстаивать — редкий случай среди позднесоветских и постсоветских политиков. Благодаря этим ценностям Яковлев всегда имел основу и возможность для компромисса, а не для лавирования, мастером которого был Горбачёв. Насколько можно судить, и у Горбачёва были и остаются свои ценности в политике, однако вплоть до завершения политической карьеры Горбачёв принципиально отделял ценности, в которые он верил, от повседневной политической практики.

Несомненно, Яковлев в период перестройки, да и в 1990-е, из всех советских политиков стал самым демонизированным — по крайней мере в консервативной и конспирологической печати. По своему психологическому складу он был не публичным лидером, а скорее аналитиком-идеологом, под стать тому же Бжезинскому, хотя и с существенной поправкой на специфику аппаратной работы в КПСС. В любом авторитарном обществе такой человек с неизбежностью начинает восприниматься как «серый кардинал» — тем более в случае, если он, подобно Яковлеву, тщательно дозирует степень откровенности в своих публичных выступлениях и даже в служебных записках.

Сборник документов, изданный фондом «Демократия», свидетельствует: для того чтобы понять перестройку как исторический период, очень важно изучить не только рычаги политического влияния Яковлева, но и его политические концепции. Реализации своей, вполне определенной «положительной программы» он добивался всю жизнь, несмотря на то, что современники воспринимали его в первую очередь как критика и разоблачителя. ■

ИЛЬЯ КУКУЛИН

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В поздних версиях мемуаров Яковлев прямо говорил о том, что поддержавший Сулова Брежнев рассердился на него не за «вольномудство», как Сулов, а исключительно за нарушение неписаных аппаратных правил: Яковлев, входивший в команду брежневских спичрайтеров, опубликовал яркую статью накануне большого «установочного» доклада генсека. На такие поступки спичрайтеры права не имели: считалось, что в подобных случаях они «засвечивают» под собственным именем идеи, предназначенные для «вождя».

² Сообщая об этом, А.А. Яковлев ссылается на комплекс документов из архива своего отца, но «вслухую», никак не характеризуя этот источник и не сообщая о его содержании: ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 68.

³ После Войны Судного дня (1967) дипломатические отношения между двумя странами были прерваны.

⁴ *Земцов И.Г.* Лица и маски: В 2 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1. С. 76. Благодарю Николая Митрохина, который обратил мое внимание на этот источник и поддержал меня советами и консультациями во время работы над рецензией.

⁵ Именно этому анализу были посвящены кандидатская и докторская диссертации Яковлева, защищенные в 1960-е годы. Их результаты изложены в книгах: *Яковлев А.Н.* Идеология американской «империи». М., 1967; *Он же.* Рах Америка: Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969. Возможно, на эти книги стоит обратить внимание нынешним российским антиамериканистам, которые полагают, что описание США как «империи» есть новейшее достижение мировой политологической мысли.

⁶ *Gorbachev's Russia and American Foreign Policy* / S. Bialer, M. Mandelbaum (eds). Westview Press (with The East-West Forum), 1988.

⁷ См., напр.: «Мне кажется, в семидесятые годы какой-то чистый воздух был в литературе. Не настолько они были и легкими, тогда и Александр Яковлев уже выступил со своим антирусским письмом, и другие гонения были, но всё равно писалось легко и хорошо. И не мне одному» (*Распутин В.* Таланту надо помогать: Выступление на юбилейном вечере в Доме национальностей // *Завтра*. 2007. 25 апр.). См. также беседу Распутина с Саввой Ямщиковым «Пишу о том, что нужно людям» (*Завтра*. 2004. 30 марта) и пр.

⁸ Трудно удержаться, чтобы не привести психологический портрет Горбачёва середины 1980-х, созданный Яковлевым, из книги «Сумерки» (М.: Материк, 2005): «Иногда он становился рабом собственной логики, которая и диктовала ход и содержание разговора, а он становился всего лишь как бы свидетелем его. Но эта его беда в значительной мере функциональна: он умело скрывал за словесной изгородью свои действительные мысли и намерения. <...> Мне порой казалось, что он и сам побаивается заглянуть в себя... опасаясь узнать нечто такое, чего и сам еще не знает или не хочет знать».

⁹ Здесь и далее все курсивы в цитатах соответствуют воспроизведенным в книге подчеркиваниям в машинописи или рукописи А.Н. Яковлева. Цитируемая записка ранее публиковалась в книге А.Н. Яковлева «Омут памяти» (М., 2001).

¹⁰ Правда, по словам Земцова, в 1970-е годы почти в таких же выражениях, как и в процитированной записке, Яковлев комментировал разворачивавшийся за пределами СССР ближневосточный конфликт: «Проблемы не решаются, а тем более по указанию со стороны — они преодолеваются. Когда приходит время» (*Земцов И.Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 75). Если Яковлев в самом деле говорил именно так, можно предположить, что ситуация вокруг Израиля начала 1970-х годов стала для него образцом социально-политического конфликта, неразрешимого в тактической перспективе.

¹¹ «Тогда» — в 1964 году, в книге, написанной совместно с Сэмюэлем Хантингтоном: *Brzezinski Z., Huntington S.P.* Political Power: USA/USSR. N.Y., 1964. P. 436: «Советская и американская политические системы, каждая по-своему, весьма успешны. В силу этого они, скорее всего, не претерпят существенных изменений. Чтобы состоялась конвергенция, должна произойти значительная коррекция пути развития каждой из стран — революция с исторической точки зрения... Эволюция двух систем, а не их конвергенция, представляется нам наиболее реалистичным сценарием будущего развития» (пер. В.А. Евгеньева. Цит. по: *Евгеньев В.А.* Образы США и СССР в концепции мировой политики Збигнева Бжезинского // *Полис*. 2003. № 1 (<http://www.polistudies.ru/N2004fulltext/2003/1/16.htm>). В рецензируемой книге эта реплика Бжезинского не откомментирована.

¹² Яковлев А.Н. К социальной демократии. М.: Материк, 1996.

¹³ Ранее эта записка публиковалась частично в кн.: Яковлев А.Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина: В 2-х кн. М.: Вагриус, 2001. Кн. 1. С. 367–371. В мемуарной книге «Сумерки» Яковлев утверждал, что написал ее еще в декабре 1985 года.

¹⁴ Финал речи Яковлева на учредительном съезде Партии социальной демократии в 1995 году. Цит. по: Яковлев А.Н. К социальной демократии. С. 76.

¹⁵ Яковлев осознал этот факт, но слишком поздно: о принципиальной эклектичности большевизма он пишет в своей книге «Горькая чаша: Большевизм и Реформация России» (Ярославль, 1994. С. 451).

¹⁶ Полное имя – Жозеф Филипп Пьер Ив Эллиотт Трюдо (1919–2000).

¹⁷ По-русски эта книга вышла на год раньше: Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984. В комментариях русское издание почему-то не упомянуто.

¹⁸ Schlesinger A. M. Jr. The Cycles of American History. Houghton Mifflin, 1986.

¹⁹ Цит. по: Шлезингер А.М. Циклы американской истории / Пер. с англ. П.А. Развина и Е.И. Бухаровой; послесл. В.И. Терехова. М.: Прогресс, 1992. С. 84.

²⁰ Так, глава 3, из которой взята приведенная цитата, написана на основе статьи Шлезингера-мл. в журнале *Foreign Affairs* (1983. Fall).

²¹ Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 102.

Татьяна Соловей, Валерий Соловей. Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009. 440 с. (Серия «Записки о древней и новой России. Вып. 3)

Книга Татьяны и Валерия Соловей – о русском национализме, его особенностях, исторической роли и перспективах. Авторы (брат и сестра) – ученые, историк и этнограф, а сама книга – плод длительного изучения и размышлений. Но пером авторов водил не только научный интерес, но и сильные национальные и политические чувства. Это – страстная и смелая книга, в которой авторы поднимают очень большие темы, не боясь вызвать тем самым всеобщее недовольство: и националистов, и либералов-западников, и властей. В данной рецензии я хочу обратить внимание на основные мысли авторов и указать на их главные ошибки (как я их вижу), не касаясь как многих их ценных наблюдений, так и многих неизбежных в таком труде голословных или чересчур экстравагантных утверждений, неверных оценок и т. д.

Если, неизбежно упрощая, представить себе, что в нашей культуре и в нашей полити-

ке борются космополитизм (он же – «западничество»), он же, в крайних проявлениях, «руссофобия») и русский национализм, то авторы, безусловно, отождествляют себя с последним. Лагерь «либералов и демократов» для них – чужой и даже враждебный. Татьяна и Валерий Соловей – противники антисемитизма, в котором они видят одну из патологических черт русского национализма. Но их возмущает, и они не боятся об этом сказать, также то, что в российской либеральной среде принадлежность к евреям или какие-то родственные еврейские связи – как бы «пропуск», признак «своего». Их возмущает присутствующая в этой среде «руссофобия». Их возмущает готовность «демократов» – победителей 1991 года, силой навязать народу «западные модели», в чем они видят проявление глубокого недоверия и презрения к русским, ту же руссофобию. Именно это, считают они, в конечном

счете привело к совершенно не «западной» системе правления «безальтернативных президентов», передающих друг другу власть. И им обидно за русский народ, который и в 1917-м, и в 1991-м оказался под властью политиков, относившихся к нему, скажем мягко, без особого пиетета. Но именно то, что авторы считают себя русскими националистами, позволяет им писать о национализме так нелицеприятно, как, я думаю, не решился бы написать и завзятый русофоб.

Татьяна и Валерий Соловей полагают, что российское государство в его трех сменявшихся друг друга формах — самодержавной, советской и постсоветской — было и остается государством «антинациональным». Масса русского народа была в нем материалом для строительства многонациональных империй и обеспечения безбедной жизни денационализированной, космополитической элиты. Империи высасывали соки из русского народа, в котором всегда присутствовало полуосознанное стремление освободиться от имперского самодержавного государства. Это стремление проявлялось в бегстве на окраины, в старообрядческом движении, в мечтах о Беловодье и т. д. Оно проявилось и в революции 1917 года, когда масса русских людей не поднялась на защиту империи а, напротив, сражалась против тех, кто стремился ее восстановить. Полное безразличие русских, во всяком случае на деле, а не на словах, к судьбе империи в ее новой советской форме проявилось и в 1991-м, когда для спасения СССР никто не то что не пожертвовал своей жизнью, а и пальцем не пошевелил. И в революции 1917-го, и в революции 1991 года был элемент русского национального восстания против империи. Но обе империи свергались не под русскими националистическими, а под «космополитическими» лозунгами. В результате русские снова оказывались в «антинациональном» имперском государстве.

Авторы дают, на мой взгляд, правильный анализ объективно антиимперской роли русского национализма. Национализм «главного народа» в многонациональном имперском государстве — антиимперский, ибо, стремясь к «национализации» империи, он ускоряет процессы становления других национализмов и подрывает традиционную лояльность к имперской власти. В Российской империи немцы, финны, армяне и т. д. могли быть лояльны к империи Романовых (немцев по крови), но они не могли быть лояльны к государству, которое объявило бы себя империей русских. Но национализм в какой-то мере подрывает и русскую лояльность империи, ибо из традиционалистски безусловной объективно превращает ее в обусловленную национальным характером имперского государства. (Национализм все-таки идеология нового времени, эпохи становления демократий.) Императорская власть понимала это. Она стремилась ограничить русский национализм, хотя в ситуации, когда традиционалистская легитимность подвергалась эрозии и требовался поиск новых идеологических опор, перехватывала его лозунги. А в трудную минуту использовала его, натравливая черносотенцев на «жидов и студентов». Русский национализм начала XX века при всем его монархизме, при всей его ненависти к либералам и революционерам был одной из идейных сил, подрывавших империю.

Еще более очевидна роль русского национализма в разрушении Советского Союза. Идеи «национализации» советского государства и переосмысление его как русского способствовали росту «окраинных» национализмов. Русские националисты сформулировали всю ту аргументацию, которую позже использовали западники-демократы в борьбе с союзным центром (Россия в СССР подвергается эксплуатации, ее ресурсы перекачиваются в другие республики, русские живут хуже других советских народов, в России нет своего

ЦК, своих академий и т. д.). Мысль о возможности выхода России из Советского Союза впервые озвучили не демократы-западники, а писатель-националист Валентин Распутин. И все шаги Ельцина с демократами, направленные на разрушение союзного государства (объявление суверенитета России, введение поста президента — вплоть до Беловежских соглашений), поддерживались националистически настроенной частью российских депутатов. Это уже потом они стали рвать на себе волосы, осознав, что произошло. Дважды русские националисты участвовали в разрушении империй, но дважды плоды их трудов доставались другим.

Татьяна и Валерий Соловей раскрывают особенности русского национализма, обрекавшие его на поражения и политическое бессилие. Русские националисты никогда не были способны предвидеть последствия собственных идей, сделать из своих посылок вытекающие из них выводы. Объективно стремление к национальному русскому государству было антиимперским. Ведь «Россия для русских» с неизбежностью предполагает «Польшу для поляков» (а сейчас, очевидно, — «Чечню для чеченцев»). Но объективная антиимперская направленность никогда не становилась осознанной. Националисты всегда хотели принципиально невозможного — национального русского государства, которое продолжало бы быть империей, не отдавая ничего из завоеванного ей. Даже голосуя за суверенизацию России и за Беловежские соглашения, националисты надеялись, что постсоветское пространство каким-то образом все равно останется «нашим». Народ, конечно же неосознанно, стремился избавиться от бремени империи, логика национализма требовала антиимперских лозунгов, но национализм никогда их не выдвигал.

Равным образом из «объективного демократизма» национализма, постулировавшего приоритет этнических связей над сослов-

ными и классовыми и предъявлявшего требования к верховной власти, националисты никогда не делали демократических выводов. Они всегда были не просто лояльны, а «агрессивно послушны» верховной власти, мечтая о том, что эта власть (цари, ЦК, Горбачёв, Ельцин, Путин) сама станет «национально русской». Национализм никогда не мог предложить какой-то позитивной программы решения реальных социальных проблем, действительно жизненно важных для народа. Поэтому он был обречен быть игрушкой в руках имперских властей и регулярно терпеть поражение от космополитических прогрессистских сил, путь которым к власти он сам и прокладывал своей разрушительной работой. Но почему же он такой?

И здесь логика авторов «дает сбой». Если я их правильно понимаю, они считают, что все эти черты не «сущностные» и что возможен иной национализм, сознательно антиимперский и не зависящий от авторитарной власти. Такой национализм приведет к нормальному национальному (демократическому?) государству, существующему для народа, а не для элиты, которая отождествляет себя больше с чужеземными элитами, чем со своим народом. Короче говоря, возможен «русский национализм с человеческим лицом». «Несостоявшаяся» национальная революция в конце концов может состояться. Авторы стараются не переходить в политическую плоскость и не раскрывают до конца свои политические мечты, что порождает некоторую недоговоренность, невнятность. Но эти мечты все-таки пробиваются на поверхность.

Я не уверен, что тот образ «русского национализма с человеческим лицом», который есть у авторов, вообще можно назвать национализмом. Ведь национализм — это не просто стихийные и спонтанные патриотизм и этническое чувство. Национализм — это постулирование высшей ценности своей этничности. Если сказать совсем попросту, национализм

неотделим от «хвастовства», приписывания своему этносу каких-то прекрасных черт или изображения его черт как прекрасных. Но такое приписывание всегда отталкивается от каких-то реалий, националистическая мифология строится на реальной истории, приукрашивая ее. Украинские националисты могут говорить, что с Украины в темную Северную Русь пришли христианство и культура, изображать гетманское государство XVII века как протодемократию, утверждать, что в Украине была создана первая письменная демократическая конституция и т. д. и т. п. Но никакой украинский националист не может хвастаться тем, что украинцы — создатели величайшей империи в мире, или утверждать, будто украинцам свойственна самодержавная форма правления и это — прекрасно. Просто потому, что у украинцев не было ни своей империи, ни своего самодержавия. Русский национализм отталкивается от реальных черт русского народа и его истории: это в основном история деспотических форм правления и строительства империй. Средневековые Новгородская и Псковская республики могут быть свидетельством того, что деспотизм не имманентен русскому народу, но они были давно, их уничтожили сами русские, и их нельзя положить в основу националистического самоутверждения. Почему русский национализм — такой, какой он есть? Да потому что такова русская история и русская культура. Объективно он может способствовать эрозии империй и деспотических режимов. Но субъективно антиимперским и демократическим он быть не может. Авторам претит русский национализм в его теперешнем виде. Но, перефразируя известное высказывание Сталина, можно ответить авторам: «Других национализмов у нас нет».

Вторая кардинальная ошибка авторов связана с русофобией. Татьяна и Валерий Соловей ненавидят русофобию и называют отношение либералов-западников к соб-

ственному народу «похабным». Между тем совершенно ясно, что русофобия, как и русский национализм с его особенностями, — органический элемент русской культуры. Без нее вообще нет русской культуры нового времени — даже не с Петра, а с допетровских времен. Наша русофобия и наш национализм произрастают из одного корня. Если страна объективно отстает в своем развитии, если она вновь и вновь воссоздает авторитарные формы правления в то время, как демократия давно уже перестала быть «западной» и стала общемировой нормой, и эта отсталость осознаётся (а то, что это осознаётся, говорят все опросы общественного мнения), психологически возможны две реакции. Первая — националистическая, заглушающая чувство ущербности хвастовством. «Мы отсталые, но духовно мы выше всех, империя у нас — громадная, а демократия — гадость». Вторая — «руссофобская». Аналоги руссофобии в виде всяких «китаефобий» и «латиноамериканофобий» есть во всех отстающих странах. Ни один наш руссофоб не писал о России с такой горечью и злобой, с какой Лао Шэ писал о Китае. И как русский национализм и руссофобия имеют общий корень, так они и взаимно питают друг друга. Если национализм утверждает имманентность для русского народа империи и авторитарного правления, то естественно, что демократизм и антиимперскость приобретают руссофобский оттенок. А это, в свою очередь, вызывает националистическую реакцию.

И национализм, и руссофобия — естественные порождения и проявления русской культуры, культуры страны, которая хочет стать вровень с передовыми демократическими странами, но пока никак не может. Это — две естественные реакции на данный факт и два проявления глубочайшего национального невроза.

Авторы пишут: «...Позитивная оценка собственной группы является психической

нормой, а ее низкая оценка — симптомом психического неблагополучия» (с. 29). С этим можно согласиться, но с оговоркой: если эта позитивная оценка основана на реальных достижениях, а не является позитивной оценкой того, что объективно плохо. Если ребенок плохо учится и утверждает, что учеба — чепуха, психической нормы здесь нет. Неудачи в создании государства, служащего своему народу (а это может быть только демократическое государство), — вполне объективны для русских, и проистекают они из объективных «пороков», которые никак не могут оцениваться позитивно. Построение такого государства остается объективной задачей.

И русофобски заниженная оценка собственных возможностей, неверие в силы своего народа, подрывавшие попытки установ-

ления демократии, и националистическое хвастовство собственными пороками мешают реализации этой объективной задачи. Для построения «нормального» государства необходимо преодоление и того и другого. Окончательно «нормальным» русское самосознание может стать лишь в «нормальном» государстве. Но чтобы такое государство могло возникнуть, определенная работа по «нормализации» сознания должна идти уже сегодня. Это очень трудная и мучительная работа. Но все-таки она идет, и рецензируемая книга — свидетельство такой работы и психологических мук русских патриотов (националистами я авторов книги все же не назвал бы), в которых хочется видеть муки рождения новых, не патологических форм русского национального самосознания. ■

ДМИТРИЙ ФУРМАН

АСТРОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ — доцент факультета международных отношений и европейских исследований Центрально-европейского университета (Будапешт, Венгрия).

БОРОХ ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат экономических наук.

БУСЫГИНА ИРИНА МАРКОВНА — профессор факультета политологии МГИМО (У) МИД России, директор Центра региональных политических исследований МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук.

КАРОЗЕРС ТОМАС — вице-президент по научной работе Фонда Карнеги за Международный Мир (Вашингтон, США).

КАСЬЯНОВ ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — заведующий отделом новейшей истории и политики Института истории Украины Национальной академии наук Украины, профессор, доктор исторических наук.

КУКУЛИН ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ — филолог, литературный критик, старший научный сотрудник Московского гуманитарного педагогического института, преподаватель Государственного университета — Высшей школы экономики, кандидат филологических наук.

ЛОМАНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ — главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук.

МИЛЛЕР АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ — ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор исторических наук.

ТРАБА РОБЕРТ — директор Центра исторических исследований Польской академии наук в Берлине (Германия).

ФИЛИППОВ МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ — преподаватель политологии Университета Бинхэмтон (штат Нью-Йорк, США).

ФУРМАН ДМИТРИЙ ЕФИМОВИЧ — главный научный сотрудник Института Европы РАН, профессор, доктор исторических наук.

ШЕРРЕР ЮТТА — профессор российской истории Высшей школы социальных наук (Париж, Франция).

Vol. 13, No 3—4 (46)

COVER STORY

THE POLITICS OF HISTORY

Russia: Power and history

BY ALEXEY MILLER

Following its neighbors into the politics of history, Russia only reinforces the atmosphere of intransigence. But this symmetrical response, in which each “yes” from the other side must inevitably provoke a corresponding “no”, is not necessarily an effective weapon against the historical policies of other states. A reasonable and dignified tactic would be to respond not in kind, but by developing a dialogue with the opponents of the politics of history – including historians and public figures – in all of the countries involved. There are such people in Russia, and they will continue their work.

Ukraine: *Holodomor* and nation building

BY GEORGIY KASIANOV

Historical policy in independent Ukraine developed along the standard lines for post-communist societies. Throughout the post-communist space, history is used as an argument in political debates and as a tool for sorting out relations with neighboring countries, particular with Russia as the successor to the USSR. Such policies are always led by the state and claim as their goal the creation of national unity and civic consciousness; the results, however, are ubiquitous domestic and international conflict.

Polish debates about history in the 21st century

BY ROBERT TRABA

Whenever attempts are made to construct a discourse of memory in which “one’s own country” is seen to dominate “others”, there is a danger that memory may be captured. On the other hand, in a “Europe without borders” it is unreasonable to expect that democratic entities, united by identity, will function in hermetic spaces, all the more so as collective memory is

constantly amended and reconsidered within internal structures.

China: The return of the will of Heaven

BY OLGA BOROKH AND ALEXANDER LOMANOV

Members of the liberal intelligentsia are attempting to re-think the dominant interpretation of history, in order to open Chinese minds to influence from abroad. Their nationalist opponents respond with harsh criticism of the West and call on the Chinese to consolidate around “great goals”. The Communist Party rises above the fray as the purveyor of a centrist discourse, combining patriotism and openness to the outside world; memory of the “century of national shame” and slogans about global harmony; positive memories of the revolution and a strong commitment to reform.

Germany and France: Processing the past

BY JUTTA SCHERRER

The differences between German and French historical policy can be explained in large degree by the peculiarities of 20th century history and the differing political cultures in the two countries. However, when comparing the deep preferences of both societies to one or another policy, a question arises: perhaps the French historian Marc Bloch (executed by the Nazis in 1944) was correct when he asserted that the Germans “relive their collective memories more intensely than the French, who have long been more inclined to be guided by common sense”?

Estonia: A political struggle for a place in history

BY ALEXANDER ASTROV

The political outcome of “the historians’ dispute” on Estonian soil has been a temporary moratorium on the potentially fractious debate about the meaning of the two totalitarian

regimes of the past. In practical terms, this moratorium is justified by the imperative of European stability, which in turn is indelibly linked to transatlantic consensus and Western support for Russian reforms. In the early 21st century, both of these foreign policy pillars have been somewhat weakened, and Estonian domestic politics has been thrown into crisis.

ARTICLES

The problem of forced federalism

BY IRINA BUSYGINA AND MIKHAIL FILIPPOV

In Russia, the alternative to empire is not classic federalism in the American model or even the more cooperative German or Austrian varieties, but asymmetric ethnic federalism, in which significant subsidies to minorities remains necessary. However, in a functioning ethnic federation the support of territorial integrity imposes much fewer costs on the majority than in an empire. In such an arrangement, the

direct 'purchase' of the loyalty of ethnic elites is partially displaced by the redistribution of rights and prerogatives.

Rule of law temptations

BY THOMAS CAROTHERS

In this decade, the continued growth of international attention to the rule of law in some countries involves greater reductionism rather than inclusion. The growing attention is thus as much about the fraying of an international consensus on political values as it is about a growing political convergence. Western policy actors, often eager to find signs of positive change or at least positive intent from those governments, salute their rule-of-law promises, overlooking the damage that the reductionism may cause to the health of the broader rule-of-law agenda.

Book Reviews

Our Authors

